

ВЕТРЫ, АНГЕЛЫ И ЛЮДИ

Макс Фрай

ВЕТРЫ, АНГЕЛЫ И ЛЮДИ

© 2014 Макс Фрай

Все права защищены законом об авторском праве. Книга не может быть воспроизведена либо использована в коммерческих целях, как целиком, так и частично, без письменного разрешения автора. Разрешено некоммерческое использование цитат из книги.

СОДЕРЖАНИЕ

[Хорошая жизнь](#)
[Из лоскутков, из тряпочек](#)
[Innuendo](#)
[Неполный перечень безымянных существ](#)
[Ничего не говори](#)
[Каждый хотел бы так](#)
[Если долго сидеть на берегу реки](#)
[О разнообразии мира](#)
[Озеро впадает в море](#)
[Дом для кошки и дракона](#)
[Одно пальто на двоих](#)
[Идеальная одежда для разных времен года](#)
[Самый красивый в мире консул](#)
[Вариации на тему рая](#)

[Другие книги Макса Фрая](#)

Хорошая жизнь

Быть василиском-сиротой, с младенчества лишенным присутствия старших, а значит, знаний о себе и об окружающем мире, которые они могли бы передать. Жить в подземелье, есть драгоценные камни, не знать о себе ничего – ни о птичьей голове, ни о змеином хвосте, ни о прекрасных жабьих глазах, ни о способности убивать взглядом, ни о смертельной опасности, которую сулит петушиный крик. Думать, что тьма пещеры – это и есть весь мир, а огненный хохолок на твоей макушке – единственное светило. Быть вполне довольным таким мироустройством – все на месте, ничего лишнего.

Да и сравнивать не с чем.

Быть василиском, жить в подземелье, есть драгоценные камни, не знать о себе ничего до тех пор, пока твой покой не нарушит хитроумный каторжник-смертник, вызвавшийся сразиться с тобой ради обладания камнями и металлами, чью ценность хорошо понимают люди, о существовании которых тебе, впрочем, не было известно до этого дня, и даже воображение никогда не порождало подобных химер – какой в них прок?

Быть василиском, жить в подземелье, не знать о себе ничего, впервые в жизни услышать шум, впервые в жизни растеряться. Пойти поглядеть – что там происходит?

Увидеть ослепительный блеск серебряной амальгамы, а потом – внимательно глядящие из темной глубины зеркала сияющие жабы глаза. Заглянуть в них, узнать себя, прозреть – навсегда. Рассмеяться – тоже впервые в жизни, тоже навсегда. Стать смехом, золотым светом, движением и любовью. Стать всем.

Быть василиском, жить в подземелье, не зная, что это – небытие. Встретиться с собственным взглядом и умереть, зная, что это и есть рождение.

Такая хорошая жизнь.

Из лоскутков, из тряпочек

Шел, потому что если упасть лицом в снег, ничего не изменится, только станет мокро и холодно, еще холодней, чем так.

Не останавливался, потому что понимал: если вот прямо сейчас я настолько раздавлен и безутешен, каково мне придется, когда вместо того, чтобы внимательно смотреть под ноги, загляну в свою темноту, где воеет и мечется жалкое перепуганное существо, которому недолго осталось, которое скоро уйдет насовсем, заберет меня вместе с собой, потому что оно – это я.

Не оглядывался по сторонам, потому что невыносимо видеть разругавшихся от мороза, предвкушающих скорое Рождество, веселых, здоровых, а значит почти бессмертных туристов и жителей города Хельсинки, куда приехал, сказав Машке: «просто открыть визу», – а на самом деле, конечно, чтобы отвлечься, не думать, не кидаться на стены в ожидании приговора. И действительно вполне прекрасно провел здесь целых два дня. И еще примерно треть третьего, пока приговор не был оглашен из телефонной трубки, как и договаривались, после обеда, во вторник двадцатого декабря.

Никогда прежде не молился, в храмы заходил изредка, из любопытства, как экскурсант, поэтому полагал, что сейчас не стоит и начинать: если Бога нет, все равно не поможет, а если все-таки есть, не хотелось бы напоследок выглядеть в его глазах трусливой, истеричной и, к тому же, недальновидной свиньей, которая поднимает визг только на пороге бойни – где ты, дура, раньше была? Язык бы не повернулся взмолиться об исцелении, да и глупо просить того, в кого не веришь, о невозможном. И только для себя одного.

Все это не то чтобы всерьез обдумывал, но как-то без дополнительных размышлений понимал, даже когда услышал собственный шепот из той темноты, куда не был пока готов заглянуть целиком: «Кто-нибудь всемогущий, если Ты где-нибудь есть, сделай со мной хоть что-нибудь вот прямо сейчас».

В другой ситуации порадовался бы блестящей формулировке – идеально честная молитва агностика, не придерешься. Но сейчас было не до того. Усилием воли заставил себя заткнуться. Пошел дальше, зачем-то свернул, перешел дорогу, чуть не угодив под трамвай, или только показалось, будто опасность была близка, а на самом деле чертов зеленый трамвай спокойно стоял на своей остановке, хрен разберешь, когда двигаешься как во сне сквозь синие городские сумерки, праздничные огни и густой мокрый снег, тающий на щеках и стекающий за воротник вместо слез, которыми горю, будем честны, не поможешь.

Потом снова куда-то свернул. И тут же сложился практически пополам, потому что ветер теперь задул прямо в лицо и оказался не просто холодным, а ледяным. Поутру в прогнозе погоды жителям Хельсинки обещали южный ветер во второй половине дня, и как же жаль, что веселого человека, способного посмеяться над подобным несоответствием названия и сути, больше нет, остался только термос, в который его налили при рождении, раньше времени вышедший из строя дурацкий сосуд, ржавый, дырявый, больше не способный держать тепло, уже почти пустой, содержимое льется на тротуар – вот прямо сейчас.

Ладно, с другой стороны, чем хуже, тем лучше. Этот невыносимый ветер в лицо – дополнительная возможность еще какое-то время не думать о смерти,

как киношная сигарета перед казнью, милосердная отсрочка на целых пять минут, или сколько я смогу так идти. И на том спасибо, могло бы не быть даже ледяного южного ветра, мало ли что обещали синоптики, они у нас нынче почти как Бог, никто в них не верит, и я тоже.

И я.

Почти ослеп от горя, ветра и мокрого снега, но шел, не останавливаясь, даже шагу прибавил, насколько это было возможно, снова перешел дорогу, ведомый зеленой звездой светофора, и как-то внезапно чуть не угодил в котел. То есть натурально налетел бы на раскаленный котел, булькающий и дымящийся если бы его не подхватили чьи-то милосердные руки в количестве примерно полудюжины штук, и тогда, конечно, пришлось все-таки остановиться и оглядеться по сторонам. Ничего не поделаешь.

В первую секунду почти всерьез подумал, что попал в ад. И как-то даже, надо сказать, обрадовался. Потому что – ну все-таки жизнь после смерти. Не полное небытие. И самое главное, я уже тут. Без больниц, без мучений, без всей этой тошнотворной агонии – раз, и в аду! Невероятная удача. Наверное, меня все-таки сбил тот зеленый трамвай? Ни черта не помню; впрочем, оно и к лучшему.

А потом проморгался и понял, что пришел не в ад, а просто на ярмарку. И даже узнал место – это же Эспланада! Ярмарка тут вообще круглый год, не только на Рождество, просто сейчас стало гораздо больше – товаров, людей, фонарей, костров и котлов с едой, всего.

Потом осознал, что его уже довольно давно о чем-то расспрашивают – те самые добрые люди, которые не дали рухнуть в адский котел. Сперва говорили по-фински, но быстро перешли на английский. Заставил себя вслушаться. Ничего особенного: «Что с вами случилось?» – и прочие вежливо-встревоженные реплики в таком роде. Надо бы ответить: «Спасибо, все в порядке», – и быстро, быстро бежать отсюда, куда угодно, лишь бы не оставаться здесь. Рождественская ярмарка не самое подходящее место для человека, готового рыдать от разочарования, узнав, что она – не ад.

Но из задуманной речи получилось только: «Спасибо», – да и то так тихо, что сам себя не услышал. А потом мешком осел на утопанный снег – не обморок, просто ослаб, настолько, что даже в пылающей голове не осталось мыслей, кроме одной, зато очень здоровой: «Какой тебе ад, дурак. Сначала надо отдать Кашу Лёвке. Машка ее совсем не любит, терпит из-за меня, и это взаимно. Нельзя их вдвоем оставлять. А Лёвка в Каше души...» Додумывать фразу до конца: «...не чаёт», – не стал. И так понятно. К тому же, под нос ему сунули дымящуюся керамическую кружку, такую горячую, что обжегся первым же глотком. Но напиток оказался настолько вкусным и словно бы изначально, чуть ли не с младенчества желанным, что не смог оторваться, пил, закусывая снегом, кажется, прямо с земли. Или все-таки с ближайшего прилавка? Сам не понял, откуда его зачерпнул.

Кажется, это называется «глёги». В Швеции «глёг», а тут, вроде бы, так.

Пока вспоминал название напитка и бормотал «спасибо, спасибо» на всех мыслимых языках, кроме почему-то повсеместно употребляемого английского, его подхватили под мышки и куда-то поволокли. Как оказалось, просто помогли убраться с дороги. Усадили на какой-то мешок, прислонили спиной к столбу. Кто-то произнес слово «врач», и это вернуло если не силы, то разум. Оскалился,

пытаясь изобразить подобие благодарной улыбки. И английский сразу вспомнил как миленький. По крайней мере, «окей» и даже «ай эм фajn». И потом уже щебетал, не умолкая, словно бы многократно повторенное «окей» было общеизвестным и действенным заговором, предотвращающим появление «Скорой Помощи».

Ну, во всяком случае, на этот раз заговор помог, доброжелательные спасители удовлетворенно закивали и разошлись прежде, чем успел спросить, кому заплатить за глэги. Или хотя бы вернуть опустошенную кружку – кому?

В поисках ответа на этот вопрос огляделся по сторонам. Прилавка с напитками поблизости не обнаружил. Зато увидел Ее.

Именно так, «Ее» с большой буквы. Потому что это, безусловно, была женщина его мечты. Вернее, мечты того любителя необычайных зрелищ, которым он был до телефонного звонка из клиники.

Во-первых, она была великаншей. То есть даже сейчас, сидя за прилавком на ящике, для тепла укутанном одеялами, казалась чуть выше среднего человеческого роста, и заранее страшно подумать, что будет, если встанет на ноги. Навес головой точно снесет.

Во-вторых, предполагаемый возраст ее лежал в диапазоне от, скажем, пятидесяти до примерно трехсот. Впечатление резко менялось от ракурса и освещения. Вот повернулась, придвинувшись к фонарю, подвешенному над головой, и перед нами совсем еще не старая блондинка, румяная от мороза и ветра, скуластая и сероглазая, каких здесь много. Вот наклонила голову к пылающим на прилавке свечам, и сразу ясно, что волосы у нее не белокурые, а седые, и морщины кажутся слишком глубокими для обычного срока человеческой жизни, и глаза уже не просто светлые, а выцветшие от времени, прозрачные, как вода, приглядишься получше, и увидишь, что лежит на их дне. Если, конечно, там вообще хоть что-то еще лежит.

В-третьих, и гигантский рост, и переменчивое лицо женщины меркли в сравнении с ее нарядом. Уж насколько щедра на сюрпризы местная уличная мода, а ничего подобного до сих пор не видел. И дело вовсе не в меховых сапогах, украшенных разноцветными лентами, пуговицами и брошками. И не в широченной юбке, явно сшитой из кусков старых пледов и одеял. И даже не в ярко-зеленой шубке из искусственного меха, надетой поверх розового пуховика. Штука в том, что кроме всей этой красоты был еще один слой, что-то вроде мантии с капюшоном, или плащ-палатки, в общем, просторный балахон, целиком сшитый – составленный, сложенный, сконструированный, даже непонятно, каким словом назвать процесс его изготовления – из тряпичных игрушек, кукол, птиц и зверьков. Это наглядное пособие для желающих осторожно, соблюдая технику безопасности, заглянуть в глаза хаосу было небрежно накинуто на плечи великанши и укрывало от холода не только ее, но и довольно большой участок земли вокруг.

Примерно такие же тряпичные игрушки грудami лежали на прилавке, защищенные от непогоды не только навесом, но и прозрачной пленкой. В руках женщины тоже была игрушка, рыбка, сшитая из пестрых лоскутов. Вернее, рыбка была в одной руке, а в другой иглолка с ниткой. Мастерница пришивала игрушке оранжевый пуговичный глаз. Но отвлеклась от работы, чтобы внимательно рассмотреть нового соседа.

Поглядела, озабоченно нахмурилась. Заговорила по-фински. Увидев, что он ничего не понимает, удрученно покачала головой и принялась оглядываться по сторонам, вероятно, в поисках переводчика. Но подходящей кандидатуры не

нашла. Попробовала справиться сама. Несколько раз повторила по-английски: «нот окей», делая упор на «нот». Вдруг провела ребром ладони по горлу и устояла на нем с такой яростью, словно и правда собиралась зарезать – вот прямо сейчас, посреди ликующей ярмарки, в присутствии сотен свидетелей.

Подумал, она сердится, что расселся под ее навесом, велит уходить. Сам бы, честно говоря, рад, да вот ноги все еще как ватные, и поди ей это без языка растолкуй. Но великанша вдруг ласково заулыбалась, погладила по голове и снова заговорила по-фински. Слезла с ящика, опустилась рядом на корточки. Похлопала ладонью по земле, потом стукнула по ней кулаком, и этот жест оказался неожиданно понятным: «сиди тут, как прибитый». Сбросила на землю свою невозможную сложносочиненную мантию, вылезла из-под навеса и тут же растворилась в синей, огненной, снежной ярмарочной мгле. Действительно огромная, явно выше двух метров. И комплекции соответствующей, как говорится, «крепкого сложения». Подумал: «Господи, натурально же троллиха, по идее, в этих краях они как раз должны водиться». А потом закрыл глаза и не думал ни о чем.

Даже не надеялся на такую передышку.

Великанша вернулась довольно быстро. И не одна. Привела с собой румяную от мороза синеглазую толстуху в радужном войлочном кафтане, больше похожем на короб, малиновой плиссированной юбке поверх серых вельветовых штанов и вызывающе разных валенках – желтом и голубом. Из-под вязаной шапочки в форме мышиной головы с ушками выбивались морковно-рыжие кудри. Хельсинская уличная мода, благослови ее, боже. Тут сойдешь с ума и не заметишь.

Отличный, кстати, вариант. Даже лучше ада.

– Меня зовут Анна, – сказала рыжая на чистом русском языке. – Туули попросила меня перевести.

Сказал зачем-то:

– Боже, как же вы правильно говорите! Вообще без акцента.

– Это не удивительно, – усмехнулась Анна. – Я из Петрозаводска. А как вас зовут? Это не я любопытствую, это первый вопрос Туули. Ей, если честно, лучше отвечать, когда спрашивает. Она... Она у нас такая.

Сказал:

– Юрий.

И поразился тому, какой фальшивой нотой прозвучало его вроде бы настоящее, не выдуманное, в паспорте записанное имя. Как будто соврал.

Великанша, присевшая рядом на корточки и внимательно вглядывавшаяся в его лицо, помотала головой и что-то сказала по-фински. Рыжая перевала:

– Туули спрашивает, как вас называют дома? И как называли в детстве? Должны быть еще какие-то имена.

Зачем-то послушался, стал перечислять:

– Юрка, Юрочка, Юрчик, Мурчик. Длинный – так в школе дразнили, теперь трудно поверить, но когда-то был выше всех в классе, а потом остановился и остался среднего... да, это уже неважно. А, еще Жесть – тоже школьное прозвище, производная от фамилии. А бабушка, папина мама, почему-то называла Жорка, хотя...

– Сорка! – твердо сказала великанша Туули. И повторила: – Сорка.

Смешно как выговаривает. Как маленькая. Однако именно в ее исполнении детское имя, которым его уже много лет никто не звал, почему-то село как влитое. Было бы ботинком, купил бы, не раздумывая.

– Сорка! – Туули дернула его за рукав, привлекая внимание. И затараторила по-фински.

Рыжая Анна слушала ее, приоткрыв рот – не то от удивления, не то просто от усердия, стараясь запомнить. Наконец, перевела.

– Туули говорит, что за тобой – учтите, это она с вами так внезапно на «ты» перешла, а не я – охотится смерть. Я понимаю, что для вас это звучит довольно странно, но Туули – она такая...

Перебил:

– Не надо объяснять. Она угадала. Все правда. Охотится. Смерть. То есть, даже не охотится, а уже поймала. Прижала лапой, как кошка птичку. Думает теперь, как дальше будем играть.

Удивился тому, как легко выговорилось слово «смерть». Легче, чем собственные прозвища и имена. Теперь бы еще умереть так же легко, как выговорилось. Но на это шансы, прямо скажем, невелики.

Великанша меж тем продолжала что-то увлеченно рассказывать, легонько похлопывая его то по плечу, то по колену – может, демонстрировала дружеские намерения, или просто не давала отвлечься и задуматься о своем.

– Туули говорит, что может сшить куклу – вместо тебя. В смысле, куклу, которую смерть согласится взять вместо тебя... вместо вас.

– Что?! Какую куклу? Как – сшить?!

– Ну как, – невозмутимо ответила Анна. – Как обычно шьют кукол. Из лоскутков, из тряпочек...

– Ис лоскутёп, ис тряпосек, – повторила за ней великанша. И вдруг рассмеялась звонко, неудержимо, как ребенок, принялась твердить на все лады: – Ис лоскутёп, ис тряпосек! Ис лоскутёп, ис тряпосек!

И стала теребить рыжую, требуя, видимо, перевести так насмешившие ее слова. Та сказала. Великанша достала откуда-то из-под одежды блокнот, карандаш и принялась записывать.

– Говорит, ей пригодится русских покупателей веселить, – объяснила Анна.

И так бывает. Думаешь, дурдом на выезде, а на самом деле, создание новой эффективной рекламной кампании происходит вот прямо у тебя на глазах.

Великанша тем временем дописала, спрятала блокнот, снова стала серьезной и заговорила.

– Туули предлагает так, – принялась переводить рыжая. – Она сделает очень хорошую куклу. Но ты сам должен отдать куклу смерти. И искать свою смерть тоже будешь сам, Туули с тобой не пойдет. Но подскажет, с чего начать поиски. Идет?

«Да идите вы на хрен, дуры психованные», – вот что ответил бы на этот бред еще совсем недавно. И ушел бы прочь, стараясь как можно скорей выкинуть из головы идиотский эпизод, слишком нелепый, чтобы пересказывать его потом другим, как забавное недоразумение, слишком неприятный, чтобы вспоминать самому.

А теперь сказал:

– Я сейчас вообще на все согласен, лишь бы хоть на пять минут поверить, что не умру. В смысле, что умру не прямо сейчас, не в ближайшие месяцы, а когда-нибудь потом, очень нескоро, как все нормальные люди.

Удивительно, каким покладистым становится человек после оглашения смертного приговора. И вокруг него сразу никаких психованных дур, а сплошные добрые феи с высшим шаманским образованием. В любую чушь готов поверить и еще быть благодарным, что не пришлось сочинять ее самостоятельно.

Великанша хлопнула его по колену и сказала:

– Хювя!

Ну или что-то в таком роде. По интонации понял, что это одобрение. Потом вступила переводчица Анна:

– Туули говорит, хорошо. Вы посидите тут, пока она будет шить куклу. Это не очень долго, часа два... Правда, вы успеете совсем замерзнуть, это не дело. Надо ей сказать.

Великанша послушала, покивала, подняла с земли свой немыслимый, сшитый из тряпичных игрушек плащ и накинула ему на плечи. Подоткнула со всех сторон, пискнуть не успел, а уже был укутан, как младенец. Так хорошо, что поздно сопротивляться.

– Я пока пойду, – сказала рыжая. – У меня тут своя торговля, а муж один плохо справляется, там уже наверное такая очередь собралась! Потом вернусь, когда надо будет еще переводить. Может, вам поесть принести? Я куплю, мне совсем не трудно.

Покачал головой:

– Еды не надо. А вот если сможете купить мне кружку глэга...

– Глэги, – кивнула Анна. – Конечно! Сейчас принесу. Нет-нет, не нужно денег. Вы сейчас под нашим с Туули присмотром, как младенец, которого мать ненадолго у нас оставила... Не знаю, как вам объяснить. Но с младенцев денег не берут, это всем ясно.

И убежала, не слушая возражений, а минуту спустя вернулась с пластиковым стаканом. Не стала давать в руки, поставила рядом на землю. Сказала:

– Осторожно, очень горячий. Я-то в перчатках, а вы-то нет!

Вышла из-под навеса и исчезла, словно не было никакой переводчицы Анны, рыжей, толстой, в радужном войлочном коробе-кафтани и разноцветных валенках. Приснилась, примерещилась. Просто такой уж сегодня ветер, такой тут снег, такие яркие ярмарочные огни и столько людей – немыслимо! Вот ведь психи, нет чтобы сидеть по домам в такую погоду. Сам бы сидел, если бы не вся эта дурацкая затея с поездкой в Хельсинки, неудавшимся побегом от смерти, которая, если что, и по телефону позвонить не постесняется. В заранее назначенное время, голосом Санвикентича, Лёвкиного соседа по даче, врача – можно я не буду уточнять его специализацию? Хотя бы сейчас, наедине с собой промолчу.

Взял стаканчик с глэги – надо же, до сих пор горячий. Выпил залпом почти половину и чуть не поперхнулся – очень уж крепкий! Явно разбавленный ромом как минимум пополам. Честно говоря, именно то что надо.

Великанша Туули обернулась, одобрительно пробормотала «хювя» и снова вернулась к работе. Вспомнил: она же вот прямо сейчас шьет куклу, которую я смогу обменять на смерть... тьфу ты, обменять смерти на свою шкуру, всучить вместо себя – господи, как же чудесно это звучит! И можно верить этому дурацкому обещанию очень долго, целых два часа или около того, пока удивительная огромная старуха, персонаж какой-то неизвестной, не

прочитанной в детстве народной сказки мастерит мне новую жизнь – «ис лоскутёп, ис тряпосек», из всего, что есть под рукой.

Допил глѣги, закрыл глаза. И то ли задремал, то ли просто расслабился так, что шевельнуться не мог. Сквозь сон слышал, как Туули переговаривается с покупателями по-фински, иногда называет цены на ломаном английском, шуршит бумагой, пакуя товар. Слышал, как она думает, обращаясь к нему: «Не беспокойся, я о тебе не забыла, шью твою куклу, такую работу можно прерывать, и молчать, пока шьешь, не обязательно, это совсем простое ярмарочное колдовство». И сам думал в ответ: «А я и не беспокоюсь».

Проснулся как-то очень внезапно, буквально за миг до того, как вернулась рыжая Анна. Или все-таки именно она и разбудила, дернув за рукав: «Пора! Пора!»

Что пора, куда пора? Ах ну да, заснул же прямо на ярмарке. Сидя на земле, вернее, на мешке, но все равно. Укутанный в абсурдную накидку из кукол, зайцев, ежей и медвежат. «Ис лоскутёп, ис тряпосек», черт бы их побрал. Конечно пора! Вылезать из-под этого дикого, но такого теплого покрывала, подниматься и уходить.

– Сорка! – сказала старуха-великанша, хлопнув его по колену. Потом положила огромную руку на плечо толстухи: – Анна!

И, убедившись, что привлекла внимание обоих, заговорила.

Рыжая переводила. Голос ее звучал спокойно и отстраненно, но глаза были полны тревоги. Как будто боялась, что он в любой момент может ее стукнуть, чтобы прекратила молоть ерунду.

Зря боялась, конечно. С человеком, приговоренным к смерти, очень легко договориться, если пообещаешь ему хоть какой-то намек на жизнь.

– Теперь тебе надо уйти с ярмарки, – говорила Анна. – Пойти – но не домой, в смысле, не в гостиницу, а гулять. То есть, не просто гулять, а искать свою смерть. Она сейчас где-то здесь, в городе, совсем рядом. Ты у нее новая игрушка, ей интересно быть поблизости. Следить за тобой, наблюдать. Развлекаться. Не у всех людей смерть так себя ведет, но твоя – именно так. Такой уж у нее характер. Похож на твой. Туули говорит, характер всегда похож, поэтому свою смерть с чужой никогда не перепутаешь.

Подумал: «Если это правда, мне крышка. Всю жизнь думал, что у меня отличный характер. Я действительно люблю развлекаться. Со мной интересно, со мной весело, сколько раз это слышал, да и сам знаю. Но черт, если бы меня заранее предупредили, что такой же характер будет у моей смерти, постарался бы воспитать в себе совсем другие качества. Стал бы флегматичным и милосердным... нет, еще лучше придумал – невыносимым прокрастинатором, вечно откладывающим неотложные дела на самый последний момент, до тех пор, пока не станет ясно, что браться за них уже поздно, и можно просто лечь спать. Карьера, безусловно, накрылась бы медным тазом – и черт с ней. Зато жить можно было бы бесконечно долго. И с возрастом поправить дела, получив наследство от бездетных правнуков...

– Сорка, – строго сказала старуха. – Сорка!

Это явно означало: «Не отвлекайся».

– Туули точно не знает, где именно надо искать твою смерть. Но может попробовать подсказать. Она спрашивает, был ли ты сегодня в опасности. Не обязательно в большой, можно в маленькой. Может быть, где-то поскользнулся,

упал. Или человек мимо пробежал, толкнул. Или улицу переходил, а там машина...

– Трамвай!

Сперва выпалил, а уже потом вспомнил – и правда, был же зеленый трамвай. Чуть не угодил под него. Ну или просто показалось, неважно. Или важно?

Спросил:

– А если на самом деле этот трамвай стоял на месте, и опасности не было? Мало ли что мне с перепугу померещилось. Это считается?

Анна перевела вопрос, Туули энергично закивала и что-то затараторила.

– Важно только то, что ты сам счел трамвай опасным, – сказала Анна. – Помнишь, где это случилось? Сможешь туда вернуться?

Задумался, припоминая свой давешний маршрут. Наконец уверенно кивнул:

– Найду.

– Тогда вернись туда и немного постой на рельсах, вспоминая, как чуть было не попал под трамвай. Вспоминай свой страх. Потом иди на ближайшую трамвайную остановку. Дождись трамвая такого же цвета как тот, который тебя напугал. И ехать он должен в том же направлении. Войди в него и оглянись. Среди пассажиров будет твоя смерть. Просто не может ее там не быть.

– И как я ее узнаю?

– Понятия не имею, – вздохнула Анна. – Но Туули говорит, не было до сих пор такого, чтобы человек собственную смерть не узнал.

Ладно. Не было так не было, договорились. Хорошую сказку вы мне рассказываете, девочки. Жаль только, что я очень устал. Нет у меня больше сил вам верить. Закончились.

Старая великанша вдруг ухватила его за плечи и как следует встряхнула. Крикнула сердито:

– Сорка!

Это подействовало. По крайней мере, силы сразу откуда-то появились. Если не верить этим безумным теткам, то хотя бы внимательно их слушать. Уже хорошо.

Туули тут же заулыбалась. И вложила ему в руки тряпичную куклу.

Очень странная у нее получилась кукла. Те, которые лежали на прилавке – милые аккуратные безделицы, довольно скучные, хоть и сшитые из разноцветных лоскутов. Скорее украшение интерьера, чем настоящая игрушка, такие обычно не дают детям, а кладут на подушки или сажают на диван, как символ простоты и смирения с домашним уютом.

А кукла, которую держал сейчас в руках, походила на работу юного художника-авангардиста, очень талантливого, но пока неумелого. Изумительно точное сочетание ярких и блеклых цветов, но при этом перекошенное туловище, кривые ручки и ножки, нитки торчат отовсюду. И несоразмерно огромная голова с тусклыми глазами-пуговицами и третьим, явно зрячим, открытым нараспашку, не пуговичным, а вышитым. И не на лбу, где обычно рисуют третий глаз, а на лысой макушке, уставился оттуда прямо в небо.

Хороший ход. Смешной.

И бархатная роза на животе, примерно в том самом месте, где... Ох, нет. Не надо об этом думать. Не сейчас.

– Когда ты узнаешь свою смерть, дашь ей эту куклу, – переводила толстуха. – Вернее, не дашь, а всучишь, это более точное слово. Если понадобится, силой. Если смерть не станет брать игрушку, положи ей на колени, или в карман

засунь, да хоть за пазуху. Скажи: «Забирай вместо меня!» На любом языке, это все равно. А потом беги. Что хочешь делай, важно одно: чтобы смерть не догнала тебя и не вернула куклу, потому что второй раз этот номер уже не пройдет.

– Сорка, – ласково сказала великанша. – Сорка, окей! – и добавила еще что-то по-фински.

– Туули говорит, все у вас получится, – объяснила Анна. – Я тоже очень на это надеюсь. И хочу еще немножко добавить от себя. Я же примерно представляю, как дико все это для вас выглядит – Туулина кукла и разговоры про смерть в трамвае. Вы наверное думаете, она совсем спятила. И я с нею за компанию, если уж все это перевожу. Так вы знаете что? Думайте о нас что хотите, на здоровье. Спятили так спятили. А куклу все-таки не выбрасывайте. И до трамвая доберитесь, пожалуйста. И выберите там пассажира, который хоть немножко похож на смерть. Ну хотя бы капельку, условно, теоретически. И отдайте ему куклу. Как-нибудь уговорите взять, придумайте что-нибудь. Обязательно! Потому что лично для меня все это тоже совершенно абсурдно звучит. Но я много лет знакома с Туули. И точно знаю, что ее надо слушаться. До сих пор еще никто об этом не пожалел, начиная с меня. А ведь мне по ее совету сутки на дереве пришлось сидеть, когда муж после аварии в реанимацию попал. Поздней осенью! Без телефона, без новостей. Совсем извелась, и врачи меня обыскали, когда Матти в себя пришел. Не знала потом, как объяснять им свое поведение. Но главное – Матти-то выздоровел, как новенький теперь. Из-за того, что я как дура сутки на дереве сидела? Не знаю. Честно говоря, совсем не уверена. Но если завтра у меня опять что-то стрясется, и Туули велит для исправления ситуации бегать голышом по Эспланаде, я разденусь как миленькая и побегу. На всякий случай. А вам даже штаны снимать не надо. И на дереве сидеть никто не заставляет. Я хочу сказать, вам досталось довольно простое задание. Такое можно выполнить даже если совсем не веришь.

Невольно улыбнулся, представив, как толстая Анна карабкается на дерево, а потом сидит на ветке – в этой своей плиссированной юбке и радужном войлочном армяке, пестрая и нелепая, как сбежавший из зоопарка гигантский павлин. Похоже, великанша Туули знает толк в развлечениях. Правда, очень смешно.

Сказал:

– Спасибо, что рассказали про дерево. Теперь мне будет проще послушаться Туули. Если уж так удачно вышло, что я – не первый такой дурак.

– Затем и рассказала, – улыбнулась Анна. – Потому что сама на вашем месте была. И примерно так же себя чувствовала – вроде бы, на все готова, лишь бы хоть как-то делу помочь. А с другой стороны, такую глупость сделать велят. Такую невероятную, нелепую глупость! Умереть, кажется, проще, чем уговорить себя ее совершить.

Повторил:

– Умереть проще.

И понял, что нет, вовсе не проще! Лучше уж совершить тысячу самых дурацких глупостей, чем умирать. Даже если о твоих выходках подробно расскажут все мировые газеты и три миллиона новостных сайтов в интернете выложат видео на потеху всем соседям, родне и друзьям. А шансы на это, скажем прямо, невелики. Машка – и та не узнает, если конечно сам не разболтаю.

Сказал:

– Нет, умереть все-таки гораздо труднее. Конечно. Пойду искать этот чертов трамвай. Спросите, пожалуйста, у Туули, сколько я должен за куклу.

Почему-то был почти уверен, что сейчас придется отдать великанше все наличные деньги. И заранее не знал, как пережить грядущее разочарование. Деньги – черт с ними, по карманам и сотни евро не наберется, остальные на карточке, и вряд ли у Туули есть терминал. Но трудно, ох, как же трудно будет потом отделаться от мысли, что все это был хитроумный маркетинговый прием. Как продать подороже грошовую куклу? Да очень просто – объявить ее волшебным талисманом. Популярный и широко известный метод, Туули не первая и не последняя. Боже, как жаль.

Но великанша только рассмеялась, хлопнув себя по ляжкам, а потом и их с Анной по плечам – за компанию. Что-то сказала и снова рассмеялась.

– Туули говорит, кукла – это подарок на Рождество, – перевела Анна. – Не вам, а вашей смерти. Она у вас симпатичная, как и вы сами. И наверняка хорошо себя вела весь год.

Вернуться на улицу, где его чуть не сбил трамвай, действительно оказалось несложно. Вроде, шел, не разбирая дороги, а оказывается автопилот записал весь маршрут и был готов повторить его в любую минуту.

Шел очень быстро, благо ледяной южный ветер дул теперь в спину, не препятствовал, а помогал, подгонял. Свернул за угол даже раньше, чем успел задуматься: «А не пора ли мне поворачивать?» И практически сразу вышел на широкую улицу с трамвайными рельсами, пока совершенно пустыми, хоть танцы устраивай. Остановка была совсем рядом, пошел было туда, но спохватился: Туули велела постоять на рельсах и вспомнить, как испугался. Если уж решил выполнять самую идиотскую в мире инструкцию, будь точен – просто для равновесия. Безупречно или никак.

Ну что, постоял, побоялся. Вернее, вспомнил давешний испуг, скорее даже просто выброс адреналина, сотрясший тело, ум-то был занят совсем другими страхами, только с бухгалтерским равнодушием отметил: «Надо же, как близко этот трамвай».

Потом все-таки пошел на остановку и принялся ждать.

Раньше почему-то думал, все трамваи в Хельсинки зеленые, но оказалось – нет. Первым приехал синий как майское небо, почти сразу за ним – ярко-красный, с призывной надписью «Паб». Вспомнил даже, что читал о таком в интернете, решил не искать специально его остановку, но обязательно сесть прокатиться, если сам случайно попадет на глаза. И вот, гляди-ка, действительно приехал и долго стоял, дразнил распахнутыми дверями, теплом и светом, звоном бокалов и веселыми голосами чужих незнакомых людей, вероятно здоровых, а значит почти бессмертных – в отличие от меня. Вот о чем не следует забывать, когда почти готов поддаться искушению, махнуть рукой на дурацкую куклу и вскочить в уютный вагон, погулять напоследок, потому что это же действительно самый последний шанс, завтра поезд – как бы домой, а на самом деле, мы все понимаем, куда идет этот поезд, и как называется конечная станция, да? Ладно, ладно, молчу.

Наконец красный трамвай-паб обиженно тренькнул и тронулся с остановки. А следом за ним приехал зеленый – не сразу, но более-менее вскоре. Минут пять спустя. Остановился, но почему-то не открыл двери, и в этот момент вдруг стало так страшно, как еще никогда в жизни не было, страшнее, чем отвечать на

телефонный звонок из клиники, страшнее даже, чем завершив разговор с врачом, класть телефон в карман.

«Трамвай приехал, спасение рядом, но двери! Закрыты, не войти, шанс упущен, чудесное спасение отменяется», – примерно так выглядел безмолвный внутренний вопль в переводе на внятный русский язык. И только тогда понял: «Господи, да я же очень серьезно играю в эту игру. Как будто поверил каждому слову ярмарочной старухи. Подучается, правда поверил? Похоже на то».

Водитель трамвая, вагоновожатый, как их называли в детстве, с недоумением косился на странного пассажира – вроде, топчется у самых дверей, а не заходит. Хотел заорать: «Дурак, ты забыл открыть мне двери!» – но тут наконец сообразил, что должен сделать это сам. Просто нажать кнопку, расположенную снаружи, сто раз уже это делал, во многих странах городской транспорт устроен именно так. И вдруг забыл. Господи, как же глупо. Но хорошо хоть в последний момент вспомнил, нажал, вошел, успел.

Успел. Что дальше-то? В таких случаях обычно говорят: «хороший вопрос». Но вопрос, будем честны, нехороший. От такого вопроса в глазах темно, и как же это не вовремя, потому что именно сейчас смотреть надо очень внимательно. И не себе под ноги, а на лица немногочисленных пассажиров. Кто-то из них – твоя смерть. И моли бога, чтобы этот кошмар, который и сформулировать-то сейчас невыносимо, сбылся для тебя. Оказался правдой. Потому что если все эти люди – просто жители города Хельсинки, едущие по своим делам, тебе хана.

Огляделся, конечно – а куда деваться. И убедился, что великанша Туули была права, когда говорила: «Не было до сих пор такого, чтобы человек собственную смерть не узнал». Ошибиться и правда невозможно.

Ошибиться невозможно хотя бы потому, что эту фигуру в синей куртке с прикрывающим большую часть лица капюшоном, видел уже не раз. И всегда почему-то в трамваях. Впервые в детстве, года, что ли, в четыре. И так громко ревел, так вопил от ужаса, так упрямо тянул мать к выходу, что порвал ее новенький плащ. А она так расстроилась и растерялась, что впервые в жизни ударила по щеке, да так сильно, что не устоял на ногах. Как теперь выясняется, правильно сделала, по крайней мере, на всю жизнь запомнил эту безобразную сцену и заодно образ врага, мужчину в синей куртке с большим капюшоном, почти без лица, самого обыкновенного, самого страшного в мире дядьку – поди такое кому-нибудь объясни даже в сорок лет, не то что в четыре года.

Потом еще несколько раз встречал его в трамваях, почему-то всегда в «шестерке», сколько ни ездил другими маршрутами. И еще один раз в Одессе, когда был там в отпуске и ехал с друзьями с пляжа, от парка Шевченко, кажется, в двадцать восьмом. Конечно, сразу же выскочил, объяснив: укачало. В этом смысле очень хорошо быть взрослым, даже перед лицом иррационального смертного страха всегда найдешь что соврать.

И вот теперь в Хельсинки. Ну, привет.

Сразу мог бы догадаться, кого мне высматривать в зеленом трамвае. Однако, надо же, даже не вспомнил. Удивительная штука память, этакий шкаф на курьих ножках, который поворачивается задом то к лесу, то к тебе самому исключительно по собственной воле. И какой частью усвоенной информации можно воспользоваться прямо сейчас, решаешь совсем не ты.

Стоял, смотрел на фигуру в синей куртке. Думал: «Куклу он, конечно, брать не захочет. Такого поди заставь. Значит, остается один вариант: нужно дожидаться остановки, кинуть куклу ему на колени и выскочить. Главное –

кнопка! О кнопке в последний момент не забыть, а то не откроется дверь. Он... этот... короче, Смерть скорее всего погонится за мной, чтобы вернуть куклу. И наверняка тоже успеет выскочить, местные вагоновожатые никогда не захлопывают дверь перед носом зазевавшегося пассажира, и это, в кои-то веки, плохая новость, наши лютые питерские водилы в этом смысле куда надежней, но ладно, работаем с тем, что есть. Все, что мне остается – выскочить из трамвая и бежать, не оглядываясь. И тогда может быть убегу. Или скроюсь в каком-нибудь баре, или ворвусь в магазин, затеряюсь в толпе, заползу под прилавок. Или, кстати, полиция – совсем неплохой вариант. Спрячусь за спину первого же полицейского, буду кричать, что на меня напал тип в синей куртке, пусть защищает. В общем, можно рискнуть. Вернее, иначе нельзя.

Прошел через салон, остановился рядом с этим... безликим, в куртке. Короче, и так ясно, с кем. Тот, надо отдать ему должное, не обратил вообще никакого внимания – мало ли кто тут ходит. И можно было бы усомниться, да не выдумал ли я это все, включая свой детский испуг и рыдающую от растерянности маму, если бы не сила притяжения незнакомца – не какая-нибудь «харизма», а настоящее физическое притяжение, наверное так чувствует себя железка в опасной близости от магнита, когда понимает: «Ой, батюшки, я сейчас поползу». Вцепился в поручень, выстоял, не грохнулся всем телом на колени пассажира в синей куртке, не уселся на ручки собственной смерти, и на том спасибо, такой молодец.

Стоял на расстоянии вытянутой руки, терпел из последних сил, думал в ужасе: «Господи, как же я от него убегу?» Но когда трамвай затормозил у очередной остановки, действовал решительно и так четко, как будто уже сто раз репетировал эту сцену. Достал из кармана тряпичную куклу, швырнул ее в лицо своей смерти, вернее, под капюшон. Крикнул на весь салон: «Забирай вместо меня», – а потом зачем-то добавил, уже потише: «Это от Туули. Подарок на Рождество за хорошее поведение».

Хотел было развернуться и побежать к выходу, но застыл, не в силах двинуться с места. Понял: вот и пропал. А этот в синей куртке вдруг рассмеялся, да так заразительно, что в иных обстоятельствах стал бы хохотать вместе с ним, не разбираясь, в чем, собственно, соль. А так просто беспомощно слушал, как смеется – не то его смерть, не то все-таки просто пассажир хельсинского трамвая, поди разбери.

Так бы и стоял небось столбом не то что до следующей остановки, а вообще до конечной, но тут тип в синей куртке повернулся к нему, сверкнул из-под капюшона веселыми глазами, совершенно человеческими, только оранжевыми как огонь, сказал по-русски, совсем без акцента, как толстая Анна на ярмарке: «Да не бойся ты. Я ж не идиот – от рождественских подарков отказываться».

Уже потом, выскочив все-таки из трамвая, убедившись, что нет никакой погони, переведя дух, подумал: «Вообще-то сразу мог бы сообразить – если у смерти действительно мой характер, с ней довольно легко поладить, удивив или рассмешив».

Присел на лавку на остановке – ноги совсем не держат, а ведь еще собирался удирать от погони, такой оптимист. Посмотрел вслед отъезжающему трамваю, на всякий случай огляделся по сторонам – вроде бы, никого. Закрыв глаза и подумал: «Спасибо, милая Туули, милая Анна. Хотел бы я принести вам теперь подарков на Рождество. Сейчас посижу немножко и что-нибудь непременно придумаю. И заодно соображу, как отсюда добраться до Эспланады. Надеюсь,

вы пока там, ярмарка не закончилась, рано еще совсем, часа наверное не прошло с тех пор, как мы расстались».

Но вместо того, чтобы встать и идти, задремал. Вернее даже крепко заснул. Потому что как еще объяснить, что когда открыл глаза, вокруг было светло как днем. Ну, то есть, условно светло, на самом-то деле серо. Но серо – это и есть «как днем», иного освещения в полдень в конце декабря на севере не дождешься.

Оглядевшись, понял, что находится не на улице. И даже не в гостинице. А дома, в спальне. Ничего себе номер.

– Ничего себе номер, – сказал вслух, когда дверь отворилась и в спальню вошли Машка с Кашей.

Причем удивило его даже не столько Машкино появление, сколько тот факт, что кошка преспокойно сидела у нее на руках, не предпринимая попыток вырваться. Прежде Каша Машке даже гладить себя не особо позволяла. Да та и не рвалась. Неприязнь их была взаимной и, слава богу, что сдержанной. «Ты меня не трогаешь, я тебя не замечаю», «Я тебя кормлю, ты ко мне не лезешь», – вот и договорились.

И тут вдруг такая любовь.

– Да уж, ничего себе номер, – повторила Машка. Тонем, не предвещавшим ничего хорошего.

Ну или просто так показалось. Потому что когда засыпаешь на трамвайной остановке в центре города Хельсинки, а просыпаешься у себя дома, довольно легко предположить, что в промежутке между этими двумя событиями поместилось еще несколько, вполне способных вызвать некоторое недовольство ближних. Особенно если ближний – Машка, обладающая ангельским характером. В смысле, характером падшего ангела, так он всегда ее дразнил.

Сказал:

– Учти, я понятия не имею, как тут оказался. Последнее воспоминание: я сижу на трамвайной остановке и соображаю, как добраться до Эспланады, где Рождественская ярмарка. И все!

– Ну, судя по всему, до ярмарки ты благополучно добрался, – вздохнула Машка. – А где еще ты мог так наклюкаться, что даже на поезд опоздал?

– Наклюкался? Я?! Опоздал на поезд? Немыслимо. Так не бывает.

– Я тоже думала, что так не бывает. С кем угодно, но не с тобой. Тем не менее, факт остается фактом. Телефон ты отключил еще три дня назад...

– Три дня назад?! Господи, а какое сегодня число?

– Двадцать третье. А на звонки ты перестал отвечать двадцатого. Я, наверное, понимаю, почему. И даже рассердиться на тебя за это толком не могу. Ладно, ничего, в итоге Александр Викентьевич позвонил мне. Не смотри так, плохих новостей не будет. Он сказал, что лечить тебе надо исключительно голову, в противном случае, мне придется еще долгие годыжить с неменяемым психом, не способным даже вовремя зарядить свой идиотский телефон. И бросил трубку. По-моему, Александр Викентьевич здорово обиделся. Не знаю, как ты теперь будешь с ним мириться, и очень рада, что это не моя проблема.

Хотел перебить, сказать: «Вы все дружно сошли с ума. Ну или только ты. Санвикентич звонил мне двадцатого, сразу честно сказал: «Максимум – полгода», – и как раз после этого разговора я...»

Но промолчал, потому что... Неважно. В общем, правильно сделал, что промолчал.

– Поэтому, – сказала Машка, – все двадцатое декабря я рыдала. Сперва на радостях. А потом, после нескольких сотен попыток тебе дозвониться, уже от ужаса. Потому что, понимаешь, самые хорошие в мире анализы совершенно не спасают от несчастных случаев и других катастроф, которые, будем честны, могут произойти с кем угодно, абсолютно в любой момент. И я все время думала, как же это обидно, если с тобой что-то случилось именно сегодня, когда наконец стало ясно, что все хорошо, и можно жить дальше. В общем, как-то примерно так. А ты, конечно, свинья.

Кивнул:

– Я свинья. Но учти, я такая интересная разновидность свиньи, которая только что была совершенно уверена, что двадцатое декабря – это у нас сегодня. В самом крайнем случае – ладно, вчера. При условии, что я до утра проспал на той остановке, что само по себе совершенно немыслимо, холодно же, ветер и снег... Но куда делись еще два дня?

– Это тебе виднее, – вздохнула Машка. – Я знаю только, что поездом ты вчера не приехал. И пока я думала, не пора ли обращаться в какой-нибудь международный розыск, и пыталась выяснить, с чего начинать, тебя благополучно привезли.

– Привезли?

– Ага. В грузовике. Какая-то милая пара – она русская, он финн. Ехали в Питер, везли в магазинчик ее родителей какой-то товар и подобрали тебя недалеко от границы, где ты ловил попутку. Сказали, ты был так прекрасен, что просто невозможно такого не подвезти до самого дома. Они тебя еще и внесли – прямо на четвертый этаж. И кротко спросили, куда можно положить.

– Я был прекрасен? Это в каком смысле? Настолько пьян?

– Пьян – это само собой, судя по чудовищному перегару. Но думаю, они имели в виду твой наряд.

– Что за наряд?

– Словами не описать. Сейчас покажу.

Усадила Кашу на постель и вышла из комнаты. Кошка, прежде обожавшая хозяина с истинно собачьей страстью, сейчас не спешила ластиться. Сидела, внимательно разглядывала, осторожно принюхивалась, как будто успела забыть... Да ну, чушь какая – «забыть»! А то прежде никогда из дома не уезжал. И почти на месяц случалось. И все было в порядке, сразу лезла на руки, мурлыкала, как заводная.

Хотел спросить кошку: «Правда, что ли, не узнаешь?» – но почему-то постеснялся. Только пробормотал неуверенно: «Кашенька», – и замер, испугавшись, что она сейчас вообще удерет. Но в этот момент Каша вдруг торжествующе мякнула и решительно полезла под одеяло – исполнять свою прямую обязанность, греть хозяйский бок.

Ну слава богу, признала. Значит я – это все-таки я.

А что, были сомнения?

Сомнения, чего уж там, были. Но они все разом вылетели из головы, когда в спальню вернулась Машка. И вовсе не потому, что Машка прекрасней всех на земле, хотя, конечно, случается с ней порой и такое. А потому что она – не принесла даже, а натурально приволокла что-то вроде огромной мантии с капюшоном, или плащ-палатки, сшитой из тряпичных игрушек, кукол, птиц и зверьков. Туулин балахон, господи твоя воля. Ис лоскутёп, ис тряпосек. Откуда ему тут взяться? А с другой стороны, откуда тут взяться мне?

То-то и оно.

А все-таки хорошо, что добрался тогда снова до ярмарки, разыскал великаншу Туули и рыжую Анну, завалил их подарками, обнимал, целовал румяные от мороза щеки, пил «за здоровье», а потом за скорое Рождество, за Туули, Анну, Матти и «Сорку», за «хювя» и «окей» – сперва на Эспланаде, под смех гуляющих, потрескивание костров и жизнерадостный визг расстроенного аккордеона, а потом на палубе катера, мчавшего куда-то их пеструю компанию сквозь вой ледяного южного ветра. Или это был не катер, а сам южный ветер? Да кто ж теперь разберет.

Конечно, перебрал с непривычки. А кто бы на моем месте не перебрал.

– Ты хоть что-нибудь помнишь? – сочувственно спросила Машка.

Уселась на ковер рядом с постелью, посмотрела жалобно, снизу вверх, как ребенок. Повторила:

– Помнишь хоть что-нибудь?

Времени на обдумывание больше не оставалось. Знал: как скажу, так и будет, мне выбирать.

Ладно.

Сказал:

– Помню только, что от страха совсем съехала крыша, и я отключил телефон. Пообещал себе, что через пару часов наберусь храбрости, снова включу и позвоню Санвикентичу сам. Пошел прогуляться в сторону Эспланады, где ярмарка. Выпил там глёги – это же, вроде, совсем не крепко. Но сразу так попустило, что повторил. А потом... А вот что было потом, друг мой Машка, я совершенно не помню. Помню только, что все забыл.

– Ну и черт с тобой, – вздохнула Машка. – Забыл так забыл, главное, что живой. И это, к счастью, надолго.

Innuendo

– Предположим, апельсин ходит как ферзь, – сонно говорит Кэт, катая пахучий оранжевый шар по столу. – Вот как хочет, так и ходит. Например, в твою тарелку. Или вообще на пол. Но не тут-то было! Я его – рраз! – и поймала. И теперь съем. Игрок съедает своего ферзя, как лиса колобка. Ам! Беспрецедентное событие. Я – великий шахматист. Никем не понятый гений. И у меня самый вкусный в мире ферзь. Почистите мне его пожалуйста, люди добренькие, помогите кто чем может. Я так устала, что уже практически не местная. И сама не своя. У меня пальцы в косу заплетаются.

– Да вижу, – вздыхает Бо. – Ты же сидя спишь. Отвезти тебя домой?

– Меня отвезти домой, – сладко зевает Кэт. – Меня еще как отвезти! И привезти. Причем именно домой. Но не прямо сейчас. Хочу еще немножко поспать сидя. И посмотреть сон про всех вас. Такой хороший сон! Я ужасно соскучилась.

– Работа тебя доконает, – говорит Маша, протягивая Кэт очищенную половину апельсина и принимается за оставшуюся часть. – А я тебя сразу предупредила, что в этот милый журнальчик лучше не соваться. Когда о редакции доподлинно известно, что рабочий день там начинается в девять, потому что «так положено», да еще со штрафами за опоздание, а заканчивается, в лучшем случае, тоже в девять, потому что «номер горит», причем горит он как костры инквизиции, весь месяц напролет, а не последние три дня перед сдачей, как у всех нормальных людей – это, по-моему, равносильно надписи «Не влезай, убьет». А ты как персонаж тупого ужастика, которому весь зрительный зал хором кричит: «Не сворачивай в сумерках на лесную дорогу, не ночуй в гостинице под названием «Черный Проклятый Дом», труп на пороге твоей комнаты – это не обычное недоразумение, нет-нет-нет!» – а он все равно жизнерадостно прет в самое пекло вместо того, чтобы бежать без оглядки, осеняя себя крестом трижды в секунду.

– Вот именно, – кивает Бо. – Я ей каждый день говорю, что...

– Ты мне каждый день говоришь, – сонно соглашается Кэт. – И все правильно говоришь. Я бы на твоём месте примерно то же самое говорила. Но этот «Черный Проклятый Дом» оказался таким замечательным местом! Во-первых, делать журнал, за который не стыдно, по нашим временам немыслимая роскошь. Все равно что к Маргарите на свидания бегать, ни единой души Мефистофелю так и не продав. А во-вторых, там же натурально заповедник гоблинов. В смысле, совершенно прекрасных придурков – таких же как я, только еще хуже. В смысле, круче. Не знаю, как до сих пор без них жила. По утрам просыпаюсь в семь. Если по уму, надо бы еще раньше, но тогда я просто сдохну. Я, конечно, и так сдохну, но не сразу. А немного погодя. Так вот, просыпаюсь каждый божий день в семь утра – это я-то! Ненавижу все живое. Хуже зомби, потому что меня даже чужие мозги в этот момент не интересуют. Ни за что не стану такую гадость жрать. Только кофе, да и то скорее от отчаяния: и так все плохо, а тут еще полную кружку вот этого горького черного залпом, как пулю в висок. И пока бреду на кухню, проклиная все сущее, вдруг вспоминаю, ради чего поднялась. Что сначала, конечно, все будет плохо, потому что кофе горький, вода мокрая, а еще одеваться – господи, как я же ненавижу одеваться, хоть в одежде спать ложись, чтобы одной пыткой с утра меньше. А впереди еще метро – без комментариев, мы все понимаем, что это

такое. Но потом-то потом! Потом я все-таки приду на работу, и там будут все мои прекрасные придурки. Танька, Ваня, Салочка, Морковна. И Лев Евгеньевич, если очень повезет, выйдет из кабинета к нам пить кофе. И кааак начнет свои байки рассказывать...

– Кто-кто тебе байки рассказывает? – изумленно переспрашивает Веня. – Что за Лев Евгеньевич? Это Крамский, что ли? Я с ним пять лет в новостях проработал. Чудовищный зануда. И вообще чудовище. Вида ужасного, к тому же.

– Ну так наверное, ему с вами было скучно. А с нами интересно, – пожимает плечами Кэт. – Вот он и пошел байки травить. Любой нормальный человек – переменная, а не константа. А то бы застрелиться можно было.

– Ну, не знаю. Нормальный человек может и переменная, а у Крамского на лбу написано, что он константа. И послан человечеству в наказание, уж не знаю за что. Может, как доплата за Содом и Гоморру? В Небесной Канцелярии подбивали баланс, поняли, что огонь и сера – это было недостаточно сурово, и быстренько отправили на землю Крамского. Но почему-то не на берега Мертвого моря, а в Москву. Промахнулись, что ли?.. Слушай, а мы точно говорим об одном и том же человеке?

– Понятия не имею, – сонно улыбается Кэт. – Но все-таки фамилия, имя, отчество, профессия. Многовато для совпадения. Да брось ты, в самом деле. Может, у человека просто плохой период в жизни был, когда вы вместе работали. А теперь все прошло. Он правда прикольный. И между прочим, бывший художник-авангардист. При советской власти это был такой экстремальный спорт, для самых безбашенных. Он к памятникам Ленину ангельские крылья приделывал – самодельные, из марли на каркасе. И картины рисовал – египетские мумии в пионерских галстуках, рабочие с картофелем вместо лиц, члены Политбюро парят ноги в тазаках, а глаза у всех светятся таким инопланетным белым огнем. А когда СССР развалился, и все разрешили, бросил это дело – стало неинтересно. Вот тебе и зануда.

– Ну ты даешь, – восхищенно вздыхает Веня. – Крамский! Клеит ангельские крылья памятникам! Мумии в галстуках, картошка, ноги в тазаках. Вот это импровизация! Что у тебя в голове делается, дорогой друг?

– Голова головой, а ты погугли, – пожимает плечами Кэт. – Про свои картинки он нам не рассказывал, я их сама нашла на сайте какой-то американской галереи. Или немецкой? Один черт.

– Слушай, а что за байки Крамский вам травит? Я же Левгеньича тоже немножко знаю. И, честно говоря, совершенно не могу вообразить его выступление в этом жанре.

– Ннннууу... Да черт его знает, – зевает Кэт. – Такой, понимаешь, экзистенциальный поток сознания, пока слушаешь, просто ах, а потом хрен перескажешь.

Диспозиция теперь такова. Бо сидит за рулем, Кэт лежит на заднем сидении, прикидывая, что делать с ногами, которые внезапно стали слишком длинными и не помещаются никуда. Хоть в окно их высовывай. А кстати, это мысль.

– Ты что творишь?

– Да вот, подумала: у меня такие прекрасные новые сапоги. Надо бы воспользоваться случаем и показать их всему городу. При бледном свете фонарей, например.

– Не стоит, – мягко говорит Бо. – Предположим, сегодня неподходящий для этого лунный день.

– Аргумент, – вздыхает Кэт. – Ладно, тогда поехали побыстрее. Потому что я тут у тебя совершенно не помещаюсь – так, чтобы лежать. А не лежать бессмысленно. Зачем тогда вообще жить, если усталому человеку прилечь нельзя?

– Бедный ты мой усталый человек. Слушай, а они все действительно такие кайфовые, как ты рассказываешь?

– Кто – они? Сапоги? Еще бы! Все два.

– Да ну тебя. Твои коллеги. Включая эту всклокоченную рыжую тетку, которая сидит у окна – как ее? Морковна? Ну, которая начала орать, когда я за тобой зашел. Что-то она мне как-то совсем не понравилась. Я дурак? Чего-то не понимаю?

Кэт не отвечает, потому что спит. И будет спать до самого дома, пока худосочный Бо не предпримет очередную провальную попытку вынуть ее из машины и отнести на руках хотя бы до подъезда. Потому что на пятый этаж без лифта – это уже перебор, даже с точки зрения благородного рыцаря, чья дама сердца весит, скажем так, несколько больше, чем два пакета с едой из супермаркета, с которыми он обычно вполне неплохо справляется.

– Ой, нет-нет-нет, уронишь, я сама, – сонно смеется Кэт и выбирается из машины, а потом они идут, обнявшись, сквозь синюю гущу тьмы, слегка разбавленную топленным молоком фонарей.

– Понимаешь как, – внезапно говорит Кэт, остановившись на лестничной площадке между третьим и четвертым этажом. – Та же Морковна, кажется, вообще никому кроме меня не нравится. Зато она – поэт, причем настолько странный и сложный, что даже не могу сказать, хороший ли. Но какая разница, все поэты зачем-то нужны, иначе бы их не было. Особенно Морковны, с таким характером, как у нее без дюжины ангелов-хранителей среди людей не выжить. Совершенно неважно, нравится она тебе или нет. И все остальные. Ты же с ними не работаешь. А я работаю. Целыми днями в одном помещении сижу. И кофе вместе пьем, и обедать ходим. Что, впрочем, пустяки. Важно, что журнальчика нашего распрекрасного не будет, если мы не станем одним целым – на то время, пока его делаем. Больше, чем пресловутой «командой», натурально одним существом, с ясной целью и твердым намерением. Не могу же я вот так, с утра до ночи с какими-нибудь скучными придурками одним существом становиться. И поэтому они – кайфовые. Буквально лучшие люди на земле. Я так решила. Мое слово твердо. И знать ничего не желаю.

– Ничего себе постановка вопроса, – Бо озадаченно качает головой.

– Ну а как еще, – Кэт снова сладко зевает. – Это же моя жизнь. Как скажу, так и будет. Собственно, уже есть.

– А Крамский, между прочим, действительно совершенно офигительный тип, – сонно бормочет Кэт, наматывая на себя оба одеяла. – Хоть и с прибабахом. Ну а кто без? Я же правда его картинки в интернете нашла. И еще почитала воспоминания друзей юности, сейчас многие о тех временах пишут. По всему выходит, Крамский наш очень крутой чувак был. А значит, и остался. Такие штуки – они же никуда не деваются. Они всегда навсегда.

– Тихо, – говорит Лев Евгеньевич, – помолчите, пожалуйста.

«Если, конечно, уровень вашего примитивного сознания позволяет контролировать речевой аппарат хотя бы на протяжении нескольких минут, в чем я, по правде говоря, сомневаюсь», – эту, вполне обычную в его устах фразу шеф-редактор почему-то произносит про себя. Будем считать, по причине лирического настроения, наступившего столь внезапно, что Лев Евгеньевич пока не понимает, что с этим следует делать. И как себя вести. Ему хочется плакать и одновременно скакать на одной ножке. И еще – кого-нибудь обнять. А это уже, будем честны, ни в какие ворота.

Лев Евгеньевич прислоняется лбом к холодному стеклу. За окном идет снег, который он ненавидит с детства, с тех самых пор, когда родители привезли его из Ташкента в Москву и сказали: «Теперь наш дом здесь». И даже толком не потрудились объяснить столь нелепый выбор нового места жительства. Ужасно тогда на них обиделся. И зиму невзлюбил. И вот она опять началась. Что вполне закономерно, как-никак, на дворе середина ноября. «Удивительно другое, – думает Лев Евгеньевич, – какого черта я этому рад?»

И открывает окно. И свешивается наружу – не по пояс, конечно, но все-таки изрядно, так что у рыжей Таисьи Марковны начинает кружиться голова, она отворачивается и пропускает дивное зрелище: грозный, вечно угрюмый шеф, человек-футляр для хранения самого злого в мире языка, высовывает этот самый язык и ловит на него снежинки – одну, другую, третью.

– В детстве у меня был друг Сашка, – говорит Лев Евгеньевич, вероятно, под воздействием этого психотропного средства, иных объяснений у его подчиненных нет. – И мы с ним мечтали стать полярниками. Надо же, я только что вспомнил! Причем не просто мечтали, а готовились к походу на Северный Полюс. Идея, ничего не скажешь, смелая – с учетом того, что жили мы тогда в Ташкенте. И снег видели только в кино. Нам говорили, что он холодный, как мороженое, но поверить в это было непросто. Такое абстрактное знание, совершенно неприменимое в практической жизни. Однако из кинофильмов мы твердо уяснили, что по снегу передвигаются на санках. И стали их строить. И даже построили нечто – не санки, конечно, а, можно сказать, платоновскую идею санок, по крайней мере, более предельного обобщения я и вообразить не могу. Думаю, наши санки и по снегу особо не скользили бы, потому что вместо нормальных полозьев у них была идея полозьев. Платоновская, конечно же. Какая еще. Но мы как-то умудрились нагрузить эти санки доверху и дотащить их по тротуарам почти до самой городской окраины, где они все-таки развалились, и мы остались на груде обломков с охапкой отцовских свитеров и семью банками консервов – по нашим расчетам, этих припасов должно было хватить до самого полюса, штурм которого, увы, не удался. Или все-таки удался? Просто растянулся во времени. Выходили мы из Ташкента, и что же? Сашка сейчас живет в Эдмонтоне, на самом севере Канады. А я – тут, в Москве. Результат не блестящий, до Сашки мне далеко, но все-таки почти полпути я уже проделал. А жизнь все еще впереди, по крайней мере, некоторая ее часть... Внимание, вопрос: зачем я вам все это рассказываю? Правильный ответ: понятия не имею. Кажется, мне просто надоело прикидываться вашим начальником. Что, впрочем, не отменяет того факта, что ваша тоскливая возня с Масоалой должна триумфально завершиться хотя бы к пяти, а не за полчаса до полуночи. Спасибо за внимание.

И, не обращая внимания на округлившиеся глаза и приоткрывшиеся рты сотрудников, возвращается в кабинет.

– Отлично, – говорит Кэт, – просто отлично. Ну а как еще, по-твоему, мы можем жить?

– Да как угодно можете, – смеется мама Тами. – Вы у меня в этом смысле вполне всемогущие.

– Именно! – радуется Кэт. – Но мы же не просто всемогущие. Мы еще и умные! Поэтому из всего доступного нам многообразия возможностей выбрали самую простую и приятную: отлично жить. Даже удивительно, что ты сомневаешься.

– Это все из-за вашей квартиры. Ты же знаешь, я невзлюбила ее с первого взгляда. Ненавижу эти советские хрущевки, сама в такой выросла и счастлива там не была. И теперь думаю: ну как в такой гнилой норе можно «отлично жить»? И подозреваю неладное. Например, что кто-то из вас уже давно сидит без работы, и вы просто не можете позволить себе жилье получше. И, конечно, ничем не могу помочь, зато исправно морочу тебе голову. Прости.

– На самом деле, имеешь полное право, – говорит Кэт. – Ты у меня и так какая-то подозрительно вменяемая. У всех мамы как мамы, истерят с утра до вечера, требуют, чтобы все немедленно стало, как им хочется, ничего слушать не желают. А ты как с другой планеты, даже внуков срочно не требуешь. И не приезжаешь внезапно раз в неделю с проверкой, хорошо ли мы чистим унитаз. Я, знаешь, даже рада, что ты прикопалась хотя бы к нашей квартире. Появляется надежда, что ты все-таки нормальная живая человеческая мама со своими причудами, а не безупречно функционирующий андроид, какая-нибудь экспериментальная модель Нексус-шестьдесят девять, которая всем хороша, но в любой момент может выйти из строя. И где тебя тогда чинить? Борька даже с утюгом через раз справляется, а я вообще технику только ломать умею, ты в курсе.

– Ну, если ты так ставишь вопрос, я могу еще к чему-нибудь прикопаться, – оживляется мама Тами. – Просто ради твоего спокойствия. Например, к твоей прическе. Или к количеству серег в каждом отдельно взятом ухе. Или начать ныть, что вам с Борей давно пора расписаться... Ох, нет-нет-нет! Не пойдет. Чем такой душой, лучше уж андроидом. Прости, детка. Я тебя подвела.

– Да ну, все нормально. Стонов из-за квартиры вполне достаточно. Потому что любой нормальный андроид с хорошими электромозгами не нашел бы, к чему тут придраться. Не где-нибудь на краю земли, а в Бабушкине. И до метро всего десять минут пешком, а не полчаса автобусом. Выходишь ночью на балкон, вокруг тихо и соснами пахнет – как будто за городом... Ну хрущевка, да. И не ремонтировали ее лет двадцать, в лучшем случае. Так она и стоит соответственно. Четверть нашего общего дохода, а не половину, как могло бы быть. Представляешь, как приятно прокучивать разницу? И хозяйка отличная – ну, ты же сама ее видела. Это, между прочим, огромное везение, все вокруг на своих лэнд-лордов жалуются, прям волком воют, кого не послушаешь, так хоть на улице в палатке живи, лишь бы с московскими квартирными владельцами не связываться.

– Ну да, видела я ее, – мама Тами упрямо наклоняет голову, словно собралась бодаться с сидящей по ту сторону монитора дочкой. – Анна Петровна, как Анна Петровна. Типичная Анна Петровна, и этим все сказано. Бывшая училка, да? Младших классов. У нее на лице написано: «Мама мыла раму».

– А также Кришну и Вишну, – смеется Кэт. – Я уже поверила, что ты не андроид, прекращай стараться. Никакая она не училка. А вовсе даже медсестра на пенсии. Но штука вообще не в этом. А в том, что она копит деньги на кругосветное путешествие.

– Чего-чего?

– На кругосветное путешествие, – торжествующе повторяет Кэт. – Ну или тричетвертисветное, как получится. Это же не только от нее зависит, надо, чтобы еще и все нужные визы дали. С Австралией вполне может получиться пролет. И с Штатами; впрочем, тут проще, можно обойтись одной Латинской Америкой. Тем более, она даже интереснее...

– Катька! Ты что, серьезно?

– Ну да. А что такого? Почему нет? Она же не на самокате собирается весь мир объехать. А как нормальный человек – поездами, автобусами. Ну, самолетами, когда без них не обойтись. А может и по морю, это она еще не решила. Просто не знает, укачивает ее или нет. Говорит, надо разок попробовать...

– Катька!!!

– Ну чего ты так удивляешься? По-моему, нормальное человеческое желание. Особенно когда тебе, например, уже шестьдесят пять лет, и ты вдруг понимаешь, что еще почти нигде не была. Даже в Мурманске и на Камчатке, хотя уж туда-то визу точно не надо. Вот наша Анна Петровна и спохватилась. Тем более, деньги лишние появились, как квартиру начала сдавать. И тогда она решила не мелочиться, а сразу ехать вокруг света. Чтобы одним махом уравновесить долгую оседлую жизнь. Какова, а? Я ею горжусь и уговариваю вести путевой дневник. Вот это был бы проект! Пенсионерка едет вокруг света! Но она пока упирается – ну, знаешь, как все: «Ой, да я и писем-то никогда не писала». Ничего, может уговорю еще.

– Ничего себе, – вздыхает мама Тами. – Ай да Анна Петровна! Всем пример. И мне в том числе. Теперь ясно, чем я займусь после шестидесяти. Осталось ограбить пару банков, но тут я вполне спокойна. Время у меня пока есть.

– С банками мы тебе поможем, – говорит Кэт. – Можешь на нас твердо рассчитывать. Потому что мы тоже хотим вокруг света. С портретом храброй Анны Петровны на знамени экспедиции. Да будет так!

– Ну ты даешь, – говорит Бо, сидевший во время разговора на кухне и благородно сохранявший молчание до конца сеанса связи. Даже не заржал в голос. И если он после этого не ангел, то, скажите на милость, кто тогда.

– Что – даю? – невинно переспрашивает Кэт, изымая из его тарелки несъеденную котлету и отправляя ее в рот. – Ммммооо ммммуаммыыы? – и, кое-как прожевав, повторяет: – Что именно?

– Анна Петровна, собравшаяся в кругосветку – это очень сильно. Я чуть со стула не свалился. Даже от тебя не ожидал. Даже от тебя!

– Ну а что тут такого? – пожимает плечами Кэт. – На самом деле, она действительно вполне могла бы поехать путешествовать. Денег у нее теперь много, а тратит она, как привыкла, мало. Экономит на всем. И журнал «Вокруг света», кстати, выписывает. И дома у нее на всех книжных полках сплошной Жюль Верн. По-моему, это просто логично. Вот ни капельки не удивлюсь, если она решится.

– Это была импровизация века, – твердо говорит Бо. – И главное, Тами тебе поверила! Я тобой горжусь.

– Думаешь, поверила? – польщенно переспрашивает Кэт. – Это хорошо. Я же, собственно, для нее старалась. А то маму иногда заносит – вдруг начинает думать, что все про всех знает. И если будет слишком часто убеждаться в своей правоте, ей станет очень скучно жить. Потому что на самом деле она идеалистка, каких свет не видывал. Таким надо ошибаться как можно чаще. Их это бодрит... Слушай, ты хочешь сказать, что котлеты – все? Вот это катастрофа!

– Три штуки в сковородке, под крышкой, специально для тебя.

– Отлично! Значит сегодня тебе не придется приглашать меня в ресторан и кормить фаршированными устрицами.

– А разве их фаршируют?

– Подозреваю, что да. Чего только не проделывают нынче с едой. Среди поваров встречаются удивительные злодеи. Предполагай худшее – не ошибешься.

– Универсальный принцип.

– Только когда речь идет о тайнах высокой кухни. В остальных случаях наоборот. Предполагай лучшее и возможно угадаешь – если воображение не подведет.

– Иногда мне ужасно жаль, что ты – не Господь Бог. Ты бы отлично все устроила.

– Он у нас тоже вполне ничего, – смеется Кэт. – Просто нам обычно трудно въехать в Его замысел. В сущности, наш Бог – непонятый гений. А это очень портит характер. Но он пока держится молодцом. Вроде бы. Ну, если уж мы все еще не испепелены.

– Катенька, Боренька, – говорит Анна Петровна, – у меня к вам разговор. Такой... непростой. Даже и не знаю, с чего начать.

– С чая, – твердо говорит Кэт. – Потому что у нас сегодня к чаю сливочное полено. Очень удачно вы зашли. Просто идеально!

– Вы съезжать пока не собираетесь? – спрашивает Анна Петровна, деликатно размешивая чай.

– Не собираемся, – отвечает Бо. – А надо?

– Нет-нет-нет, наоборот! Не надо. Просто я подумала – а вдруг у вас с Катенькой какие-то планы. А я не знаю.

– Тогда все в порядке, – улыбается Кэт. – Никаких планов. Живем дальше. Берите полено, пожалуйста. Очень вкусное!

– Спасибо, – говорит Анна Петровна. И продолжает сосредоточенно размешивать чай. – Я еще вот что хотела спросить... А вы могли бы заплатить мне вперед? Месяца за три? А лучше за четыре. Я тогда меньше возьму. На треть. И расписку дам, какую хотите. Хоть у нотариуса.

«За четыре месяца вперед, на треть меньше, – прикидывает про себя Бо. – Очень неплохо получится. Если я соображу где прямо сейчас одолжить еще тысяч тридцать – а я соображу, не вопрос – то...»

– Что-то случилось? – встревожено спрашивает Кэт. – Вы не волнуйтесь, мы наверняка сможем заплатить вперед. Что-нибудь придумаем.

– Ничего не случилось, – смущенно говорит Анна Петровна. И совсем тихо добавляет: – Просто я хочу в Индию поехать. Сейчас многие ездят. Столько удивительного рассказывают! А я слушаю и чуть не плачу – да почему же я еще не там? Даже на курсы английского записалась, все лето ходила. Теперь смогу

сказать, спросить – не все, но самое основное. А боялась, не справлюсь, старая уже учиться...

– В Индию?! – Бо не верит собственным ушам.

– Здорово! – выдыхает Кэт. – Какая вы молодец, отлично придумали! Там же тепло сейчас. И фрукты. И дешево все, особенно после Москвы.

– Все так говорят, – кивает Анна Петровна. – Племянник прошлой зимой там на триста долларов в месяц жил, как богач. Такой довольный вернулся. Говорит: «В раю я уже был, дорогу теперь знаю». И я вдруг поняла – жизнь-то уже заканчивается. А я нигде не была. Ничего не видела. И о душе надо бы подумать. А в Индии, говорят, это хорошо получается – подумать о душе. Туда за тем и ездят. Вот и я собралась. Только не знаю, как быть с деньгами. Можно их в Индию присылать? Вот и решила спросить: а может, вы сразу заплатите вперед? Тогда я буду спокойна.

– Можно и так, – говорит Кэт. – А можно просто счет в банке открыть. Мы вам на карту деньги переводить будем – например. Как захотите, так и сделаем, лишь бы у вас все получилось. А знаете что? У нас там сейчас друзья живут. В Гокарне, на берегу океана. А перед этим ребята по всей стране ездили. Я им сегодня вечером напишу, расспрошу, пусть посоветуют, с чего вам лучше начать. Хотите? Вы когда ехать собираетесь?

– Да мне бы поскорее, – вздыхает Анна Петровна. – Пока не передумала. А то я себя знаю, если надолго отложу, то уже и не решусь. И потом всю жизнь буду поедом себя есть, локти кусать, а все равно не поеду, потому что еще больше испугаюсь. Мне долго раздумывать нельзя.

– Ясно, – кивает Кэт. – Я и сама такая. Тогда сегодня расспрашиваю ребят, а завтра мы с вами будем покупать билеты, да такие, чтобы сдать было нельзя – вот вам и гарантия! Ничего-ничего, вы у нас отлично там перезимуете. Просто лучше всех! И, возможно, получите просветление. Или даже несколько просветлений подряд. Говорят, в Индии это легче легкого, как в Москве грипп подхватить. Верьте мне, все будет замечательно. Я вам заранее ужасно завидую. И сейчас спляшу!

«Чокнуться можно, – меланхолично думает Бо. – И, по всей видимости, даже нужно. Самое время».

– Слушай, а как твой брат сейчас поживает? – спрашивает Маша.

– Витька? Отлично! – улыбается Кэт. – Заперся на дедовой даче под Одессой и работает, не разгибаясь. А это, как понимаем мы, лучшее, что может случиться с художником.

– Ну и слава богу, – вздыхает Маша. – Он классный у тебя. Классный и... трудный. В смысле, похож на человека, которому всегда будет трудно, какую бы жизнь ни выбрал. Потому что ему вообще на другой планете надо было родиться, просто в последний момент перепутал, не ту дверь открыл.

– Так это как раз совершенно нормально, – говорит Кэт. – В смысле, для художника нормально. Они же все такие – которые настоящие. А Витька – даже слишком настоящий. Конечно ему трудно! Но я бы с ним поменялась, не глядя, хоть сейчас. То есть, сейчас – особенно. Потому что он снова при деле, а значит, счастлив, как нам и не снилось. Захотим, а все равно не сможем вообразить.

– Надо же, как бывает, – задумчиво говорит Веня. – Он же буквально неделю назад внезапно объявился у меня в скайпе. Сказал, что все херня, в искусство он наигрался, хочет просто жить, но не знает, с какой стороны за это дело браться. И подозревает, что фиг получится. И отключился прежде, чем я

успел придумать хоть какой-нибудь ответ. Как быстро все меняется! Но в Витькином случае это, конечно, к лучшему.

– Ну, мало ли что было неделю назад, – отмахивается Кэт. – Для Витьки это все равно что в позапрошлом веке. У него же внутренняя скорость бешеная, даже про «вчера» говорит «давным-давно». Наверное и не вспомнит уже, что жаловался. Впрочем, он сейчас вообще ни о ком и ни о чем не помнит. Я же тоже только от мамы знаю, чем он занят. Она его на даче застукала среди кучи холстов, и чистых среди них практически не было. И везде льется черный свет – на белые стены, на белую траву, на белые лица. Ох, ну я-то пока не видела, с ее слов пою. Мама говорит, посмотрела-посмотрела, почти испугалась, потому что как-то слишком хорошо, чтобы быть правдой. И пошла на цыпочках обратно, на электричку, чтобы не мешать. Витька ее вообще не факт что заметил. Обычное дело, когда он работает. Ничего, через пару дней остановится, чтобы поесть, может даже позвонит. Очень на это надеюсь. Скучаю все-таки по нему – ужас как!

– Ну миленький, – говорит Кэт, пока Бо аккуратно выкручивает на улицу, – а что я должна была им говорить? Что Витька лежит на дедовой даче зубами к стенке и до сих пор не повесился только потому что ему лень встать? Так это, заметь, просто наша версия, основанная на так называемом «знании жизни». То есть, на опыте. Но кто сказал, будто опыт прошлого хоть сколько-то полезен при попытке разобраться с настоящим? Прошлое – прошло, наступил новый день. С чего мы взяли, будто жизнь – череда бесконечных повторов? Согласна, часто это так и есть, но «часто» не означает «всегда». На самом деле, мы с тобой просто не знаем, как дела у Витьки, и чем он занят прямо сейчас. И мама не знает. И вообще никто, кроме него самого. И почему бы, в таком случае, вместо заунывной саги о творческом кризисе не рассказать друзьям более правдоподобную версию?

– В смысле, менее?

– Нет! Именно «более». Когда я ничего толком не знаю, более правдоподобная версия – это та, которая устраивает меня. Если завтра я узнаю правду, не стану затыкать уши и делать вид, будто ничего не слышала. Приму ее к сведению, даже если мне очень не понравится. Но пока я не знаю правды, я свободна. И могу выбирать ту правду, с которой мне нравится жить. И которая, если уж на то пошло, понравилась бы Витьке – где бы он ни был и чем бы ни занимался. Я не знаю, как сейчас живет мой братец, но примерно представляю, как он хотел бы жить. Все, что я могу – сделать вид, будто так оно и есть. Уже есть, а не когда-нибудь будет. Не спорь со мной, пожалуйста. Мне и так непросто. Из последних сил держусь. Когда пойму, что больше не могу, попробую ему дозвониться. Но точно не сегодня. Пусть еще немного поживет той идеальной жизнью, которая возможна только у меня в голове, ты совершенно прав, только не говори это вслух, пожалуйста, я сама знаю. Но буду делать вид, что не знаю – сколько смогу.

– Катка! Ты как была с детства великим мастером несвоевременного звонка, так им и осталась. Когда я впервые в жизни напился, ты позвонила мне, чтобы узнать, сколько лет мы добирались бы до Юпитера, если бы поехали туда на троллейбусе.

– А ты спросил, с остановками будем ехать, или без, – говорит Кэт. – И я до сих пор об этом думаю. Так и не решила.

Голос брата нравится ей куда больше, чем неделю, месяц и даже год назад. Но задавать самый банальный в мире вопрос: «Как дела?» – все равно пока страшновато. Потому что Витька всегда говорит ей правду. И ничего кроме правды. И сейчас тоже скажет, можно не сомневаться.

– Когда я почти соблазнил девушку своей мечтой, – продолжает брат, – ты позвонила, чтобы спросить, оставить ли мне кусок торта на утро, или я обойдусь. Анька тогда решила, что ты моя подружка, и передумала соблазняться – мне, между прочим, до сих пор обидно, имей это в виду! Когда мне навстречу из-за угла вышла целая стая малолетних гопников, ты позвонила – уж не знаю, зачем, поскольку эти юные дарования сразу поняли, что у меня есть как минимум одна ценная вещь – мобильник. И я до сих пор не понимаю, каким чудом от них удрал. Когда в Тае у меня началось дикое расстройство желудка от местной еды, ты трезвонила каждые пять минут, разлучая меня с единственным по-настоящему близким в тот момент другом, чистым, прохладным и милосердным, как слеза Авалокитешвары. Когда я твердо решил умереть, ты позвонила с предложением скинуться на новый макбук для мамы, и мне пришлось восставать из уютного гроба, да еще и халтуру искать, не мог же я взвалить все расходы на твои плечи. И вот теперь, когда я почти понял, как должен падать этот чертов луч, ты выскакиваешь из телефона, как чертик из коробочки. И сбиваешь меня с панталыку. У меня был такой прекрасный панталык, дубина ты стоеросовая. Приезжай, с меня сто целобанов. Все до единого твои.

– Нарываешься, – смеется Кэт. – Вот возьму и приеду. Брошу все на целых два долгих дня и приеду к тебе – а где ты сейчас, собственно?

– На границе между светом и тенью, – совершенно серьезно отвечает брат. – Будет круто, если ты приедешь. Хочу тебе кое-что показать. По-моему, я наконец-то стал писать как надо. Ладно, почти как надо. Но это хорошее «почти». Школярское такое «почти», когда не хватает только умения, а с сердцем все в порядке, оно уже там, где ему положено быть. Сидит и ждет весь остальной организм. Очень я такие штуки люблю. Приезжай, Катька, правда. У тебя же бывают выходные? И самолеты летают. Сфотографируешь мне облака, вид сверху? Я одну штуку про свет хочу вспомнить, которую только на небесах показывают, а лететь прямо сейчас никуда не могу. Я даже кофе дня три уже не варил, некогда.

– Вот прямо сейчас тогда свари, – строго говорит Кэт. – Без кофе художнику никак нельзя. Какая ж ты, к свиньям собачьим, богема, если даже кофе не пьешь? Неаккуратненько получается!

– Твоя правда, – соглашается Витька. – Сварю. И потом еще раз сварю, когда приедешь. Покупай билет и сразу звони. Наверняка разбудишь меня, или хотя бы в душе застанешь. Все как мы любим. Жду.

– Слушай, а про меня ты тоже всем врешь? – спрашивает Бо, укладывая в багажник Кэтин дорожный рюкзак.

– Ну что ты. Сообщаю сухие, неоднократно проверенные факты. Что ты, во-первых, математический гений – а если местами пока непризнанный, так это совершенно нормально, человечество у нас старательное, но туповатое, как бесталанный троечник. Через пару-тройку лет небось сообразит, что к чему. А во-вторых, ты так велик, что варишь суп том-ям лучше, чем сами тайцы. А в-

третьих, я тебя очень люблю. И поэтому, в-четвертых, все остальное вообще не важно... И заруби на носу: я всегда говорю только правду – о тебе и вообще обо всем на свете. Поехали!

– Такую специальную интересную правду, которая тебе нравится, – улыбается Бо, поворачивая ключ в замке зажигания.

– Ну да. Я что, совсем дура – из всего многообразия правд выбирать самую неприятную? Да еще и вслух ее всем пересказывать. Нет уж!

– Удивительно, собственно, не то, что ты приукрашиваешь действительность. А что она тебя слушается. И все становится по слову твоему. Даже за мной сейчас Сансаных бегают, уговаривают вернуться в науку. Из которой он же меня и попер в свое время. Извинился, между прочим, чего за ним отродясь не водилось. Говорит, только сейчас начал понимать мой подход к теме. И хочет помогать.

– Ну и дела! И чего ты решил? – восхищенно спрашивает Кэт.

– Пока ничего. Думаю. Что-нибудь придумаю. Неважно. Важно, что все это, скорее всего, случилось из-за твоей болтовни про мою гениальность. После того, как наша Анна Петровна рванула в Индию, я в этом почти не сомневаюсь.

– Думаешь, я ее заколдовала? – смеется Кэт. – И тебя, и твоего Сансаныха? И Витьку заодно? Неетушки! Я просто сразу все правильно про вас поняла. И высказала свою версию вслух – ну так я вообще не молчунья, ты знаешь. Видно же было, что Анна Петровна изводится от безделья, и кухонные хлопоты на даче у сестры ее совсем не развлекают. И весь этот Жюль Верн на полках наводил на определенные мысли на ее счет. Мало ли, что с виду она обычная бодрая московская старуха, икона стиля Черкизовского рынка. Когда хочешь разобраться в человеке, любимые книги гораздо важнее возраста, одежды и даже биографии. И что ты у нас вполне себе гений, это тоже совершенно очевидно – хорошо, что не только мне. И что Витька будет рисовать, пока жив, а все эти его кризисы – подумаешь, кризисы, дело житейское. Художник считает, будто все кончено, а на самом деле, та его часть, которая ответственна за художества, просто легла спать, ей иногда тоже надо перевести дух... И шефа нашего я, кстати, тоже сразу раскусила. Все вокруг говорили: педант, зануда, злобный перфекционист, кара небесная и прочий ужас на крыльях ночи. А я подозревала, что рано или поздно Льву Евгеньевичу надоест ломать комедию и прикидываться вредным, вечно надутым начальником. Не может же он на самом деле им быть. Слишком мелко для чувака с таким прошлым. А теперь ребята говорят, что Крамского подменили инопланетяне – лишь бы только не передумали и не вернули обратно на землю. Но на самом деле он такой и есть, как сейчас. Некого возвращать.

– Звучит разумно, – соглашается Бо. – Но со стороны, хоть ты тресни, кажется, что все это происходит из-за тебя.

– На самом деле, из-за меня наверное тоже, – смущенно говорит Кэт. – Совсем немножко из-за меня. Мне кажется, Бог, Мироздание – да как ни назови ту силу, которая заправляет всеми нашими делами – Он... Она... Оно совсем не злое. Не то чтобы вот прям доброе-доброе, но все-таки скорее friendly, чем нет. Просто довольно равнодушно к деталям. С глобальными процессами Ему все более-менее понятно, а за мелочами поди уследи, даже если ты само и есть все эти мелочи. То есть, в том числе – и они. Поэтому в неопределенных ситуациях – а вся наша жизнь и есть сплошная неопределенная ситуация – иногда достаточно легкого намека: а если, например, все будет как-нибудь так? И

Мироздание довольно, не надо больше париться, выбирать, какая вероятность осуществится. Сами уже все выбрали, идем дальше. И мы идем.

– Едем, – педантично поправляет ее Бо. – Вот прямо сейчас – едем.

Неполный¹ перечень безымянных² существ

Это существо появляется на берегу по утрам; некоторые очевидцы утверждают, что оно выползает на берег из окрестных зарослей, их оппоненты настаивают, что стремительно выскакивает.

По поводу внешнего вида этого существа тоже ведутся споры. Одни говорят, будто тело его огромное и огненное, другие – что оно сравнительно небольшое, плотное, почти прозрачное, с сизо-синим отливом, третьи описывают его как совокупность мельтешащих пузырей, золотых и дымных, вперемешку, четвертые смеются над беспомощными попытками остальных описать нечто невидимое глазу. Все сходятся лишь в одном: в том месте, где у остальных зверей хвост, у него – солнце.

С виду это существо похоже на черную корову, которая всегда пасется в тени. По правде сказать, оно до такой степени похоже на черную корову, что вполне может оказаться просто черной коровой.

Но если внимательно приглядеться, можно заметить, что корова поедает не траву, а окружающую тень.

Тело этого существа – сгущенная тьма, которая всегда образуется между двумя светильниками, удаленными один от другого на сравнительно небольшое, но достаточное для возникновения тьмы расстояние. Таким образом, описываемое существо всегда имеет трех родителей: у него одна мать тьма и два отца светильника.

От матери оно унаследовало ласковый нрав, от отцов – прямоту, граничащую с безжалостностью. Всякий, кто разглядит его, будет охвачен ужасом, как и положено человеку при встрече с существом иной природы. Тот же, кто, преодолев ужас, решится протянуть руку и погладить неведомое, ощутит, что бок у него тугой, прохладный и шелковистый.

В благодарность за ласку существо подарит отважному путнику способность при любых обстоятельствах бестрепетно встречаться с его матерью; некоторые исследователи считают, будто этот дар останется у человека навсегда, но большинство сходится на том, что лишь до новой луны.

Обычно это существо выглядит как мусорная куча. Однако, при встрече с любопытным путником оно развлечения ради может принять вид большой собаки, пестрого теленка, мужчины в синей рубашке – да чего угодно, фантазия его неиссякаема.

Любопытный путник уходит, трепеща, и думает потом, будто познал тайную сторону вещей.

Излишне говорить, что, на самом деле, ни мусорная куча, ни собака с теленком, ни мужчина в синей рубашке не имеют решительно никакого сходства с подлинным обликом существа, который, впрочем, еще никому не был явлен.

¹Любой перечень – неполный. Это знает всякий, кто хотя бы раз делал полную инвентаризацию чего бы то ни было.

²Не удивлюсь, если имена у этих существ все-таки есть. Но мне не удалось их вызвать.

Это (скорее всего) невидимое существо любит гулять по малолюдным песчаным пляжам и оставлять там разнообразные следы, способные обескуражить внимательного наблюдателя.

Выглядит это примерно так: крупные следы босых ног взрослого человека внезапно сменяются следами ребенка, маленькими, но неправдоподобно глубокими, как будто оставивший их малыш весил несколько центнеров. Несколько шагов спустя мы опять видим следы больших ног, то босых, то обутых в сандалии с ребристой подошвой, потом они как-то незаметно превращаются в собачьи, снова в маленькие детские, в следы женских туфель на каблуках-шпильках, в финале они вполне предсказуемо становятся следами коровьих копыт, которые уходят в море и там, наконец, обрываются.

Иногда по ночам это существо растягивает свое тонкое темное тело высоко над землей и, таким образом, подменяет собой небо для жителей целого города, если он не слишком велик.

Отличить его от подлинного неба довольно просто: звезд на теле существа всегда гораздо больше, и сияют они слишком ярко, чтобы быть настоящими.

В такие ночи люди чаще обычного задирают головы к небу, говорят друг другу: погляди, мы и забыли, как оно прекрасно! Иной внимательный наблюдатель может, конечно, заметить, что луна, пошедшая было на ущерб, вдруг снова стала полной, или, напротив, засияла тонким молодым месяцем. Озадаченно покачает головой, скажет себе: наверное, я что-то перепутал. И махнет рукой.

И только юный астроном-любитель, именно в эту ночь собравшийся потрясти свою девушку умением находить созвездие Ориона и обе Медведицы, может заметить подмену и забить тревогу. Но кто станет его слушать.

Долго и обстоятельно исследовав природу этого существа, мы по-прежнему ничего не можем сказать о его теле. Возможно, оно есть, и в этом случае мы можем лишь предполагать, невидимо ли оно человеческому глазу, или, напротив, видимо, но при этом выглядит как нечто привычное и обыденное – дерево, камень, одинокая сандалия с порванным ремешком. Возможно же, звуки которые производит существо, являются его телом, а не деянием.

Так или иначе, но существо являет себя человеку именно как звук, точнее, совокупность звуков, источник которых нам никогда не удастся обнаружить. Чужая, незнакомая мелодия телефонного звонка у самого уха, грохот бьющейся посуды – при том, что все чашки и тарелки в доме целы, или их вовсе нет, громкий спор по-литовски на совершенно пустой улице индийского городка, мяуканье кошки в море, на более чем приличном расстоянии от берега. И так далее.

Если очень повезет, существо устроит для вас настоящий концерт. Например, пение под стук нескольких барабанов, которое вы будете с наслаждением слушать в полной уверенности, что это играет и поет пестрая компания молодежи, расположившаяся в паре десятков метров от вашего пляжного коврика. Будете думать: вот ведь повезло с соседями. Будете думать: хоть бы они не устали, поиграли подольше! А когда, полчаса спустя, обернетесь, чтобы посмотреть на музыкантов, обнаружите, что никакой молодежи рядом с вами давным-давно нет. И вообще никого, только юная мамаша с загорелым младенцем, без единого барабана, такие дела.

Музыка после этого открытия сразу зазвучит гораздо тише, а вскоре и вовсе умолкнет: это существо не любит, когда его присутствие столь явно обнаруживается.

Ничего не говори

– Совершенно ужасный был одиннадцатый год, – говорит Танька. – Сперва все болели – мама, Соня, дед. Слава богу, все выкарабкались. А Пяточкин наш все-таки умер в марте. Ты же помнишь Пяточкина? Самый лучший в мире был кот, до сих пор скучаю. Дурной пример заразителен, я сама тоже несколько месяцев пробегала по врачам и обследованиям. Это теперь понятно, что просто решили со здоровой коровы побольше бабла содрать, этакая гиппократова саечка за испуг, а тогда грешным делом думала – все, последнее лето в моей жизни настало! Голландец мой сладкий тут же быстренько упаковал вещички и дал деру в направлении такой же загадочной как моя, но менее проблемной русской души. Финт, достойный хорошо обученной корабельной крысы. Ясно, что все к лучшему, но поначалу мне было совсем невесело. Невзирая на ясность. Смерть отменилась, а жизнь все равно рухнула, бывает, оказывается, и так. Тогда я решила: ладно, поеду зимовать куда-нибудь на юг, к морю, и гори все огнем. Благо начальство согласно отпустить меня на удаленку, а остальным клиентам и подавно все равно, где я свожу их разнесчастные балансы. И тут – тадам! – реальность наносит последний сокрушительный удар. На юге у моря у нас, оказывается, зимует мама. Ей надо, она так решила и уже купила билеты в Таиланд. А в питерской квартире пока поживу я, если уж все равно договорилась об удаленке. Присмотрю за рыбками и к деду буду время от времени заезжать – вот как она здорово придумала.

– И я, представляешь, согласилась, – говорит Танька. – Что совершенно необъяснимо. Ситуация, на самом деле, совсем не безвыходная, вполне можно было взвалить деда с рыбами на Надьмихалну, или на ту же Соньку. Но я даже не стала предлагать альтернативные варианты. Почти обрадовалась, что все решилось само, без меня. Подумала: интересно же будет снова пожить в Питере. То ли забыла, как плохо мне там всегда становилось зимой, то ли не забыла, а решила: «Чем хуже, тем лучше». Не знаю. Трудно сейчас свою тогдашнюю логику понять. Могу сказать только, что это была чудовищная глупость.

– Ну ты только прикинь, – говорит Танька. – Все и так плохо, а тут еще зимовка в Питере. В этой дурацкой саморазрушающейся, всеми ветрами продуваемой – зато-на-Петроградке! – квартире. Вместо теплого Пяточкина глупые рыбы за стеклом, вместо разъехавшихся и поумиравших друзей юности бесконечный фейсбук, по уши закопавшаяся в семейную жизнь сестра, да дряхлый дед на другом конце города. Единственное каждодневное развлечение – давным-давно надоевшая работа ради пропитания. Короче. Примерно за неделю до Нового Года я перестала всерьез размышлять о самоубийстве. Но только потому что оно стало казаться мне слишком хлопотным делом. И если бы не Боб... Нет, пожалуйста, ничего не говори. Я знаю. Все знаю.

Шел по улице Бармалеева, недоумевая: что я здесь забыл? И, если уж на то пошло, как меня вообще занесло на Петроградку? В половине двенадцатого ночи, в декабре месяце. Зачем? Для сентиментальной прогулки, прямо скажем, холодновато. Ну и вообще, мало ли, кто где раньше жил.

Думал: самое идиотское, что я вообще на хрен не помню, как сюда добирался. На метро, с пересадками, а потом пешком? Или взял такси? На фоне этого простого вопроса философское «зачем» как-то утрачивает актуальность. И

какой, интересно, смысл столько лет оставаться трезвым, если реальность все равно то и дело разваливается на куски, из которых во все стороны как гнилые нитки торчат обрывки причинно-следственных связей, не способные соединить в логическую последовательность даже два простых эпизода: вечернее чаепитие дома, на набережной Смоленки и прогулку по улице Бармалева.

«Какой смысл оставаться трезвым» – это был риторический вопрос. Совершенно не собирался развязывать. И уж точно не вот прямо сейчас, когда все давным-давно закрыто – по крайней мере, в обозримом пространстве. Да и денег с собой, кажется, нет.

Обшарив карманы, обнаружил: и телефона нет тоже. Вот это номер! Такси теперь не вызовешь, а на частных надежды мало, на проезжей части пусто, как будто автомобили еще не изобрели. Хотя балы там устраивай. Похоже, домой придется топать пешочком. В минус – что у нас тут сейчас за минус? Хрен его, честно говоря, знает. Но совершенно точно не плюс.

И когда увидел свет в окнах квартиры на четвертом этаже, сперва подумал только: «О! Вот кого можно попросить вызвать такси!» А уже потом: «Ну надо же, это, что ли, Танька дома?» И тут же обругал себя: «Хрен тебе Танька, она уже давным-давно уехала. Это, в лучшем случае, Аннапална. А скорее всего, просто новые жильцы».

Но, кстати, имеет смысл проверить. Потому что Аннапална – это вполне себе спасение. Наверняка она меня помнит. И разрешит позвонить, вызвать такси. А там уже выкручусь, договорюсь с водителем, чтобы подождал, пока я зайду домой за деньгами. Обычно соглашаются, куда им деваться.

А все равно, еще поднимаясь по лестнице, совершенно точно знал, что дверь ему откроет не Аннапална, а Танька. И, окрыленный предчувствием, помчался вверх, перепрыгивая через ступеньки. Хотя казалось бы – ну, Танька. И что с того. Сколько лет прекрасно без нее обходился, почти не вспоминал.

Подумав об этом, побежал еще быстрее. Никакой логики.

Дверь сперва долго не открывали, наконец, женский голос неуверенно спросил:

– Это кто?

– Как бы на самом деле я.

Дурацкая шутка родом из их общей юности, лучший в мире пароль.

– Ой, – изумился голос. И защелкали замки.

– Ой, – повторила Танька. – Бобочка. Собственной персоной. Вот это номер!

Сказал:

– Понятия не имел, что ты в Питере. И вдруг иду мимо, а в ваших окнах свет. Подумал, а вот возьму и зайду. На удачу.

– Свет в окнах? – изумленно переспросила Танька. – Вообще-то у меня только над аквариумом лампа горит. Наверное, ты просто этаж перепутал. И правильно сделал: я-то действительно дома, хоть и в потемках сижу. Ужасно тебе рада. Заходи.

Зашел в темную прихожую. Танька, немного помедлив, сообразила, что гость ничего не видит, и щелкнула выключателем. Недовольно зажмурилась, потом приоткрыла один глаз. Сказала:

– Жуть какие у мамы отвратные лампочки. Надо бы закупить новых и все поменять. Тут много чего надо сделать, да руки не доходят. И не факт, что ей понравятся перемены. Утешаюсь тем, что терпеть осталось всего три месяца. Ладно, с половиной. Но все-таки не десять лет.

– Почему терпеть?

Танька только рукой махнула. Дескать, все это неинтересно. Но все-таки объяснила:

– Матушка в Тай укатила зимовать, представляешь? Я вообще-то сама туда собиралась, но она меня опередила. Ладно, ей и правда нужнее. Всю весну по больницам моталась, пусть греется теперь. А я тут ее рыб караулю. И деда навещаю; слава богу, ему хоть воду менять не надо. Выгляжу ужасно, да?

Согласился:

– Неважно. Но это ерунда, видывал я и похуже.

– Не сомневаюсь, – усмехнулась Танька. – Учитывая твой стаж работы на Скорой... Ничего, на самом деле я белая и пушистая. И вообще в полном порядке. Это чертов Питер на меня так действует. Нельзя мне сюда больше чем на неделю приезжать. Голову уже знаешь сколько не мыла? Дней десять. И не потому что тут нет горячей воды. Она есть. Просто мне пофиг. И сил нет ни на что. Но чаю я тебе все равно заварю. Он у меня хороший. Великий и британский.

Прошел за ней на кухню, где горела маленькая лампа над плитой. Стол был заставлен грязными чашками и завален бумажными пакетами. В мойке громоздилась гора немытой посуды. На жестком диване лежали смятая подушка и пестрый комок пледов, можно было догадаться, что хозяйка ночует прямо тут. По крайней мере, в те дни, когда ленится идти в спальню.

– Чудовищное свинство я тут развела, – вздохнула Танька, разжигая огонь под чайником. – Пока одна была, вроде, нормально. А теперь даже стыдно как-то. Хотя бывали мы с тобой в переделках и похуже, чем какая-то грязная кухня.

Улыбнулся. Обнял ее крепко-крепко. Еще на пороге хотел это сделать, но почему-то постеснялся. Столько лет не виделись, просто отвык – не только от Таньки, но даже от самой идеи, что она существует. Сказал:

– Ты моя лучшая в мире дружища. Как же я рад, что рискнул зайти! А теперь давай мне чай и садись на диван. Все остальное я сделаю сам.

– Вот и хорошо, – флегматично кивнула она. – Ужасно лень со всем этим возиться.

Пока закипала вода, успел отыскать и вымыть заварочный чайник и несколько чашек. Пока заваривался чай, смел все со стола. Посуду в мойку, пакеты в мусорное ведро, вместе с содержимым, отчасти заплесневевшим, отчасти просто окаменевшим. Протер стол мокрой тряпкой. И еще раз. И еще. После четвертого подхода стол оказался вполне пригоден для чаепития.

– В холодильнике есть конфеты, – сказала Танька. – Халва в шоколаде. Я их купила, а потом забыла. И правильно сделала, по крайней мере, есть, чем тебя угостить. Достань.

Достал. Разлил чай по чашкам. Сел рядом с Танькой. Обнял ее за плечи. Спросил:

– Слушай, а почему мы вообще потерялись? Я не помню. И не понимаю теперь совершенно.

– Я тоже не понимаю, – вздохнула она. – Ну, просто я уехала – это раз. А ты бухал тогда сильно, я тебя таким видеть не могла. Поэтому даже не попрощалась по-человечески. Потом звонила тебе домой бесконечно, ты трубку не брал. Наконец ответили какие-то люди, сказали, ты продал квартиру и уехал. Я еще какое-то время рыпалась, расспрашивала всех наших, но они такое рассказывали, что я перестала. Решила, ничего не хочу о тебе знать, лучше уж

сама что-нибудь сочиню. Получается, зря. Прости, Бобчик. Все это очень понятно и по-человечески, но применительно к нам совершенно необъяснимо. Ты же всегда был мой лучший друг. И до сих пор есть.

Улыбнулся:

– Да ну, что тут необъяснимого. Нормально все, не бери в голову. Я и сам себя тогда потерял. Зато теперь нашелся. И пригодился, да?

– Ты только вот чего, – строго сказала Танька. – Даже не думай, будто у меня что-то там ужасное случилось. Ничего особенного не случилось. Просто нормальная человеческая хандра. Год, и правда, тяжелый был, но в итоге все более-менее обошлось. Кроме котика. Пяточкин мой умер весной, представляешь? Но ему уже почти двадцать лет было, так что тоже, в общем, нормально. Дело житейское. Просто я дурака сваляла, нельзя мне было оставаться зимовать в Питере.

– Ничего, ничего. На самом деле можно. Со мной-то!

– Ну разве что с тобой, – вяло согласилась Танька. – Слушай, что-то я носом клюю совсем. Учти, это не потому что мне скучно. У меня бессонница какая-то дурная в последнее время. Пару часов подремлю и снова подскакиваю, неизвестно зачем. И соображаю все хуже, и сил ни на что нет, а все равно не сплю. Как будто война, бомбежки, и надо быть готовой в любой момент подхватываться и бежать. Видишь, даже по дому в пуховике хожу. Вроде бы потому что теплый и гораздо удобней халата. А на самом деле, чтобы быть наготове. Совсем чокнулась... Но вот чаю с тобой выпила и расслабилась. Могу отрубиться буквально в любой момент. И слушай, как же это обидно! Ты знаешь что? Ты, если тебя где-нибудь ждут, иди. А если не ждут, оставайся тут, ладно? Спальных мест в этом доме больше, чем нас. И еда какая-то в холодильнике есть. И чай. Чая еще много...

И действительно уснула, не договорив. Да так крепко, что не проснулась даже когда отнес ее в спальню и уложил в кровать. А сам вернулся на кухню и засучил рукава. По своему опыту знал, что порядок, внезапно возникший на месте запущенного бардака – не самое лучшее в мире лекарство от выгрызающей сердце тоски. Но очень неплохое. Как будто вместе с бардаком закончился тяжелый отрезок жизни, в ходе которого ты его развел. И можно начать все заново. С ослепительно чистого абсолютного нуля.

Ну и самому лучше быть при деле сейчас, когда начал вспоминать, как оказался на Петроградке.

Пока оттирал заляпанный растительным маслом и свечным парафином подоконник, говорил себе: «Не надо об этом думать. Мне нужна ясная голова, а не буря в полутора литрах внутричерепного гоголь-моголя. Совершенно неважно, откуда я тут взялся, как среди ночи попал на улицу Бармалеева. Важно, что это случилось очень вовремя. И что еще важно, так это вернуться сюда завтра вечером. Хотя бы завтра, а дальше – как повезет».

– Вот просто пришел среди ночи, – говорит Танька. – Без звонка, как будто заранее договорились. Я сперва перепугалась по старой привычке, в полночь без предупреждения никого кроме ментов как-то не ждешь. А они – нежеланные гости, даже если единственное преступление, какое можешь за собой припомнить, переход улицы на желтый свет. Потом подумала: а вдруг это воры проверяют, есть ли кто дома? Решила, надо подать голос, но не открывать. Спрашиваю: «Кто там?» – и вдруг в ответ: «Как бы на самом деле я». Мы с

Бобкой так в юности шутили, даже не помню, кто из нас первым придумал. Ай, неважно. Вместе придумали. Мы тогда все делали вместе.

– Представляешь, – говорит Танька, – вместо того чтобы наброситься на него и всю ночь пытаться, как там и что, я просто отрубилась. Расслабилась на радостях – кажется, вообще впервые за весь год. Проснулась утром в матушкиной спальне, подумала: «Надо же, Бобка приснился». А потом вышла на кухню, и поняла, что гость у меня был наяву. Потому что такой идеальный порядок лично я даже в лунатическом припадке не наведу. А Бобушка в этом смысле настоящий монстр. Какая у него дома была чистота! Не в каждой девичьей горенке такой порядок. Он же чуть ли не с восемнадцати лет один жил, с тех пор как мать умерла. И вечеринки, конечно, нон-стоп, я сама, было время, из его квартиры неделями не вылезала. А все равно каждое утро в доме снова идеальный порядок. Бобка как-то, практически не приходя в сознание, умудрялся все вымыть и расставить по местам. И ботинки у него в любую погоду оставались идеально чистыми, и на штанах ни пятнышка. Как ему это удавалось? Не понимаю.

– И кухня моя тем утром сверкала, хоть в журнал по домоводству ее фотографируй в качестве недостижимого идеального образца, – говорит Танька. – И гостиная тоже, и коридор. Причем коридор сверкал не только от чистоты. Бобка нашел на антресолях мамину коробку с елочными гирляндами и развесил их под потолком. Добрая сотня лампочек, и все мигают, как на старой доброй школьной дискотеке, представляешь? Я сперва вообще не поняла, что происходит. А потом ничего, опознала эти фонарики, сообразила, откуда они взялись. И наконец-то вспомнила, что скоро Новый год. Всего неделя до него осталась, действительно. И как-то неуместно обрадовалась – ура, этот сраный год заканчивается! Как будто от смены календарной даты внезапно, без дополнительных усилий изменится жизнь. Вообще ничего руками делать не надо, только сиди и жди.

– И самое главное, – говорит Танька, – на кухонном столе лежала записка. Жутким Бобкиным докторским почерком, который без поллитры не разберешь. Но я обошлась всего двумястами граммами, в смысле, одной кружкой кофе. И прочитала: «Обязательно вернусь вечером, пожалуйста будь». Эта формулировка: «пожалуйста будь», – как-то неожиданно меня проняла. Словно не просто просьба быть вечером дома, а глобальное пожелание бытия. Я была так потрясена, что решила попробовать «быть». В смысле, существовать хоть немного осмысленней, чем в последние месяцы. И для начала вымыла голову, чтобы не портить своим жутким видом внезапно наступившую предпраздничную красоту. А потом высушилась, оделась и пошла за мандаринами. Купила пять кило. Но к вечеру, к Бобкиному приходу, от них осталось, в лучшем случае, два. Куда-то незаметно делись, пока я работала. А руки мои пропахли цитрусовой кожурой, я тогда думала, навсегда. Меня бы, кстати, устроило.

На звонок пришлось нажимать носом, потому что руки были заняты пакетами. Счастье, что замок в подъезде сломан, и дверь достаточно толкнуть плечом. То есть, по большому счету это, конечно, непорядок, с которым надо бы разобраться. Но вчера отсутствие замка оказалось очень кстати. А уж сегодня, с пакетами – вообще нет слов. Совсем не хотелось ставить их на землю, в грязную жижу, которая даже не пыталась казаться снегом, сама понимала –дохлый номер, не пройдет.

Танька открыла дверь почти сразу. Явно хотела обнять, но при виде пакетов ужаснулась: «Ничего себе ты приволок!» – и посторонилась.

Улыбнулся:

– Это только кажется, что приволок. На самом деле, там ничего нет. Ну, почти ничего. Смотри!

И кинул в нее один из пакетов, как гигантский волейбольный мяч. Танька азартно пискнула, но вместо того, чтобы взять подачу, отбила. И содержимое горемычного мешка пролилось на старый паркет сверкающим серебристым дождем.

– Ой, – выдохнула Танька. – Дождики! Так много?

– Вот увидишь, когда начнем их развешивать, окажется, что мало. Но для начала сойдет. Как думаешь, чаю я заслужил?

– Заслужил – не то слово. Ты столько не выпьешь.

– Ничего, я старательный. И времени у меня вагон. До утра. А наступает оно сейчас, сама знаешь...

– В полдень!

– В одиннадцать. Но, в общем, один черт.

Пили чай, сидя на кухонном диване, прижавшись друг к другу, как в старые, условно добрые времена, когда ощущали себя то единовластными повелителями мира, то невинными его жертвами, позиция эта сменялась порой по несколько раз на дню, неизменным оставалось одно: мир отдельно, и мы отдельно, вдвоем против всех.

А может быть, не «против», а «вместо». Потому что на самом деле нет никого и ничего, кроме нас. Остальное – мерещится. Не в счет.

– Как будто вообще не расставались, – наконец сказала Танька. – Как будто просто длинный-длинный сон мне приснился, что уехала, а ты тут остался. Надо было нам, конечно, вдвоем подрываться. И не в Москву, а куда-нибудь подальше. Мы же хотели, помнишь?

Кивнул:

– Так бы и было, если бы я не бухал. А когда остановился, тебя уже след простыл. Хотя, при желании, можно было отыскать. И почему я не стал этого делать, не понимаю до сих пор. Сам все испортил, дурак.

– А теперь сам все исправил.

– Лучше поздно, чем никогда?

– Именно. Особенно когда «поздно» – это так вовремя... Слушай, а где ты собираешься развешивать все это мохнатое серебро?

– Для начала обмотаю им твои ужасные люстры. А там как пойдет.

– А на следующий вечер, – говорит Танька, – он приволок мне елку. Маленькую, полуметровую, в горшке. И потом полночи украшал ее мамиными шарами и шоколадными дед-морозами в цветной фольге. А меня посадил вырезать из бумаги снежинки. А потом клеить их на окна. Честное слово, как в детском саду! Но я уже ничему не удивлялась. Это же Бобка. Вот такой у него сейчас заскок – готовиться к Новому Году. Не вопрос, будем готовиться. С ним даже это интересно. И вообще все что угодно, лишь бы с ним.

– Нет, – говорит Танька. – Вот чего-чего, а романа у нас никогда не было. Хотя все думали, что был. Нас это устраивало. Обоих. По разным причинам, да. Но по большому счету, что нам те причины. Нас было двое во всем мире – Бобка и я. А остальные нам просто мерещились, так уж мы договорились. Такая

идеальная детская дружба. Или даже не детская, а как во сне. Конечно, не бывает, я знаю. Но нам почему-то повезло.

– «О чем дружили» – смешная формулировка, – говорит Танька. – И очень понятная. Мне нравится. А все-таки мы, понимаешь, дружили как бы «ни о чем». Друг о друге и против всех – не знаю, как лучше сказать. Просто мы оба были такие прекрасные книжные дети. Конченные идеалисты. Это, как оказалось, даже подростковым нигилизмом не лечится. Его прикладывать – только хуже делать. Но мы, конечно, приложили. А потом смотрели вокруг и не понимали, что происходит. Почему люди ведут себя как животные? Где разум, где сердце? Сплошной хватательный рефлекс – даже у наших ровесников, о взрослых и говорить нечего. И откуда такая массовая страсть к мучительству? Даже школьные учителя выбирают себе жертвы среди учеников и с явным удовольствием их унижают. И среди всего этого откуда ни возьмись такие прекрасные мы. Прямо ссыльные ангелы. Бобчик, который пошел в мед, чтобы спасти людей. И я, такая фифа, уткнувшаяся носом в звезды. Если уж в космонавты нельзя, пойду в астрономы. Чтобы вообще ничего не видеть кроме звезд! Конечно мы держались друг за дружку изо всех сил – просто чтобы не пропасть. Сколько-то лет это работало, по крайней мере, для меня. Бобчик сдался первым, но оно и понятно, ему гораздо тяжелей пришлось. Работа на «Скорой», прямо скажем, не очень подходит для идеалистов. Потому что когда изо дня в день видишь, как твои коллеги экономят обезболивающие, слушаешь вой пациентов, на которых они так удачно сэкономили, и не имеешь возможности что-то изменить, ясно, что твоя капитуляция – просто вопрос времени. Но это я сейчас понимаю. А тогда просто видеть его пьяным не могла. Да и сейчас бы вряд ли смогла. Нет, он не становился буйным. И, в отличие от многих, даже не очень глупел. Просто это был уже не Бобка. Какой-то чужой малознакомый человек. Подмена.

– Конечно, я думала, что это предательство, – говорит Танька. – И конечно, не могла себе простить. Мы, идеалисты, в этом смысле более чем предсказуемый народ. Но Бобка сказал, все фигня. Никакое это не «предательство». Просто такая уж сраная была у нас жизнь. Неудивительно, что мы оба с нею не справились. Никто не виноват. Зато теперь вполне справляемся. Со второй попытки. Тоже вполне себе ничего результат.

Эти большие, мягким голубоватым светом сияющие шары увидел в каталоге ИКЕА еще осенью. И даже собирался купить, хотя прежде был равнодушен к новогодним украшениям. Но не сложилось.

Поэтому в первую же ночь, пока развешивал в Танькином коридоре старенькие елочные гирлянды, думал: «Вот бы подарить ей эти шары».

Казалось бы чего проще.

Но принес их только вечером тридцатого декабря. Раньше почему-то не получилось. Зато сразу четыре упаковки – две в гостиную, одну в спальню, одну на кухню. Потрясающий вышел эффект. Скучная старая квартира немедленно превратилась в жилье юной наследницы Снежной Королевы, только-только приехавшей в Питер, к примеру, поступать в Институт Холода. Временное, съемное жилье, а все-таки сказочное – ровно настолько, чтобы быть возможным в условиях текущей реальности. Таньке тут еще жить.

– Эти бы фонарики да на машине времени в наше детство, – вздохнула Танька. – Вместе с остальными игрушками.

Улыбнулся:

– Не имеет смысла. В детстве мы и так любили Новый Год. И радовались ему так сильно, что сколько чудес ни добавь, обрадоваться больше все равно не получится, предел уже достигнут. А сейчас нам с тобой надо научиться радоваться заново – Новому Году и вообще всему. Или хоть чему-то. Так что все эти прекрасные штуки очень своевременно появились. И атакуют теперь наши очерствевшие сердца. Мое – вполне успешно. А твое?

– По крайней мере, мое сердце успешно атакуешь ты, – сказала Танька. – В смысле, твоя манера готовиться к Новому Году. Не за один вечер быстренько-быстренько все украсить и отвалиться, а каждый день что-нибудь добавлять. И праздник, таким образом, растягивается на целую неделю. Здорово!

Помолчав спросила:

– Слушай, а завтра-то ты придешь?

Чуть было не ответил честно: «Не знаю. Но очень на это надеюсь». Но, конечно, вовремя прикусил язык и твердо сказал: «Да».

Потому что если не прийти сюда завтра, если оставить Таньку одну в новогоднюю ночь, вообще непонятно, зачем нужна вся эта затея. Нет. Не может такого быть.

Конечно пришел. Причем заранее, часов в восемь. Не нарочно, но очень обрадовался, что так получилось. Теперь Таньке не придется весь вечер беспокоиться и гадать. Очень все-таки трудно, когда не можешь просто взять и позвонить.

А кстати, интересно, почему она до сих пор не спросила номер моего телефона? Ну не по рассеянности же, в самом деле. Или ждет, пока я сам скажу? Или?..

Да ну, нет. Какая ерунда.

И решительно нажал кнопку звонка.

Сидели прямо на полу, вернее, на вытертом ковре в гостиной, освещенной бледно-голубыми шарами и яркой аквариумной лампой, пили горячий яблочный сидр с гвоздикой и медом, смотрели, как скользят по стенам гигантские прозрачные тени рыб. Специально выключили не только телевизор и радио, но и компьютер, чтобы не следить за временем, растянуть наступление Нового года на несколько часов, а то и до самого утра, пока хватит сил. Но все равно, конечно, не смогли пропустить полночь: даже тихая, вечно безлюдная улица Бармалеева взорвалась в этот момент восторженными воплями и треском фейерверков. И тогда Танька сказала:

– Все-таки ужасно здорово, что ты не китайский злой дух. А то бы они сейчас тебя распугали. Фейерверки затем, оказывается, и придумали – злых духов пугать.

Согласился:

– Я совершенно точно не злой. И определенно не китайский. И не...

– Ты не отражаешься в зеркалах, – сказала Танька. – И даже в оконных стеклах. Я давно заметила. На третий, кажется, вечер. Ничего не говори, не надо. Не сейчас.

Ладно. Не сейчас так не сейчас. Честно молчал несколько минут. Но потом все-таки сказал:

– Может и хорошо, что ты заметила. По крайней мере, не придется врать, будто у меня внезапная командировка – прямо завтра, с утра. Тем более, я так и не придумал, чей телефон тебе оставить вместо своего, если спросишь. Разве

что Лёхин? А кстати, да, отличная идея. Но она только сейчас пришла мне в голову.

– Я потому и призналась – чтобы тебе выкручиваться не пришлось, – кивнула Танька. – Ни о чем тебя не собираюсь расспрашивать. Спасибо, что пришел. Из-за этого смысл сразу опять появился – вообще во всем. И теперь никуда не денется, чтобы ни случилось. Такая неотменяемая штука этот твой смысл. На вечные времена.

После того как Танька уснула, еще долго сидел в гостиной. Думал: «И я сам, получается, тоже неотменяемая штука. И тоже на вечные времена, как бы это ни выглядело со стороны».

Закрывая за собой дверь Танькиной квартиры, был совершенно спокоен. И счастлив – как, пожалуй, никогда прежде.

Отличный улов.

– Ничего не говори, – просит Танька. – Я знаю, что Бобка умер еще в ноябре, мне Лёха рассказал. Объявился первого января вечером – приехал, оказывается, своих навестить и узнал от них, что я тоже в городе. Сонька, кажется, кому-то из его сестер сказала. Или не Сонька? Ай, неважно. Кто бы это ни сделал, всяко молодец. Такой отличный вышел сюрприз! Сидели до утра, болтали обо всем на свете. Но в основном, конечно, о Бобке. Лёха, оказывается, с ним очень сдружился в последние годы. И его отъезд, в отличие от моего, ничего не изменил. В скайпе чуть ли не каждый вечер болтали, в гости ездили. Так что пришлось мне Лёху утешать. Это оказалось совсем нетрудно и даже немного смешно – при свете новогодних фонариков, которые Бобка мне буквально позавчера принес и самолично развесил под самым потолком. Что, честно говоря, камня на камне не оставляет от стройной и внятной теории о регулярных галлюцинациях на почве тяжелого обострения достоевского Петербурга в моем организме. Я бы просто не дотянулась, даже со стремянки. Во мне росту всего метр пятьдесят шесть. А Бобка – метр девяносто. И не надо поправлять меня: «был». Ничего не говори.

Каждый хотел бы так

Стелла идет по Калле Арко, по улице Арок, Смычка, Короткого Промежутка Времени, или Дуги; нет, лучше так: по улице Натянутого Лука идет она сейчас, звонко цокая невидимыми каблучками. Невидимыми – потому что какой же дурак, вернее, какая же дура отправится бродить по Венеции в босоножках на каблуках. Стелла предусмотрительна, на ногах ее нынче удобные кеды, они отлично сочетаются с новым шелковым платьем в мелкий горох, идеальная обувь для долгой прогулки, но походка у Стеллы все равно остается такой, словно она цокает невидимыми каблучками. Это, кажется, просто от счастья, дополнительный способ хоть как-то выразить эмоции, некоторые в подобных случаях размахивают руками или просто улыбаются до ушей, а у Стеллы появляются невидимые каблучки, не слишком высокие, зато очень звонкие, подбитые солнечной медью, высекающей из камней искры, почти настоящие звезды, просто недолговечные – как, впрочем, и люди, и города, как вообще все.

Но это неважно, потому что прямо сейчас все у нас еще есть – искры-звезды, Стелла, кеды, невидимые каблучки, влажный воздух, июньское солнце над головой, пестрый струящийся шелк, Калле Арко и вся остальная Венеция, даже слишком много для одной маленькой Стеллы, но много – не мало, заверните, берем.

«Нумерация здешних домов запросто может свести с ума, – весело думает Стелла. – Хорошо, что мне не нужно искать чей-нибудь адрес, потому что в этом городе я не знаю ни единого человека, можно сказать, повезло, не придется метаться между сто тридцать пятым и тысяча двадцать шестым номерами, пытаюсь сообразить, где тут четыреста сорок второй».

Сегодня утром у Стеллы задача гораздо проще: выпить кофе, желательно на улице и в тени, по цене полтора евро за чашку, а не шесть, как в кафе на Сан Марко и прочих добросовестно отмеченных во всех путеводителях дорогих забегаловках для туристов. И не из экономии даже, просто когда пьешь кофе по обычной цене для своих, сама становишься местной, не праздной богатой зевакой, а частью этого города – на целых десять секунд, на все три жадных, нетерпеливых глотка. А если покажется мало, всегда можно повторить.

А пока подходящего кафе не нашлось, Стелла стремительно идет по Калле Арко, по улице Арок, по узкой Тропе Натянутого Лука летит она как стрела в новом шелковом платье и кедах на стройных загорелых ногах, такая красивая, что прохожие невольно замедляют шаг, оборачиваются, глядят на ее торопливые отражения в темных стеклах немногочисленных витрин, любят и, чего греха таить, втайне завидуют. Никто бы не отказался хоть немного побыть счастливой легконогой Стеллой, выпущенной из лука кудрявой стрелой, вот прямо сейчас сворачивающей с Калле Арко куда-то в сторону Калле Чинкве. Каждый хотел бы так!

– С местной публикой дела обстоят совсем не так просто, как может показаться, – многозначительно заметил Тони.

Я адресовал ему изумленный взгляд – это с кем ты сейчас разговариваешь? Точно со мной? И с какого перепугу, дорогой друг, мне должно было показаться, будто с местной публикой «дела обстоят просто»? Что бы это самое «просто» ни означало на твоём сегодняшнем языке, который ты и сам-то не факт что понимаешь. По крайней мере, не прямо с утра.

Наконец сказал:

– Ясно, что просто дела в Венеции могут обстоять разве только с туристами.

– С туристами, – Тони зачем-то перешел на шепот и наклонился к самому моему уху, – все еще сложнее. Потому что местные просто живут на границе разных, почти несовместимых миров, удаленных друг от друга на расстояние, равное сумме букв в слове «немыслимо», последовательно записанном на всех существующих и выдуманных языках – ладно, подумаешь, с кем не бывает, к подобному положению вполне можно привыкнуть, или хотя бы жить так, словно привык; мы с тобой это знаем. А доброй четверти тех, кто кажется нам туристами, здесь сейчас вообще нет. При том, что любого из них можно коснуться и ощутить живое тепло, я уже сколько раз проверял. И вот это совершенно не укладывается у меня в голове.

– Как это – «нет»? Это метафора? Хочешь сказать, они так оглушены впечатлениями, что бродят по городу в полубессознательном состоянии, и?..

– Никаких метафор, – улыбнулся Тони. – В каком состоянии здесь обычно бродят туристы, сознательном или не слишком, меня не интересует. Я совсем о другом.

И умолк, отвернувшись. Стоял, глядел то ли на зеленые воды Гранд-канала, то ли на сияющие нити, протянутые между небом и землей, видные тут невооруженным глазом, даже стараться не надо, скорее наоборот, почаще моргать, твердя: «Примерещилось, примерещилось», – потому что это сияние не только прельстительно, но и почти невыносимо для человеческих глаз, обычно устремленных во тьму даже на ярком свету.

Однако невовремя он замолчал. Мне-то уже любопытно, о чем таком – «о другом»?

– Звучит немного нелепо, – наконец сказал Тони, – но по этому городу толпами бродят мечты.

– Что значит – «мечты»?

– Ну как. Согласно словарям, мечта – это «образ желанного будущего, в достижимости которого нет уверенности». Я бы добавил: не обязательно будущего. О прошлом тоже можно мечтать. А чаще всего мечтают о настоящем: «вот бы прямо сейчас...»

Стелла сидит на Кампо ди Сан Сильвестро. На красном пластиковом стуле сидит она, за белым пластиковым столом, накрытым зеленой как тина клеенкой, возле самого входа в кафе, такое старое, что успело позабыть свое имя, во всяком случае, буквы на вывеске стерлись, не разобрать ничего, кроме разве что нескольких: «а», «l», «v» и... нет, это уже просто царапина.

Стол расчерчен солнечным светом строго по диагонали, и за его правый верхний угол рукой не возьмешься – так горячо. Зато левый нижний угол стола темен и прохладен. А на границе между светом и тьмой, то есть, между солнцем и тенью, стоит белоснежная чашка, пока еще наполненная капучино, крепким, густым, с пеной легкой, как облака, почти самым лучшим во всей Венеции, так уж сегодня повезло Стелле: все лучшее – для нее. Каждый хотел бы так!

За соседним столом, который пока полностью спрятан в тени, перекуривают рабочие, выскочившие перевести дух из дома напротив, где идет ремонт. За другим соседним столом, полностью оказавшемся на солнцепеке, сидит седой загорелый старик в черном пальто, слишком теплом не только для этого жаркого июньского дня, но даже для мартовской ночи. Но ему, похоже, совсем не жарко: сидит, положив ногу на ногу, с блаженным лицом, медленно

потягивает кофе, читает газету, словно мерз перед этим три тысячи лет, и теперь ему надо очень много времени чтобы – не согреться даже, а для начала просто оттаять.

Ни старик, ни рабочие не обращают внимания на кудрявую Стеллу в шелковом платье в горошек и новеньких кедах, думают, она соседка, явно живет где-то неподалеку, пила здесь кофе вчера и неделю назад, и завтра наверняка снова придет, не станем донимать ее разговорами, нынче ей не до нас.

Стелла блаженно вытягивает ноги, заранее представляя, как счастливо они устанут к вечеру, косится на свое отражение в оконном стекле – надо же, какая красивая! Никогда такой не была. Осторожно, обжигаясь об раскалившуюся на солнце ручку, берет свою белую чашку, тут же ставит, дует на пальцы, снова берет, теперь уже вместе с блюдцем, делает небольшой глоток, думает восхищенно и немного испугано: «Боже мой, я действительно чувствую вкус».

– Видишь ли, многие люди мечтают побывать в Венеции, – внезапно сказал Тони.

Я даже опешил от такого его выступления. Что с моим бедным другом? Солнце голову напекло? Укачало на вапоретто? Врача? Или достаточно саркастической ухмылки – вместо холодного компресса на лоб?

Ладно, начнем с ухмылки.

– Не то чтобы это совсем уж шокирующая информация для меня.

– Не перебивай, – попросил он. – Мне и так очень трудно. Я сейчас пытаюсь сформулировать нечто невыговариваемое. Смертельный номер, специально для тебя! Местами оно звучит как чудовищная банальность – так что ж теперь, вовсе не говорить?

– Прости. По крайней мере, теперь ясно, кто тут у нас балда. И кому солнцем голову укачало.

– Ничего, – отмахнулся он. – Так вот. С Венецией все, как мы с тобой понимаем, с самого начала настолько непросто, что само по себе признание этого факта – уже общее место. Но штука в том, что в последнее время стало еще сложнее. Слишком уж много появилось завлекательной информации – книг, кинофильмов, рекламных путеводителей, красивых открыток, любительских фотографий в одном только интернете, кажется, три миллиона, а сколько их прячется по семейным альбому и персональным компьютерам в ожидании очередной жертвы, гостя, еще не оценившего уникальные кадры «я на фоне Сан Марко» – страшно предположить. А сколько стеклянного хлама, масок, флаконов, пачек бумаги для писем, клоунских колпаков, пикантных открыток и прочих будоражащих воображение сувениров пылится на полках квартир, в том числе тех, чьи хозяева никогда не бывали в Венеции, но регулярно, разрываясь между завистью и благодарностью, получали подарки от родни и друзей, представляешь? Я – нет. Но все равно содрогаюсь.

– Я тоже. Но все это ты мне сейчас говоришь – к чему?

– А к тому, что Венеция окончательно стала мифом о собственной красоте, средоточием миллионов страстных желаний: «хочу там побывать хотя бы раз в жизни», «желаю срочно вернуться хотя бы еще на неделю, а лучше на месяц, нет, лучше всего на год», «ах, почему я не попал в Венецию, когда был молодым», «хочу целоваться с любимым в Венеции ночью, на всех мостах подряд», «если бы мама была жива, вот бы с ней приехать сюда», «какого черта я глажу эти дурацкие простыни вместо того чтобы гулять по Венеции –

безотлагательно, прямо сейчас», «не хочу быть в прекрасной Венеции просто туристом, вот если бы здесь родиться и жить!» Ну и так далее. Я очень приблизительно описываю диапазон «желанного в достижимости которого нет уверенности», как говорят словари.

– Это понятно. И?..

– И тут начинается самое интересное, – Тони снова перешел на шепот. – Люди, конечно, много куда рвутся, не только в Венецию. Но прочие города вполне равнодушны к нашим мечтам – мечтайте себе на здоровье о чем хотите, но мы тут при чем? Впрочем, города, я уверен, обычно вообще не в курсе, какие страсти пылают вокруг их мутных изображений на любительских фотоснимках, какие приносятся жертвы ради покупки билетов, какие строятся планы, громоздятся одна на другую иллюзии, и сколько проливается слез – вместо, во время и после поездки. Их позиция такова: приедете, познакомимся и может быть даже поговорим, там видно будет. А пока не приехали, нам до вас дела нет. Однако Венеция ведет себя совершенно иначе. Уж не знаю, что это – великодушие, царская щедрость, или напротив, алчность, но только всякий по-настоящему сильно мечтающий о Венеции, хоть однажды да объявится здесь, причем в том виде и в тех обстоятельствах, которые кажутся идеальными ему самому. Я не имею в виду, что мечтатель сюда приедет и разместится в одной из нескольких тысяч гостиниц со всеми удобствами или без них. Но его образ непременно возникнет на здешней улице, в кафе или на мосту. Да хоть на палубе вапоретто, вот прямо сейчас. Смотри! Видишь этих старичков?

– Он в сером костюме?

– Ага. И рядом жена в белом льняном сарафане. Они побывали в Венеции всего один раз, уже на пенсии, но все равно довольно давно, лет двадцать назад. Их лучшее общее воспоминание! Сейчас старик уже умер, а его вдова тихо угасает в доме престарелых в пригороде Копенгагена. Кажется, ничем не болеет, просто очень стара. Сидит в саду, в плетеном кресле с высокой спинкой, вспоминает, мечтает: «Вот бы еще хоть раз приехать в Венецию с Йенсом, прокатиться на вапоретто, в тот раз меня укачало, испортила всю прогулку, но теперь была бы умней, заранее приняла бы таблетку, не подвела», – и видишь, вот они, здесь. Только старушка сама об этом не знает. Это, по-моему, очень несправедливо – упустить такое удовольствие. Самое большее, увидеть свою прогулку во сне, который забудется задолго до пробуждения. Да и то вовсе не факт.

– Но откуда ты знаешь?..

Тони пожал плечами.

– А черт его разберет. Но откуда-то, получается, знаю. Может быть, слишком часто сюда приезжаю в последнее время? И город, гадая, чем еще меня удивить, начинает потихоньку подсовывать отборные тайны, припасенные для своих? Или просто я сам – тоже мечта? Например, твоя. Ты же так долго хотел погулять со мной по Венеции. По крайней мере, часто об этом говорил. Возможно, сегодня я тут исключительно по твоей воле? И, будучи недолговечной мечтой, могу порадовать старого друга, разболтав пару-тройку наших цеховых тайн?.. Не смотри так. Конечно, шучу. Я просто не знаю. Но почему-то в последнее время все чаще так получается, что глядя на некоторых людей, я вижу одновременно два образа – подлинный, прогуливающийся тут и мнимый, оставшийся дома... то есть, тыфу ты, конечно, наоборот! Но увлекаться нельзя, если на такого туриста-мечтателя смотреть слишком пристально, он просто исчезнет, не выдержав моего знания об истинном положении дел. Глупо

получится, да и Венеция может обидеться, что я отобрал у нее очередную игрушку. Вернее, мечту.

– Мечту?

– Думаю, так и есть. Этот город тоже мечтает: о тех, кто в него влюблен. Не смотрит по сторонам привычным хозяйским взглядом, не стремится сбежать, переехать подальше от этой невыносимой сырости, тесноты и слишком уж нечеловеческой красоты, но и не мечется с путеводителем, проклиная высокие цены и пытаюсь поставить как можно больше галочек в бесконечном списке «Must see». А просто смотрит и любит. И знает, что по-настоящему жив только пока находится здесь. На границе между жизнью и смертью, где построили этот город, можно выстоять только купаясь в любви. Чем больше любви, тем лучше, каждая капля идет в дело, как бетон в старый шаткий кровавый фундамент. Да что я тебе объясняю, ты знаешь.

Я, кажется, правда знаю. Но буду молчать как снулая рыба на рынке.

Пусть лучше он говорит.

Допив капучино, Стелла думает: «Надо идти дальше, весь этот город – мой, столько всего вокруг». Но никак не может заставить себя подняться с красного пластикового стула, хотя солнце уже обжигает ее правую щеку и локоть, подбирается к колену, которое еще недавно было уверено, что уж кто-то, а оно надежно укрыто в тени под столом.

Но Стелла сидит, не решаясь даже передвинуть стул на несколько шагов влево, в блаженную тень. Вывернув тонкую смуглую шею, разглядывает собственное отражение в мутном зеленоватом оконном стекле. Вряд ли удастся надолго остаться такой красоткой, но можно хотя бы запомнить, какой однажды была: потемневшие, приподнявшиеся к вискам глаза, гладкость щеки, нежную тень скулы, спутанные завитки волос, спадающие на лоб, яркость ненакрашенных губ, детскую четкость упрямого подбородка – господи, как хороша. Каждый хотел бы так. Сама бы хотела.

Стелла сидит на горячем от солнца стуле, стоит, прислонившись спиной к холодной стене подъезда, на улице сегодня плюс пятнадцать и дождь, а здесь еще холоднее, спасибо, хотя бы сухо, но сигарета докурена, пора уходить, хватит греть плечи на венецианском солнце, ты, глупая мечтательная корова, поворачивайся, ну! Стелла почти плачет от злости – на себя, совсем не такую, как в том зеленом стекле, на Венецию, которая по-прежнему далеко, а билеты так дороги, что хоть втрое больше уроков найди, все равно до конца года не накопишь. Да и какой, к чертям, конец года, если хочется быть там прямо сию секунду, хочется так, что кровь, чего доброго, пойдет сейчас носом, капнет на новую кофточку, которой, впрочем, не жалко, дрянь и дешевка, просто другой пока нет, придется отстирывать, дура, – сердито думает Стелла, чуть не плачет Валя, сорокалетняя учительница математики из города Гомеля, или, предположим, Перми, почему-то ее точное местоположение совершенно не поддается определению – безликий подъезд старого панельного дома, стены выкрашены зеленой как тина эмалью, консервная банка для окурков прикручена проволокой к перилам, через сорок минут начнется так называемая «халтура», платный урок для балбеса, который без репетитора не поступит даже в приличное ПТУ, или как там они сейчас называются – колледжи? Сорок минут до урока, а идти всего лишь в соседний двор, самое время выпить кофе в Венеции, горько улыбается Валентина Евгеньевна, а Стелла – что Стелла. Она решительно поднимается с раскаленного красного стула, ныряет в прохладу

кафе, говорит: «Уно эспresso пер фаворэ», – сладко ужасаясь: «Я! Говорю! По-итальянски!» – запивает сомнения одним длинным горьким глотком, кидает на стойку монету и еще несколько центов кладет в специальную баночку для чаевых, машет рукой: «Чао!» – выскакивает из кафе и не идет, а буквально летит вприпрыжку, такая счастливая, длинноногая, звонкая в этом своем шелковом платье, невозможно не позавидовать, каждый хотел бы так!

– А этот художник – видишь его? – спросил Тони, нетерпеливо махнув рукой в направлении берега, к которому мы стремительно приближались, и трубный глас практически с неба предупредительно проинформировал нас: «Стационе Риальто».

Но Тони смотрел не на знаменитый мост, а в другую сторону, где, и правда, на самом краю набережной, буквально в шаге от зеленой воды примостился художник с маленьким походным мольбертом и, не обращая внимания на снующие толпы, рисовал так увлеченно, что впору пожалеть о собственной близорукости: как ни старайся, не разглядишь, как у него получается.

– На самом деле такой солидный господин, успешный юрист, кажется, из города Бремена, – Тони нахмурился. – Или он там просто находится прямо сейчас по каким-то делам? Ай, неважно. Важно, что рисовать этот бедняга вообще не умеет, даже на любительском уровне. И частных уроков никогда в жизни не брал, и с самоучителями не сидел ни минуты, потому что считает: нет никакого смысла быть художником, если ты не родился в Венеции, если ее густой от сырости воздух не отравил тебе кровь с самого первого вдоха, если ты, закрывая глаза, не продолжаешь видеть в темноте под опущенными веками все эти дома и мосты, которые, ясно, гораздо больше, чем просто шедевры архитектуры, они вообще не о том, что-то вроде окаменевшего голоса Бога, прозвучавшего когда Он, свесившись вниз откуда-то из облаков, внезапно, словно очнувшись, как бы со стороны, почти человеческими глазами увидел малую часть своего творения, сто восемнадцать островов в бирюзовой лагуне, и заорал победительно, как мальчишка: «Все получилось!» Только учти, это не я придумал такую метафору, а наш художник, вернее, юрист из Бремена, который больше всего на свете хочет быть художником, можно безвестным, пускай бедняком, но непременно родившимся в Венеции и никогда отсюда не выезжавшим – нарочно, чтобы не расплескать эту зелень, не растерять этот ветер, не выпить случайно противоядие где-нибудь в далекой таверне, не очнуться, не исцелиться, а значит, не перестать быть. Это в его голове такая прекрасная каша, а не в моей. И город, сам понимаешь, в таком восторге от юристова бреда, что этот художник встречается мне ежедневно, в самых разных местах; не удивлюсь, если его здесь уже несколько сотен – совершенно одинаковых полубезумцев и их гениальных рисунков; надеюсь, денег от случайной продажи хватает на хлеб, рыбу и шипучее вино, опьянеть от которого можно на полчаса или на всю жизнь – это уж как повезет... Ты-то чего молчишь?

– Чтобы не перебивать. Пожалуйста, рассказывай дальше. Ты сводишь меня с ума – именно то, чего мне сегодня прямо с утра не хватало, как пряностей в кофе – можно, собственно, и без них, но зачем.

Стелла стоит на станции Сан Сильвестро, ждет вапоретто, маршрут номер один, направление – Лидо. По расписанию будет минут через семь, есть еще

время. Можно отойти в сторону, сесть на чем-то причале, свесив длинные загорелые ноги, разглядывать свое отражение в воде Большого Канала, такое смешное, улыбочное, зеленокожее, как будто сестра-русалка смотрит на нее из воды. У каждой венецианки есть такая сестра, но они редко ладят, это только у Стеллы легкий характер, даже с подводной сестричкой сразу нашла общий язык.

«Это такое счастье», – думает Стелла, и на этом месте ее ум озадаченно умолкает, потому что сам не знает, что он имел в виду, когда формулировал: «Это такое счастье». Что – «это»? «Такое счастье» – что именно? Что?

«Да ясно же, что, – беспечно смеется дрожащее отражение Стеллы в зеленой воде. – Такое счастье быть этим утром Стеллой, юной, загорелой, кудрявой, в черном шелковом платье в мелкий горох, в новеньких кедах, удачно купленных на распродаже еще в ноябре. Счастье быть Стеллой сегодня утром в Венеции, напившись кофе в кафе возле дома, сидеть на согретых солнцем досках причала – каждый хотел бы так!»

Стелла встает и идет на станцию, к которой уже приближается вапоретто, маршрут номер один, направление – Лидо.

«Главное ничего не бояться», – думает Стелла, и ум ее снова растерянно оглядывается по сторонам: что я имел в виду? Чего вообще может бояться этим прекрасным июньским утром кудрявая девушка в шелковом платье? Ясно, что ничего. Зачем было специально это оговаривать?

«Главное ничего не бояться», – думает Валя, сорокалетняя учительница математики, вышедшая из квартиры задолго до назначенного урока, чтобы спокойно покурить в подъезде соседнего дома, где ее не увидят соседи и, будем надеяться, ученики, а теперь медленно оседающая на пол, потому что ноги внезапно перестали ее держать, они дрожат, утекая, словно состоят из воды, и руки тоже куда-то текут, а сердце уже утекло, и Валентина Евгеньевна течет, качаясь на собственных волнах, вниз по ступеням, как по речным порогам, легко, беззаботно, с улыбкой, туда, откуда пришла, каждый хотел бы так. А Стелла – что Стелла, Стелла сейчас занята, озабоченно шарит в сумке: взяла ли свой проездной, или он остался в кармане джинсов? Ну точно, забыла. «Ладно, – думает Стелла, – ладно, поеду так, тут контролеры редко. Главное – не бояться, все это такая фигня».

– Вон та тетка в диковинной шляпе, – торопливым шепотом рассказывал Тони, – живет в Австралии, приезжала сюда уже раз пять и непременно приедет еще, но каждый год не получается: очень далеко, слишком дорого. В промежутках тоскует, пересматривая фотографии, и вот видишь, в каком-то смысле, она всегда тут. Мужчина в синей рубашке и девушка в маске с лицом кошки расстались еще два года назад, незадолго до ссоры как раз планировали съездить в Венецию, и теперь девочка больше всего на свете жалеет об этой несостоявшейся поездке, думает, если бы успели побывать тут вдвоем, все сложилось бы совершенно иначе. Вряд ли она права, но кого из нас на ее месте можно было бы переубедить?.. А, вот отличный мальчишка! Видишь, в таком старомодном костюме, как будто прадеда перед отъездом раздел? Это потому что ему давным-давно за семьдесят, а он до сих пор досадует, что впервые попал в Венецию уже стариком, мечтает: «Вот бы меня сюда привезли в мои хотя бы пятнадцать! После такого потрясения был бы сейчас совсем другим человеком, не знаю каким, но поменялся бы с ним не глядя». Это я о нем говорил тебе в самом начале, уже несколько раз видел этого мальчишку, бегают

по городу только пятки сверкают – такой настырный и неугомонный дед, целыми днями мечтает о Венеции и себе молодым. А эта красивая дама с букетом цветов вообще не может ходить, из дома ее каждый день вывозят в коляске, катают по парку, но о Венеции, сам понимаешь, остается только мечтать, разглядывая картинки. Она и мечтает, что-то, а свободное время у нее есть в избытке – гораздо больше свободного времени, чем необходимо для счастья, вот в чем беда! А тот господин в очках...

Я слушал его как ребенок, едва дождавшийся еженедельной субботней прогулки с отцом, слушает сказку, сюжет которой интересует его гораздо меньше, чем сам факт, что сказка рассказывается, и прогулка уже началась, и впереди долгий счастливый день, наполненный приключениями и новыми сказками – все равно, о чем. И меньше всего на свете хотел сейчас гадать, с каких это пор мой дружище Тони одержим мистическими видениями о судьбах венецианских туристов, или напоминать себе, что он просто бессовестно врет, вернее, импровизирует, метет вдохновенную чушь, с ним такое регулярно случается, и пока Тони мелет свою прекрасную ерунду на какой-то дальней небесной мельнице, она кажется ему чистой правдой; строго говоря, она и есть правда – до тех пор, пока рассказчик не рассмеется: «Ну хватит, я уже сам от себя устал, пошли польем лапшу на твоих ушах каким-нибудь местным вином, ибо аз у нас нынче алчущая бездна есмь, и ты за компанию – тоже».

Я слушал Тони, на всякий случай придерживая его за рукав, чтобы не вздумал исчезнуть вот прямо сейчас, потому что хрен его знает, действительно, мало ли что. Я же и правда давно хотел погулять по Венеции именно с Тони, а он много лет – со мной, но вечно как-то так получалось, что в этих поездках мы не могли совпасть, и чем дальше, тем больше хотели, чтобы все наконец получилось. И поди сейчас разбери, кто из нас наваждение, если природа их – или все-таки наша? – в Венеции такова, что любого можно коснуться и ощутить живое тепло. Ну, то есть, по словам Тони так можно, а он все же лжец каких поискать, самый правдивый в мире источник вдохновенного вранья. И слава богу, что так.

– Станционе Сан Сильвестро.

– Ты чего орешь? А, прости, я уже понял, что это сказал не ты.

– Про Святого Сильвестра апокалиптическим баритоном? Определенно не я. Я говорил другое: вот эта старушка на самом деле практически юная дева; ладно, женщина тридцати с небольшим лет. Просто мечтает в старости перебраться в Венецию, пожить тут подольше, а потом – но не раньше, чем все надоест! – умереть.

– «Не раньше, чем все надоест» – это практически заявка на бессмертие.

– Совершенно с тобой согласен. Надеюсь, у нее все получится, такие мечты должны сбываться; впрочем, будь я здесь начальником, сбывались бы вообще все, включая самые фантастические. Вернее, начиная именно с них... Ух ты, смотри какая красotka!

– Какая? Их вошло как минимум три.

– Кудрявая, в платье в горошек. Видишь? Так вот, она... Впрочем, нет, прости. Я дурак, перепутал. Красotka самая настоящая, причем я даже помню, где ее видел. Работает в кафе на Лидо, на улице с чудесным названием Via Negroponte, то есть...

– То есть, получается, Черноморской?

– Ага. Предлагаю преследовать ее по пятам – в том случае, если наша красotka едет сейчас на работу. Если нет, пусть гуляет спокойно, потому что я

твердо намерен навестить то кафе. Там варят отличный кофе, делают гигантские бутерброды и щедрой рукой разливают бесплатный вайфай, а мне как раз надо отправить парочку писем – ты же не против?

Стелла поднимается на палубу вапоретто, звонко цокая невидимыми каблучками. Невидимыми – потому что какой же дурак, вернее, какая же дура отправится на работу в босоножках на каблуках. Стелла нынче обута в удобные кеды, они отлично сочетаются с новым шелковым платьем в мелкий горох, но походка у Стеллы все равно остается такой, словно она цокает невидимыми каблучками. Это, кажется, просто от счастья, хотя, если подумать, какой же надо быть идиоткой, чтобы так радоваться по дороге на работу, да еще в вапоретто, под завязку забитом туристами, наверняка добрая половина останется тут до конечной, выйдут на Лидо и сразу на пляж, то-то такие довольные, особенно эти двое, длинный и рыжий в явно наспех, чуть ли не маникюрными ножницами обрезанных до колена джинсах, вон как дружно хохочут, едва на ногах стоят от смеха, придерживают друг друга за рукава, каждый хотел бы так!

Если долго сидеть на берегу реки

Остановился скорее от удивления. Вообще-то не собирался. Никогда не подвозил голосующих, хотя в юности сам немало покатался автостопом и, теоретически, был на их стороне. А на практике просто ленился – не останавливаться, конечно, а разговаривать. По собственному опыту знал, что болтовня попутчиков считается своего рода платой добросердечному водителю, следовательно, совершенно неизбежна. Ну их.

А тут остановился. Потому что человек, голосующий на обочине, по всем признакам голосовать на обочине никак не мог. Меньше всего на свете он походил на путешественника-автостопщика. И на крестьянина, которому срочно надо добраться до соседнего городка, тоже, прямо скажем, не очень. Долгополое пальто, щегольские ботинки, элегантный дорожный саквояж и венчающая это великолепие шляпа делали его похожим на манекен из дорогого магазина, выставленный на дорогу какими-то шутниками. Сходства с манекеном добавляли почти неестественно правильные черты очень бледного лица.

Только затормозив в нескольких шагах от голосующего, сообразил, в чем тут может быть дело. Спросил, опустив стекло:

– Что-то с вашей машиной?

– Сцепление, – подтвердил незнакомец и улыбнулся столь ослепительно, словно добивался этой поломки всю свою сознательную жизнь, и вот наконец получилось, можно начинать хвалиться достижениями всякому встречному.

К улыбке прилагались веселые глаза цвета мокрого песка и ямочка на левой щеке, окончательно и бесповоротно устранившая всякое сходство с наскоро оживленным манекеном. Что, безусловно, только к лучшему. Если уж, проезжая мимо диковинной фантасмагории, имел глупость нажать на тормоз вместо газа, приятно обнаружить перед собой вполне обычного человека, отличающегося от прочих людей разве что чудесной способностью сохранять хорошее настроение перед лицом житейских невзгод.

– Будущее машины уже устроено, – сказал незнакомец. – Бедняжка обрела приют в ближайшем деревенском автосервисе; кажется, ей очень понравился один из тамошних мастеров. Тот, что помоложе. Чувства ее, подозреваю, взаимны; по крайней мере, прекрасный юноша заявил, что готов расстаться с новой подружкой не раньше, чем через три дня. Но скорее все-таки через четыре. А через неделю – идеальный вариант, с гарантией. Что целиком и полностью устраивает всех, кроме меня. Потому что эту неделю я как раз планировал провести в Ниде. Властелин моего будущего жилья велел явиться за ключами не позже шести. Что хочешь, то и делай. Видимо, это и называется «настоящее приключение». Еще сегодня утром я о чем-то таком смутно мечтал, а теперь, признаться, в некоторой растерянности, как всякий счастливчик, чьи потаенные желания внезапно сбылись... А вы случайно не едете в сторону Клайпеды? Это могло бы спасти как минимум одну заблудшую душу. Мою.

Подумал: «Надо же, всего один взрослый человек, а тараторит, как дюжина старшекласниц. Худшего попутчика захочешь, не выдумаешь».

Но вслух почему-то сказал:

– Будете смеяться, но мне тоже надо забрать ключи от квартиры до шести. И не где-нибудь, а именно в Ниде. Поехали.

«Господи, это я произнес? Сам? Добровольно и без принуждения? Покарай меня за это, пожалуйста. Ах, ну да, Ты – уже. Авансом».

Поспешно добавил, хватаясь за свой любимый порок, как утопающий за соломинку:

– Только учтите, я курю. В том числе, за рулем. «Camel» без фильтра. И это неотменяемо.

Чем черт не шутит, вдруг этот болтун убоится пассивного курения и с воем убежит в лес. Где ему в таких шикарных штiblетах самое место.

Но незнакомец только заулыбался еще шире.

– Я тоже курю и тоже без фильтра. Самокрутки. «Drum».

Один-один.

В машине он снял шляпу и оказался огненно-рыжим, словно костер на голове развели. Вызывающий цвет волос так же плохо сочетался с элегантным обликом незнакомца, как и голосование на дороге. Как будто все рыжие обязаны расхаживать по улицам в драных штанах и свитерах с альтернативно растянутым воротом. А еще лучше – в клоунских трико и только по арене цирка. Там им самое место, потому что лично я в цирк – ни ногой. И все довольны.

Никогда не любил рыжих, особенно мужчин. К женщинам был снисходительней. Всегда есть надежда, что они просто крашенные. Глупо, конечно, кто бы спорил. Но тут ничего не попишешь, объекты непроизвольной неприязни не выбирают. Некоторые вон вообще кошек не любят. Или пауков. Хотя, скажите на милость, что может быть прекрасней паука? Разве что кошка.

Невольно улыбнулся, представив, как озвучивает вслух свой внутренний монолог. Иногда ужасно хочется взять да и выложить все начистоту, без цензуры – просто чтобы посмотреть на лицо собеседника.

Рыжий ухмыльнулся так ехидно, словно и правда подслушал его мысли. Вслух, впрочем, ничего не сказал, а вынул из внутреннего кармана пальто кисет и принялся скручивать сигарету, да так ловко – хоть на видео записывай этот мастер-класс. Объяснил:

– Давно хотел покурить, а на улице такой ветер. Все разлетелось бы сразу к чертям, в разные стороны.

И умолк. Как оказалось, вполне надолго. Примерно на пятнадцать километров, если верить отчету поставленных вдоль трассы столбов.

Наконец заговорил:

– Думал, я один такой псих – ехать на Нерингу³ в октябре, да еще на целую неделю. Удивительно, что нас оказалось двое.

– Если на неделю, то вы действительно один. Я гораздо хуже. Я туда, как минимум, на месяц. А может, вообще до декабря. Как пойдет.

Даже рассердился на себя за такую откровенность. Мог бы просто кивнуть. Ну или промычать многозначительно: «Дааа». Для вежливого ответа вполне достаточно, а больше не надо. Перебор.

Но вместо того чтобы угрюмо умолкнуть, вдруг попросил:

– А сверните-ка и мне самокрутку. Сто лет этот табак не пробовал. А когда-то очень его любил.

³ Нерингой называется литовская часть Куршской косы, территория протяженностью около 50 километров, на которой расположены посёлки Юодкранте, Пярвалка, Прейла и городок Нида (административный центр Неринги).

– А потом «Drum» как-то внезапно исчез из продажи, – кивнул незнакомец.
– Я свой нынешний запас из Франкфуртского аэропорта привез, буквально неделю назад случайно увидел там в киоске и цапнул. И понял наконец, в чем тайный смысл всех этих неизбежных пересадок во Франкфурте, без которых дальше соседнего хутора хрен улетишь.

Протянул виртуозно свернутую сигарету и снова притих – почти до самой Клайпеды.

А на въезде в город сказал:

– Сейчас только половина третьего, а я знаю, где тут варят отличный кофе. И парковка рядом, и от парома это все буквально в двух шагах. Соглашайтесь!

Хмыкнул:

– Совсем дураком надо быть, чтобы с вами спорить.

– Отлично! – азартно воскликнул рыжий. – Так и знал, что вы тоже планировали выпить кофе перед паромом, а из-за меня передумали, потому что с попутчиком, который, к тому же, сразу объявил, что торопится, это уже совсем не то. Не желанная пауза, а суетливая заминка, так что ну его совсем. Да?

Почти смутился – надо же, как точно он сформулировал. Молча пожал плечами, и только припарковавшись, признался:

– Штука еще и в том, что я не знаю здесь ни одной путной кофейни. Собирался пробежаться по центру наугад – что-нибудь да найдется. Так что спасибо, выручили.

– Только чур кофе с меня, – строго сказал рыжий. – Если уж так вышло, что я – пассажир и бесполезный балласт. – И мечтательно добавил: – Еще с собой возьмем, там можно купить на вынос, в картонном стакане с крышкой. Самый вкусный кофе – тот, который пьешь в пути.

Надо же, рыжий, а так правильно все понимает. Чудеса.

Уже когда ехали, вернее, стояли на медленно пересекающем залив пароме, рыжий спохватился.

– Меня зовут Станислав, – сказал он. – Простите, что сразу не представился. Вечно упускаю из виду такую вот обязательную ерунду. Со стороны наверное выглядит невежливо.

– Ничего, я тоже постоянно забываю – то представиться, то вовремя улыбнуться, то вообще попрощаться перед уходом. И, боюсь, успел прослыть лютым хамом. А меж тем, мы с вами тезки. Чего только не бывает.

– Чего только не бывает, – эхом повторил рыжий. И приветственно поднял картонный стакан с кофе: – Ваше здоровье, тезка.

Ухмыльнулся, поднимая в ответ свою картонку:

– Лэхаим!

И тут же подумал: «Сейчас небось скажет, самое время перейти на «ты». И все испортит».

Но рыжий молчал, глядел в небеса, улыбался горланящим чайкам. Надо же, какой правильный тезка достался. Думал, таких больше не делают.

Тезка заговорил уже на суше, когда отъезжали от парома.

– Есть на земле такие целительные места, где кажется, будто все поправимо. Вообще все! А иногда не просто кажется, а действительно выправляется, стоит побыть там подольше. Но эта коса – единственное известное мне место, где сразу становится неважно, поправимо что-то там, или нет. Потому что оно – не

в счет. Ничто не в счет в тот момент, когда попадаешь сюда и обнаруживаешь, что ты наконец-то есть. И, конечно, сразу встает вопрос, кто был на твоём месте прежде. Да и был ли хоть кто-то? Ох, не факт. Который раз приезжаю сюда, и всегда удивляюсь заново: надо же, я все-таки есть! И понимаю, как устал от небытия, которое только что, буквально полчаса назад казалось моей жизнью. Удавшейся во всех отношениях, смех в зале.

Растерянно кивнул – все так. Сам чувствовал примерно то же самое, только сформулировать до сих пор не мог. Что, впрочем, не удивительно. Просто не с кем было об этом говорить до сегодняшнего дня. И вряд ли еще когда-нибудь будет, так что можно не трудиться запоминать, проехали.

На окраине Ниды рыжий попросил:

– Высадите меня тут, пожалуйста. Еще и пяти нет. Времени – вагон. И если уж выпала мне раз в жизни удивительная возможность войти в этот городок пешком, грех ее упускать.

Хотел спросить: «А саквояж? Он же тяжелый». Но промолчал. Взрослый человек, сам небось знает, что для него хорошо, а что нет. И вес своего багажа наверняка учел в расчетах. А если не учел, тем хуже – для него, не для меня. Какое мне дело.

Оставив лучезарно улыбающегося попутчика за поворотом, подумал: «Для рыжего он оказался недостаточно противным. И даже недопустимо приятным – для рыжего-то! И тут, выходит, обманул. Подвел. Ненадежный народ эти рыжие, совершенно нельзя на них положиться. Что и требовалось доказать». И рассмеялся вслух, наедине с собой, чего с ним не случалось уже много лет. А может, вообще никогда. Хрен теперь припомнишь.

Квартира в доме на улице Тайкос оказалась ровно такой, какую заказывал, на что, признаться, расчет был невелик. У этой конторы куча квартир под сдачу, причем в разных домах, а фотографий на сайте раз, два и обчелся, поэтому заселение всегда лотерея – что мне достанется на этот раз? Однако обошлось без сюрпризов, все как на картинке: просторная кухня-гостиная, крошечная спальня и длинный узкий балкон, на который можно выйти из обоих помещений. И последний, четвертый этаж – для низкорослой Ниды это довольно высоко. Хотя дай волю, забрался бы, конечно, еще выше. Вот например, на маяк. Но на маяке комнат не сдают.

Ладно, и так неплохо.

Прикинул: когда сейчас темнеет? Около семи? Вполне можно жить, если не рассиживаться и выйти из дома вот прямо сейчас, отложив на потом обед, кофе и даже перекур. Время дорого, особенно когда оно – мост между светом и тьмой, по которому или идешь добровольно, или волоком тащат, но остановиться не получится ни на миг. Так уж все устроено.

Знакомой дорогой пошел в дюны и бродил там до самых сумерек без цели и смысла, зато в тишине, почти не глядя по сторонам, стелился по ветру, пригибался к самой земле, а в сумерках упал на холодный песок, лицом к стремительно синеющему небу – пропадать, так пропадом. Лучше прямо здесь и сейчас. За тем и приехал.

Но, конечно, так и не пропал. Это только звучит просто и прельстительно, а на практике мало кому удастся. Вместо того чтобы пропасть, начинаешь мерзнуть и чувствовать себя полным идиотом. В конце концов, становится просто скучно. Поэтому приходится подниматься, отряхиваться и брести домой

в полной темноте, повинаясь скорее внутреннему компасу, чем меткам, указывающим путь.

Добрался, конечно. Еще и в супермаркет зашел по дороге. Если уж не пропал, глупо игнорировать тот факт, что жизнь твоя продолжается, и испортить остаток вечера аскетическим подвигом.

Дома сразу включил чайник, пока грелась вода, сложил покупки в холодильник. Заварил кофе прямо в кружке – «по-польски», «по-офицерски», как ни назови, а все равно дрянь. Но придется привыкать, джезва осталась дома. Причем не по рассеянности ее забыл, а сознательно не взял. И еще кучу полезных вещей, при том что места в багажнике полно, хоть пол-квартиры перевозки. Но какой смысл путешествовать, если всюду таскать за собой удобные домашние привычки. Нет уж, пусть на новом месте будет новая жизнь. Решил так.

Теоретически это звучало прекрасно, но на практике вся эта «новая жизнь» сконцентрировалась в горьком глотке мутного, скверно заваренного кофе.

Подумал: «Ай, ладно. Ко всему можно привыкнуть». Попробовал вынести на балкон кресло, но оно не пролезло в дверной проем. Пришлось ограничиться табуретом. Уселся на него, отхлебнул стремительно остывающей кофейной бурды, закурил. Подумал: «Ну вот, я здесь». Подумал: «Началась новая жизнь». И чуть не заплакал от разочарования, потому что новая жизнь оказалась подозрительно похожа на старую: вечер, кофе, сигарета, балкон, одиночество и молчание – тоже удобная привычка, только его, в отличие от джезвы, дома не оставишь, хочешь, не хочешь, а оно всегда с собой. Плюс восхитительный, сладкий, густой от сырости воздух. Минус некоторые удобства, минус городской шум за окном, минус надежда на то, что скоро все станет как-нибудь иначе, стоит только собрать дорожный рюкзак, сесть за руль и поехать, все равно куда – да вот хотя бы в Ниду. Осенью там, наверное, удивительно хорошо.

Тут и правда удивительно хорошо. Но это ничего не меняет. С самого начала мог бы догадаться.

На соседнем балконе, отделенном от его территории лишь невысокой, до пояса перегородкой, хлопнула дверь, вспыхнул огонек чужой сигареты. Ничего не попишешь, всюду жизнь.

– Привет, – сказал невидимый пока сосед. Очень знакомым голосом.

Ничего себе совпадение.

– С самого начала подозревал, что у наших ключей один и тот же хозяин, – усмехнулся давешний попутчик. – Вернее, менеджер, спешащий сбежать с работы пораньше, до шести. Эта контора, как я понимаю, тут пол-дома выкупила под сдачу. Если еще не весь. И соотношение цена-качество у них, пожалуй, лучшее в городе. Так что совпадение невероятным не назовешь – мы оба разумные люди и сделали оптимальный выбор. Хотя угадать этаж – это все-таки надо было уметь. Это мы с вами молодцы.

Вздыхнул:

– Да уж.

– Я вам сочувствую. Небось ехали в Ниду за молчанием? Сюда все за ним едут, особенно в несезон. А заполучили общительного соседа. В этом качестве я довольно ужасен, увы. Но постараюсь держать себя в руках. Сейчас докурю и

пойду в дом. И поищу, из чего можно сделать кляп. Если найду, заткнусь до утра.

Улыбнулся:

– Это не обязательно. На самом деле, я даже рад, что так получилось. Как раз обнаружил, что приволок сюда свое домашнее молчание, полный багажник, а значит местного мне все равно не достанется, в полный кувшин ничего не нальешь. Лучше бы джезву взял, болван. В кружке получается невероятная дрянь.

– Это как раз не проблема, – отмахнулся новый сосед.

Не стал спорить. Давно уже привык, что большинству так называемых любителей кофе на самом деле все равно, как его готовить. Во всяком случае, сочувствия у них в подобной ситуации не найдешь. Кофе у тебя есть? Есть! Ну и все в порядке. В кружке заваривать – а что тут такого? Нормально получается. Почти «френч-пресс».

Но тезка, бывший попутчик, неожиданно добавил:

– Я отдам вам свою. Мне ее неожиданно подарили прямо утром, перед отъездом, не успел отвезти домой. Отдавая машину в ремонт, вспомнил и вынул из бардачка – все-таки подарок, жаль будет, если окончит свои дни в захолустном автосервисе. Хотя я всегда готовлю кофе в такой специальной хитрой машинке для эспresso, которую тоже ставят на плиту – как она называется?

– Гейзерная кофеварка?

– Точно. И уж она-то у меня всегда с собой. А джезва, следовательно, ваша навек. В смысле, до конца вашего отпуска. Потом отдадите, оставлю вам телефон.

Присвистнул:

– Ну ничего себе. У вас случайно завалялась лишняя джезва? И вы готовы мне ее одолжить? Это уже какое-то нечеловеческое везение!

– То же самое подумал и я, когда оказалось, что вы едете прямехонько в Ниду и готовы взять меня с собой.

Вышел ненадолго, вернулся с джезвой, отдал. Сказал:

– Хорошего вечера.

И был таков.

Тоже мне «общительный сосед». Пригрозил и не осуществил. Одно слово рыжий, что с такого взять. Кроме джезвы, конечно. Спасибо ему, что тут скажешь.

Джезва стала настоящей катастрофой. В том смысле, что пока ее не было, скверное настроение, совершенно неуместное в самом начале желанного путешествия, вполне можно было списать на дрянной кофе «по-офицерски». А теперь пришлось признать, что дело совсем не в напитках. Просто ужасно жаль, что так и не пропал там, в дюнах, ни нынче в сумерках, ни прежде – никогда. Сколько раз приходил туда в надежде развеяться по ветру, столько раз терпел неудачу, и с каждым годом эта мрачная шутка все меньше похожа на просто мрачную шутку, вот в чем беда.

Ай, ладно. Можно подумать, раньше всего этого о себе не понимал. Зато кофе получился отлично, грех не выпить такой немедленно, на ночь глядя, чем хуже, тем лучше, сидя все на том же балконе, вприкуску с нежным влажным сосновым ветром и собственными непролитыми слезами – не то чтобы даже о себе, а так, обо всем сразу. Когда, если не сейчас.

– Мне почему-то кажется, что вам надо бы выпить чего-нибудь покрепче, – сказал сосед, вышедший на балкон так бесшумно, словно все это время стоял там невидимый, а теперь вдруг решил проявиться.

Покачал головой:

– Честно говоря, не люблю алкоголь.

– Это заметно. Если бы любили, уже лежали бы на диване, блаженным лицом вниз. Или вверх – это уж кто как привык. Потому и предлагаю, что не любите. Именно тем, кто не любит выпивку, она иногда бывает совершенно необходима. Просто как лекарство. А самим даже в голову не приходит такой вариант. Поэтому идемте!

– Куда?

– Есть тут один бар, безымянный, но очень хороший. Будете смеяться, американский – настоящий, без дураков, хозяин переехал сюда из Нью-Йорка. Его заведение только местные знают, да и то далеко не все. И еще некоторые чужаки вроде меня, достаточно удачливые, чтобы сперва почти всерьез заблудиться в лесу, бестолково бродить там до темноты, а потом случайно заметить вдали огонек, пойти к нему и угодить напрямик на Ронов порог. Уж не знаю, как он сводит концы с концами, но себя не рекламирует, скорее, наоборот. Что, безусловно, только к лучшему. Увидите – поймете, почему. И, готов спорить, не пожалеете. Останетесь недовольны – завтра с меня обед. А если вам к тому времени окончательно надоест мое общество, выдам сухим пайком.

Перспектива выиграть на спор «сухой паек» показалась такой упоительно абсурдной, что тут же пошел одеваться. Вернее, обуваться – какая-то одежда на нем уже была, а смокинг в безымянном баре вряд ли потребуют. Впрочем, он в любом случае остался дома, безвинный узник платяного шкафа, лишенный малейшей надежды когда-нибудь выйти на волю, этакий Эдмон Дантес. Если все-таки выберется, всему гардеробу устроит веселую жизнь.

Идти надо было сперва по улице Тайкос, в сторону моря. Немного не доходя до широкой лесной полосы, отделяющей пляжи от автострады, свернули налево – тоже, собственно, в лес, просто шли через него по асфальтированной дороге, которая, теоретически, считалась улицей, даже табличка с названием на каком-то заборе мелькнула, в темноте не разобрал. Если бы отправились дальше, в итоге, забрели бы в дюны, но на полпути снова свернули – на сей раз к большому двухэтажному дому чуть в стороне от дороги. Над приоткрытой дверью висел зеленый фонарь, окна призывно сияли теплым, почти оранжевым светом.

– Пришли, – сказал рыжий. – В жизни не поверил бы, что в Ниде есть подобный бар. И, думаю, никто бы не поверил. А он все равно есть. Логике, здравому смыслу и нашим ожиданиям вопреки. Больше всего на свете люблю такие штуки.

Когда вошел, сразу понял, что имел в виду тезка. Удивительное оказалось пространство. Совершенно невозможное в прекрасном, но, будем честны, захолустном курортном городке, где жизнь, конечно, крутится вокруг отдыхающих, и местные бизнесмены всем сердцем готовы потакать их тайным страстям, но основополагающим и сладчайшим грехом, которому всякий человек склонен неумолимо предаваться, вырвавшись из домашнего плена, они полагают сытный ужин с обильными возлияниями в чистеньком аутентичном условно рыбацком трактире. Пиво, пиво и снова пиво. Ну еще, может быть,

коньяк. В чистенькой же, аутентичной сауне. Или все тот же коньяк, но на яхте – для тех, у кого печаль на сердце, ветер в голове, а деньги совсем уж некуда девать. И выбрасывают на рынок соответствующие предложения, и, в общем, угадывают, и преуспевают, насколько возможно – в смысле, как-то держатся на плаву.

А этот бар выглядел как место, где давным-давно забыли слово «грех». А слово «маркетинг» благоразумно изbleвали из уст своих еще во младенчестве – раз и навсегда.

Здесь просто знают, что мире есть разные люди; время от времени некоторые из них испытывают желания, в том числе, довольно неожиданные, но какое нам до этого дело? Заработать, говорите вы? На чужих желаниях можно заработать?! Ну что ж, вам видней, а мы не станем ради этого хлопотать. Мы устроились тут, как нам самим нравится, и если сегодня вечером вам тут нравится тоже – добро пожаловать. А нет, так нет, не беда, в другой раз.

Иными словами, в этом баре царила потрясающая свобода. В первую очередь, от представления о том, как именно должен выглядеть бар – вообще и, в частности, бар в маленьком лесном приморском городке, примерно две недели спустя после окончания курортного сезона.

Отчасти этот бар был похож на уютную кухню, рассчитанную на большую семью, члены которой регулярно ссорятся и потом наотрез отказываются есть друг с другом за одним столом. Поэтому больших круглых столов тут поставили несколько, один накрыли новенькой льняной скатертью, еще пару – пестрой клеенкой, остальные оставили как есть, старым, отполированным сотнями локтей деревом наружу. Из того же дерева сколотили барную стойку, явно наспех, не заморачиваясь с чертежами, зато потом регулярно подпирали ее для устойчивости толстыми бревнами и тонкими суковатыми ветками, которые волокли из ближайшего леса. В результате барная стойка стала похожа на бобровую хатку, поверх которой зачем-то положили роскошную мраморную столешницу, установили на нее антикварный кассовый аппарат и – видимо для устрашения незваных гостей – поставили самую дурацкую в мире кофеварку, капельную, с бумажными фильтрами, способную безнадежно испортить самый хороший кофе, зато обладающую удивительной способностью заполнить восхитительным ароматом помещение любого размера. Этим она сейчас и занималась, фыркая, булькая и пыхтя – создавала атмосферу. В нелегком труде кофеварке помогали пучки сосновых веток в банках на подоконниках и апельсины, небрежно разбросанные по столам – не то элемент декора, не то комплимент от заведения всем, кто закажет выпивку. А также меланхолично поющий из старых студийных колонок Джим Моррисон, пригревшийся на подоконнике серый пушистый кот и ярко-зеленое пианино, установленное не в центре зала, но и не в дальнем углу, а в полном соответствии с законами композиции, немного в стороне от входа. В самом что ни на есть «сладком пятне».

Пианино почему-то потрясло больше всего. Не то потому что никогда не видел таких изумрудно-зеленых, не то просто соскучился по инструменту. Впрочем, одно другому не мешает.

Вдоль оклеенных старыми географическими картами стен были разбросаны оранжевые кресла-мешки. В отличие от столов и стульев, эта мебель пользовалась популярностью. В одном сидел хмурый белобрысый тип и строчил что-то в блокноте, предав забвению поставленный на пол стакан. В двух других расположилась немолодая пара с бокалами для «Маргариты», а у

противоположной стены возлежала похожая на галчонка девица с планшетом на коленях и кальяном в изголовье. Остается добавить, что пол был выкрашен в темно-синий цвет и разрисован звездами, и все это великолепие многократно отражалось в потолке, отделанном мозаикой из зеркальных осколков.

Пока оглядывался, тезка успел устроиться на одном из самодельных табуретов, окружавших бобровую хатку. В смысле, барную стойку. И теперь о чем-то увлеченно беседовал с обитавшим по ту сторону баррикады седым буйнобородым великаном в красной пиратской бандане с черепами и ярко-зеленой, в тон пианино футболке с изображением Дарта Вейдера, сажающего ромашки.

Обернулся, позвал:

– Пан Станислав, идите к нам, буду вас с Роном знакомить. Это обязательный ритуал. Если вы с ним друг другу не понравитесь, не беда, горе можно залить тут же, на месте. Очень удобно.

Бородач добродушно улыбнулся, больше глазами, чем ртом. И стало окончательно ясно, что его портрет следует разместить во всех толковых словарях напротив слова «харизма» – просто для наглядности.

– Это мой тезка, Рон, – сказал рыжий по-английски. – Пан Станислав, такой же чокнутый любитель пустых пляжей и холодного осеннего ветра, как я. Если бы не он, ночевал бы я сегодня в чистом поле, где он меня любезно подобрал. Или в деревенском автосервисе. Гостиницы в том селе точно нет, я на всякий случай справлялся.

Почему-то смутился. Пробормотал:

– E85 – довольно оживленная трасса. Не я, так кто-нибудь другой обязательно вас бы подвез.

– Может быть. Но я торчал на той обочине чуть ли не целый час. Трасса, конечно, оживленная, но останавливаться почему-то никто не хотел.

– Это потому что в своей дурацкой шляпе ты похож на Одина, – объяснил бородатый Рон. – А с языческими богами связываться нет дураков.

У него было такое узнаваемое, сочное, ярко выраженное нью-йоркское произношение, словно не просто говорил, а репетировал соответствующую роль для любительского спектакля. Впрочем, настоящее кажется фальшивкой куда чаще, чем ложь, об этом нельзя забывать.

– Вам же нормально болтать по-английски? – спросил рыжий. – Если утомительно, я могу переводить.

Пожал плечами.

– По моему предыдущему опыту, я упаду под стол прежде, чем начну путаться во временах.

– Ну и отлично. Рону так проще. На литовском, русском, польском и немецком он только заказы принимать наловчился, да и то при условии, что клиент не будет тараторить.

– А как вас вообще сюда занесло?

Тут же рассердился на себя: надо же, еще даже не начал напиваться, а уже лезу к посторонним людям с расспросами. Бестактными, скорее всего.

Впрочем, бородач только улыбнулся еще шире и выразительно похлопал огромной ладонью по голове Дарта Вейдера. В смысле, по своей груди. Вероятно, хотел сказать, что осел в Ниде по зову сердца, но в последний момент убоился банальности формулировки. Поэтому говорить пришлось рыжему.

– Рон приехал сюда из Нью-Йорка специально, чтобы посмотреть на дом Томаса Манна. Не удивляйтесь, бывает и так, он его большой поклонник,

точнее, крупный знаток, диссертацию и добрую дюжину монографий когда-то написал и собирался продолжать в том же духе. Но приехал сюда, побродил пару недель в дюнах и понял, что не хочет уезжать. Потому что уже нашел свое место в этом мире. Купил дом и остался. А вскоре переоборудовал первый этаж в бар – как я понимаю, просто потому, что так и не отыскал в Ниде места, где ему самому было бы приятно пропустить стаканчик-другой перед сном. – Повернулся к бородачу: – Лет шесть ты уже тут живешь, да?

– Второго октября исполнилось семь.

– Ну конечно. Шесть – это было в прошлом году. Но всякий раз когда я к тебе захожу, мне начинает казаться, что в последний раз мы виделись вчера. А перед этим – позавчера. И так много лет, почти без единого перерыва.

– Так оно и есть, приятель, – добродушно ухмыльнулся Рон. – Здесь о тебе всегда помнят. А значит, ты никуда отсюда не уезжал. Все очень просто устроено. Ну что, «Океанский бриз»⁴?

И достал откуда-то – на самом деле, конечно, из-под стола, но показалось, просто из воздуха высокие, идеально прямые стаканы, вроде бы, они называются «коллинзы», или как-то так; впрочем, неважно. Важно, что стаканы эти были такие же, как английский язык Рона – немного чересчур нью-йоркские, пижонские, как бы театральные, а на самом деле, конечно, просто настоящие. Обычные. Такие, какими должны быть.

– «Ocean breeze», – кивнул рыжий. – Целых два океанских бриза. Конечно. Что же еще.

Знал этот бледно-розовый, невинный с виду коктейль, знал, какой неожиданный сюрприз скрывается за его мягким, почти безалкогольным вкусом. То есть, по идее, был заранее подготовлен к встрече с восхитительной теплой волной, которая зарождается в голове всякой жертвы «Океанского бриза», но поднимается при этом откуда-то снизу, не то из живота, не то вообще из-под земли и по-матерински ласково сметает барьеры здравого смысла – даже не то чтобы один за другим, а как-то все разом. Ко всеобщему удовольствию, ко всем чертям.

Знал, а все равно попался.

После первого же глотка расслабился, как удавалось всего несколько раз в жизни, только в очень теплом море, если заплывать подальше, лечь на спину и позволить воде творить все, что захочет – нежно укачивать, заливать лицо, нести обратно к берегу, или прочь от него, первые несколько минут все равно, а потом, конечно, придется собраться и возвращаться на сушу, но мало ли что потом.

После второго глотка начал улыбаться – просто так, без причины и смысла, потому что губам легче быть сложенными в улыбку, чем наоборот, а лишние усилия сейчас совершенно ни к чему.

После третьего глотка вспомнил, что приехал в Ниду надолго, и наконец-то по-настоящему обрадовался своему решению, заранее предвкушая все грядущие холодные осенние вечера.

А после четвертого глотка коктейль как-то неожиданно закончился. И, конечно, пришлось заказывать второй. Глупо было бы останавливаться на достигнутом.

⁴«Океанский бриз» (Ocean breeze) – коктейль на основе водки с клюквенным и апельсиновым соком.

Протрезвел после третьего коктейля, всего на секунду – когда обнаружил себя поднимающим изумрудно-зеленую крышку пианино, внутренний голос истошно вопил: «Дурак, зачем?» – но в этот момент всемогущий Океанский бриз спохватился: где моя жертва? Нашел, догнал, ухватил за шиворот и уволок обратно, в клюквенно-розовую волшебную страну, где возможно все, в том числе играть – не Шопена, конечно, но, например, какой-нибудь «Summertime» для разогрева – вполне. А потом окончательно дать себе волю и просто импровизировать, впервые в жизни позволив левой руке откровенно рассказать о своей немощи, боли и отчаянии, а правой – не обращать никакого внимания на нытье партнерши, легкомысленно скакать по клавишам, повествуя о веселой поездке к морю, неожиданно щедром октябрьском солнце, холодной молочно-синей воде залива, серебристом песке дюн, о долгой прогулке, приведшей его сюда, в этот смешной бар с ночным звездным небесным полом и зеркальным потолком, апельсиновый рай для несбывшихся музыкантов, где они могут внезапно вообразить себя состоявшимися и играть, да так, что все присутствующие покинут насиженные места, подойдут поближе и замрут, приподнявшись на цыпочки, окружив неплотным кольцом дурацкое зеленое пианино, расстроенное, к тому же, задолго до того, как этот великовозрастный балбес Рон зачем-то решил его покрасить, но это как раз совершенно неважно, пока я играю, потому что играть я в любом случае не могу, мне, конечно же, просто мерещится спьяну, пока я сижу в удобном оранжевом кресле-мешке, прислонившись не то к одной из португальских колоний, не то к давным-давно сгинувшему с лица земли Галицко-Волынскому княжеству, спиной-то поди разбери.

Как добрался до дома, не помнил. Ну, то есть, как – помнил какую-то невозможную полную чушь. Например, что прилетел на свой балкон самым коротким путем, через лес, вынужденно поспевая за рыжим тезкой, который тащил его за собой, как воздушный шарик, на веревочке. Надо отдать ему должное, довольно аккуратно тащил, следил, чтобы не напоролся на какой-нибудь острый сук и не лопнул, не превратился в жалкую резиновую тряпочку, скорее всего, оранжевую, как давешние апельсины в Роновом баре – кстати, один из них, кажется, все-таки съел. Закусывал выпивку вкусными и полезными витаминами, умница ты моя.

Ладони, во всяком случае, с утра действительно пахли апельсиновой цедрой. Голова была на удивление ясной и не болела. Зато болела рука. Левая, конечно же. И здорово, надо сказать, болела. Совсем как в те времена, когда, вопреки дружному хору специалистов, пытался что-то с ней сделать. И в конце концов потерпел поражение. Сдался. И правильно сделал, чего уж там. Дело было не в боли, конечно, просто понял вдруг – хоть наизнанку вывернись, хоть какого кудесника отыщи, а как раньше все равно больше не будет. В лучшем случае, бледная тень былых возможностей. Ну его к черту тогда совсем.

Подумал: «Мать моя женщина, это что же получается, напился и полез к инструменту? Какой кошмар. Позорище. Хоть пакуйся и уезжай».

Умывшись, впрочем успокоился. Кому какое дело? Ну выпил человек, ну потренировал немного на расстроенном барном пианино. Может, я в музыкальной школе всего три класса отучился, а теперь вдруг накатила ностальгия по детству, такому трогательному выступлению даже поаплодировать можно из вежливости, все-таки не «Собачий вальс» одним пальцем выстукивал, а почти по-настоящему играл. Вон некоторые граждане, назююкавшись, вообще под

караоке прилюдно поют, и ничего. Не накладывают потом на себя руки. Хоть и следовало бы, если начистоту.

Сварил кофе в одолженной джезве, результатом остался доволен, как никогда. Легкое похмелье – лучшая приправа для кофе, заменяет соль, мускат и кардамон, а когда есть возможность добавить все сразу, итог становится потрясающим – вот как сейчас.

Вышел на балкон в надежде – не то встретить там рыжего тезку, не то, напротив, никого не застать. Сам не знал, чего хочется больше. Увидев, что соседский балкон пуст, искренне обрадовался. Но когда тот несколько минут спустя распахнул дверь и вышел, поднимая в приветственном жесте дымящуюся самокрутку, обрадовался еще больше. Вот и поди пойми – себя и вообще все.

– Ну вы даете, пан Станислав, – восхищенно сказал сосед. – Как вы вчера играли, мать божья! Охеренно играли вы, уж простите мою терминологию. Подходящих синонимов все равно не подберу.

Почувствовал, что краснеет. Значит все-таки играл. Ох.

Пробормотал смущенно:

– «Охеренно» – это все-таки вряд ли. «Охеренно» я когда-то играл, это правда. Очень давно. Когда у меня еще были обе руки.

– Да у вас, вроде, и сейчас все на месте, – удивленно сказал рыжий. – Не бывает таких протезов. Пока не изобрели.

Согласился:

– С житейской точки зрения, левая рука у меня конечно на месте. А вот с точки зрения исполнительского мастерства, ее считайте что нет. То есть, строго говоря, нет всего двух пальцев, среднего и безымянного. Но даже без одного особо не поиграешь. А уж без двух... Рад, что вам понравилось, но это, уверяю вас, благотворное воздействие «Океанского бриза». На слушателей и на меня.

– Ну, не знаю, – покачал головой рыжий. – Вообще-то, я довольно придирчивый слушатель. Из тех неудачников с начальным музыкальным образованием, которые сами ни черта не умеют, зато выучились прикапываться к другим. Вернее, при всем желании просто не могут иначе, чужие ошибки стали слишком заметны, и ничего с этим не сделаешь. А вам я не комплименты из вежливости говорю. Скорее уж просто спускаю пар. Полночи заснуть не мог после того, что вы вчера вытворяли у Рона. Вы очень крутой импровизатор. И пальцы вас распрекрасно слушались, верьте мне. Я очень внимательно смотрел, пытаюсь понять, что вы творите. Ни хрена, конечно, не понял, зато могу свидетельствовать: все ваши пальцы делали даже больше, чем от них обычно ждешь. В том числе, средний и безымянный на левой руке.

Очень рассердился, конечно. Не столько на соседа, сколько на себя – зачем вообще затеял этот разговор? Кто тебя за язык тянул? Кому нужны твои откровения? Мог бы сдержанно поблагодарить за похвалу и сменить тему. Или просто пойти в дом. Кто тебе не давал?

Но теперь дезертировать было поздно, пришлось отвечать.

– Это все «Океанский бриз», тезка. Вините его, он отвел вам глаза. Возможно, я и правда неплохо сыграл, обошелся без двух полумертвых пальцев, еще и не такие чудеса случаются с трезвенниками вроде меня, когда они идут вразнос. Но полноценно работать моя левая рука никак не могла – просто по техническим причинам. Там с нервом каким-то важным беда. И это непоправимо. Я первые два года после аварии только и делал, что бегал по

специалистам. Не то чтобы совсем зря – по крайней мере, теперь могу этими пальцами шевелить. И даже кое-что чувствовать – ну, на уровне «холодно-горячо». Для жизни вполне достаточно, для полноценной игры, конечно же, нет.

– Собрать бы этих специалистов, по которым вы два года ходили, и выпороть на центральной площади в назидание прочим троечникам, – мрачно сказал рыжий. – Похоже, они не просто заморочили вам голову, но и отняли надежду. И вы так и не добрались до кого-нибудь толкового. Например, до меня.

– До вас?!

– Я врач, – кивнул рыжий. – Когда-то был более чем посредственным нейрохирургом, но вовремя понял, что пользы от меня немного, и занялся реабилитационным массажем. И там я, без ложной скромности, оказался на своем месте. И могу спорить на что хотите: все у вас в порядке с нервами. Ну, то есть, не то чтобы в полном порядке, но не фатально. Было бы непоправимо, никакой «Океанский бриз» не дал бы вам так разойтись. Значит, с травмой можно и нужно работать. Причем не столько специалисту, сколько вам самому. Есть несколько упражнений, простых, но довольно мучительных, особенно поначалу. Если захотите, я вам покажу. В сочетании с ежедневными тренировками в баре у Рона могут довольно быстро дать неплохой результат. Только учтите, на трезвую голову поначалу ничего не получится. Надеюсь, всего за месяц как-нибудь не сопьетесь... Вы куда?

Сказал деревянным голосом:

– Простите. Сейчас вернусь.

И пулей вылетел с балкона в надежде, что сосед сочтет причиной побега внезапное расстройство желудка, или еще что-нибудь в таком роде. Впрочем, пусть думает, что хочет. Какая мне разница. Все лучше, чем разреваться прилюдно, как было всего один раз, в шесть, что ли, лет, когда... Ай, неважно, что было, важно, что вот прямо сейчас я такой дурацкий дурак и верю каждому слову этого рыжего шарлатана, поэтому сейчас немного поплачу в ванной, уткнувшись лбом в клеенчатую занавеску, быстро умоюсь, утрюсь жестким чужим полотенцем и пойду назад, на балкон. Скажу: «Давайте, показывайте свои упражнения, но если они не помогут, тогда...» – а он заржет, превращая смыслообразующую трагедию моей жизни в дурацкий ситком, скажет: «Тогда с меня обед, можно сухим пайком, если к тому времени успею опостылеть хуже горькой редьки», – а я... Я, вероятно, снова извинюсь и убегу якобы в туалет. То есть, называя вещи своими именами, рыдать. И еще несколько раз. Но потом, наверное, худо-бедно привыкну жить с новой надеждой, успокоюсь, как-нибудь дотяну до вечера, пойду к Рону, напьюсь и буду играть – если уж этот рыжий черт так завелся, доказывая мне, что вчера получилось неплохо. «Охеренно» – это, в любом случае, безответственный комплимент, перебор, перебор.

Вернувшись, одним глотком, как водку допил остывший кофе. Сказал:

– Показывайте упражнения. Хотите, перелезу на ваш балкон.

– Лучше зайдите в квартиру, – усмехнулся тезка. – Не хочу оказаться зловещим пророком, но от моих упражнений поначалу обычно орут. Что само по себе отличное развлечение, но во дворе дети гуляют. Не будем их пугать.

Не орал конечно – просто из принципа. Еще чего не хватало. Зато после обеда отправился гулять в дюны, добрался до металлической сетки, где начинается нейтральная полоса, а за ней граница с Россией, и там уж дал себе

волю, когда попробовал повторить все эти дурацкие упражнения, хотя рыжий доктор твердо сказал, что на сегодня достаточно. Плевать. Не может быть «достаточно» для того, кто упустил столько лет и спешит теперь наверстать, на радость русским пограничникам, до которых наверняка долетали его вопли – скорее торжествующие, чем страдальческие.

И к Рону, конечно, пошел, как только стемнело. Сказал себе: «Сегодня только один «Океанский бриз», мое слово твердо», – и действительно сдержал обещание, кажется тоже просто из вредности, назло рекомендующему наклюкаться до беспамятства лечащему врачу. Но все равно вполне сносно сыграл на расстроенном зеленом пианино. То есть, присутствующие – рыжий, Рон, давешняя девица-галчонок, влюбленная пара и даже белобрысый иностранец, оторвавшийся по такому случаю от своего блокнота, утверждали, что просто отлично. Но до «отлично», конечно, было еще далеко, как до звезд, чьи парадные портреты мерцали сейчас под их ногами, на темно-синем небесном полу.

А на следующий день все повторил – начиная с сеанса пыток под утренний кофе и заканчивая концертом у Рона, который под впечатлением от его игры временно вернул в свою задницу старое доброе нью-йоркское шило, сумел отыскать путного настройщика, самолично привез его аж из Клайпеды, заплатил чертову прорву денег, и не зря – мастер привел инструмент если не в полный порядок, то в довольно близкое к нему состояние.

Счел это добрым знаком и прямым указанием не останавливаться. Хотя на самом деле и так не стал бы. Каждый день разминал руку – с утра при активном участии рыжего палача, потом в одиночестве, в дюнах, а вечером в баре Рона на зеленом пианино, в которое был теперь натурально влюблен, хоть букеты для него в лесу собирай. Перед сном вынужденно, чтобы не ворочаться, поскуливая и подвывая до самого утра, глотал обезболивающее, причем скорее с сожалением, чем с облегчением, хотя никогда не был мазохистом и вообще очень плохо переносил физическую боль – раньше, когда не знал, что она может быть просто признаком жизни. Далеко не единственным, но самым наглядным. Захочешь, не отмахнешься.

Так увлекся процессом воскрешения руки, которая и правда оживала на глазах, становилась все более послушной, что только на шестой день вспомнил об одной из первоначальных целей поездки в Ниду, такой же важной, как прогулки по дюнам и охота за редкими в эту пасмурную пору морскими закатами – о сегвее⁵. Ясно, что взять эту «палку-каталку» напрокат преспокойно можно и дома. И почти в любом другом европейском городе есть шансы ее оседлать. Но кататься любил именно в Ниде, где когда-то попробовал это развлечение в первый раз и был навсегда покорен. Дело не только в приятных воспоминаниях, просто здесь всего за час успеваешь выехать за пределы городка, на зависть редким автомобилистам как следует прокатиться по трассе, вернуться обратно, обнаружить, что осталось еще целых десять минут, и с наслаждением нарезать последние круги вокруг порта. То есть, по ощущениям

⁵Сегвэй (англ. Segway) – электрический самобалансирующийся самокат с двумя колёсами, расположенными по обе стороны от водителя. Сегвей развивает скорость около 20 км/ч и автоматически балансируется при изменении положения корпуса ездока. При наклоне ездока вперёд сегвей начинает катиться вперёд, и чем больше наклон, тем быстрее. При отклонении корпуса назад самокат замедляет движение, останавливается или катится задним ходом. Руление происходит при помощи поворотов корпуса ездока влево-вправо.

выходило, что один и тот же оплаченный час в Ниде кажется чуть ли не вдвое длинней, чем в любом другом месте. А может не «чуть ли»и даже не «кажется», а так и есть. Потому что Неринга – не только самое прекрасное в мире место. Но и самое милосердное.

Поэтому после кофе и мучительных утренних процедур, надолго отодвигающих не только завтрак, но даже мысли о нем, принял внеочередную дозу обезболивающего, чтобы не портить удовольствие от катания, и отправился в сторону порта, где обычно базировалась стайка прокатных сегвеев. Почувал неладное еще по дороге, когда нетерпеливо вглядывался вдаль и не находил там знакомые силуэты, но окончательно выяснилось только на месте: объявление, уже изрядно потрепанное непогодой, сообщало, что прокат закрыт с первого октября и снова откроется в мае. Господи, как же жаль.

Вроде бы, такая ерунда, просто «палка-каталка», бесхитростное курортное развлечение, даже не вспомнил о ней, как только началось что-то по-настоящему важное, а все равно обидно почти до слез, как в детстве, когда целыми днями упрашиваешь родителей отправиться в чешский Луна-парк, о котором мечтал все лето, и они наконец говорят: «Хорошо, пойдем в воскресенье». А когда наступает долгожданный день, вдруг выясняется, что аттракционы уже разобрали, буквально позавчера, сложили в огромные грузовики и увезли в неизвестном направлении, в парке остались только древняя как мир «цепочная карусель», вечные скрипучие «лодочки», на которых в одиночку нечего делать, и еще одна карусель, с лошадками и бегемотами, совсем для малявок, какой от нее прок.

Словом, очень огорчился, но здравого смысла все же хватило, чтобы погнать себя завтракать в пиццерию, благо вот она, прямо в порту, ходить далеко не надо, а омлеты и блинчики там всегда были отличные, да и кофе, как ни странно, более-менее, вполне можно жить.

– Ну вот и вы сюда добрались. А я тут теперь каждый день завтракаю, – сказал рыжий сосед, врач-убийца, по совместительству тезка, властелин лучшего в мире пальто. – Ну, или обедаю, поди разбери. Если проснулся в восемь утра, выпил примерно сто чашек кофе, но так ничего и не съел, первая трапеза в полдень – это что?

Пожал плечами:

– Совершенно точно не ужин, и это все, что я могу сказать по данному вопросу... Впрочем, стоп, погодите. Может быть, это и есть новомодный – ну как его? – бранч⁶!

– Гениально! – обрадовался рыжий. – Бранч. Конечно. Совершенно вылетело из головы.

Призывно похлопал по рядом стоящему стулу, но тут же спохватился и торопливо сказал:

– Подозреваю, вы сыты по горло моим обществом еще с утра. И если хотите спокойно поесть в одиночестве, в другом конце зала, я не обижусь. Могу сделать вид, что вообще вас не заметил, а о бранче разговариваю сам с собой. Могут же у меня быть причуды?

Невольно улыбнулся и сел рядом с ним:

– Причуды – еще бы! Сколько угодно, вообще не вопрос. Но думаю, в ближайшем будущем меня ожидает так много одиноких трапез в другом конце

⁶Бранч (англ. brunch, образовано слиянием двух английских слов breakfast и lunch) – приём пищи, объединяющий завтрак и ланч. Он подаётся между 11 часами утра и 16 часами дня.

зала, что глупо начинать стремиться к ним прямо сейчас, когда есть выбор. Вы же, как я понимаю, скоро уедете. Говорили, собираетесь провести в Ниде неделю, а она почти прошла. Кстати, если что, имейте в виду, с удовольствием доведу вас до того села, где чинят вашу машину. Прокатимся с ветерком, мне совсем не трудно, скорее наоборот. И кофе в Клайпеде купим. С собой, на вынос, в картонных стаканах, вам достанется одна порция, а мне целых две, потому что я-то поеду туда и обратно. Вернусь сюда, как домой. Как самый настоящий местный житель, только что проводивший столичного гостя. И, наверное, буду очень без вас скучать.

Сказал все это и сам удивился – с чего это меня понесло. Но хоть сердиться на себя не стал. Сделанного не воротишь, сказал и сказал, подумаешь. Собственно, даже к лучшему, что не промолчал, как всегда.

– Спасибо, – обрадовался рыжий. – «Буду скучать» вместо «наконец-то переведу дух» – совершенно неожиданный итог! И предложение ваше очень заманчивое. Но не уверен, что смогу им воспользоваться. За мной, скорее всего, приедут, я уже договорился, обеспечил себе комфортное отступление – ну, значит, сам дурак. Надо было положиться на импровизацию. А теперь придется нам с вами пить кофе грядущей зимой. Например, в Вильнюсе – вы же там живете, верно? Ну и отлично. Я часто туда приезжаю и знаю там несколько прекрасных забегаловок, местные жители обычно очень удивляются, когда я их туда привожу.

– Ого! Уже ради этого стоит дожить до зимы. Хоть прямо сейчас домой возвращайся, чтобы немедленно приступить к полевым исследованиям. После Роновского бара любая ваша рекомендация для меня практически священна.

– Как же я рад, что привел вас туда! Идеальное попадание. Заодно и пианино, несколько лет прослужившее умеренно удачным элементом интерьера, внезапно воскресло, отличный вышел подарок всем сразу, включая отсутствующих, нечаянный вклад в исцеление мира, точечный, конечно, но в акупунктуре важен каждый укол. Подобные штуки захочешь, а не спланируешь, тут требуется вмешательство дополнительного игрока – конечно же, неизъяснимого и неназываемого, какого еще. А уж Он-то всегда сам решает, делать ли ход, такого поди заставь... На самом деле, Ронов бар нравится далеко не каждому, и всегда есть большая опасность не угадать. А это – безнадежно испорченный вечер, плюс страстное выступление Рона ночью по телефону на актуальную тему: «Прекрати таскать ко мне всяких зануд». Поэтому часто бывает так, что открываю рот, и тут же снова его закрываю. И иду к Рону один. Но вас все-таки пригласил, и теперь страшно горжусь, что угадал, и все так отлично сошлось.

– Спасибо вам за доверие. С виду-то я вполне зануда.

– Честно говоря, дело совсем не в доверии, – улыбнулся рыжий тезка. – Просто вам в тот вечер было здорово не по себе. И я не мог оставить все как есть. У меня, как вы могли заметить, очень деятельная натура, я люблю совать нос в чужие дела и быстро-быстро исправлять все, что можно исправить. И то, что нельзя – тоже, потому что в глубине души я просто не верю, что бывает нельзя. Вернее, отказываюсь это знать.

– А я, похоже, наоборот.

– Что именно – наоборот?

– Не верю, будто можно исправить хоть что-то, хоть иногда. И когда подобное все-таки происходит, вот как сейчас с моей рукой, это кажется мне настоящим чудом, и я, конечно, очень ему благодарен за то, что случилось со

мной. Но общая концепция совершенно не изменяется. Чудо – значит, исключение из правил, которые, увы, никто не отменял. И хотел бы от нее отказаться, да никак не выходит. Такой уж дурацкий характер. Ну и жизненный опыт, честно говоря, только подтверждает мой пессимизм. Вечно у меня самого и у тех, кто рядом, что-то ломается, рушится, заканчивается навсегда и исправить нельзя ничего, хоть ты костями ложись. Но у вас, похоже, действительно все иначе. Теперь это тоже мой опыт, его так просто не перечеркнуть.

– Вот это просто замечательно – что не перечеркнуть. И это, учтите, только начало! Если будете каждый день проделывать все, чему я вас научил, а по вечерам разминаться в баре на радость нашему приятелю Рону, месяца не пройдет, как...

Кивнул:

– Да, я примерно представляю, как здорово будет через месяц. Результаты уже налицо, а ведь недели еще не прошло. Вы что-то совершенно невероятное сделали, в голове не укладывается, честно говоря. Но так уж по-дурачки я устроен, что пока со мной происходит чудо, упорно оглядываюсь по сторонам в поисках – чему бы еще огорчиться? Ну просто, чтобы снова почувствовать под ногами привычную твердую почву. Вот нынче, например, обнаружил, что прокат сегвеев закрыт, и все, день, считайте, насмарку. Ну не то чтобы вот прямо весь день, но завтракать я уже не летел как на крыльях, а, скажем так, понуро брел. Не столько чтобы поесть, сколько ради возможности убить время, снова ставшее бесполезным, вернее, кажущееся таковым. И вот это, честно говоря, ужасно меня сейчас бесит – просто по контрасту со всем остальным.

– Ну так это же просто отлично, что бесит, – обрадовался рыжий тезка. – Значит, скоро все будет иначе. Вернее, оно уже прямо сейчас иначе, просто нужно время, чтобы произошедшее изменение стало очевидно и вам самому. А теперь все-таки объясните, пожалуйста, что случилось у вас с сегвеями? Я так и не понял, почему закрытый прокат может испортить весь день?

Смущенно пожал плечами:

– Просто очень люблю на них кататься. Причем не повсеместно, а только в Ниде. И, конечно, планировал всюю предаться тут этому разврату. Всю дорогу предвкушал. А потом все, сами знаете, завертелось, задул «Океанский бриз», у меня внезапно стало слишком много коктейлей, боли, музыки и надежды, в такой обстановке даже собственное имя вылетело бы из головы, если бы Рон не приветствовал меня каждый вечер: «Здравствуйте, пан Станислав». Но сегодня я все-таки вспомнил, решил покататься, пошел, а на набережной никого, только объявление, что прокат закрыт с первого октября. То есть, еще до нашего приезда. Ничего личного, просто сезон окончен. Сам, конечно, мог бы сообразить, что они работают, пока не разъедутся последние курортники, психи вроде нас с вами не в счет, кассу на нас не сделаешь. Но не сообразил, и теперь сижу на руинах собственных планов. И скорблю. При том что действительность намного превосходит все мои ожидания – это я понимаю даже сейчас. Но только теоретически понимаю, а не всем сердцем, которое ведет себя, прямо скажем, как последний неблагодарный дурак.

– Это как раз очень понятно, – неожиданно сказал рыжий. – Любая, даже самая пустяковая неудача кажется угрожающим предупреждением: эй, смотри, все снова начинает рассыпаться! А вам сейчас есть, что терять. Будь моя воля, заставил бы этот чертов прокат заработать немедленно. Хотя бы на один день, специально для вас. Но тут я, кажется, и правда бессилен. И наш дружище Рон

вряд ли прячет в своем подвале старый сегвей, а кроме него я здесь никого толком не знаю. Зато, – на этом месте он поднял вверх указательный палец и ослепительно улыбнулся, – именно сегодня, по дороге на завтрак я разнообразия ради сделал изрядный крюк и совершил удивительное открытие. Обнаружил другой прокат. Не сегвеев, а велосипедов. Что, согласитесь, тоже неплохо. И он – внимание! – все еще работает. С утра и до темноты, без перерывов, я узнавал.

А вот это уже удар ниже пояса. Тезка, понятно, не виноват. Откуда ему знать. Но от этого не то чтобы легче.

– Вы совсем не рады, – огорчился тот. – Я так не играю... Нет, погодите, вы не просто не рады. Похоже, все гораздо хуже. Простите. Но, хоть убейте, не понимаю, что я сделал не так.

Нашел в себе силы улыбнуться. Потому что любой другой вариант был бы форменным свинством. Сказал:

– Ну что вы. Все так. Просто не в коня корм. Я, наверное, единственный взрослый человек в мире, который не умеет ездить на велосипеде. По крайней мере, среди моих знакомых таких больше нет. Знаю, что это нелепо. Но так получилось. У меня никогда не было велосипеда, родители не купили. И при этом ни братьев, ни сестер, которые могли бы одолжить свой. Даже каких-нибудь троюродных. А у чужих детей во дворе поди допросись. Во всяком случае, у меня не вышло. «Ты же не умеешь, упадешь, сломаешь», – и точка. А теперь уже поздно что-либо менять.

– Ну, во-первых, вы далеко не единственный, – заверил его рыжий. – Лично я знаю не меньше десятка людей, так и не освоивших велосипед. Ну и живут себе раскрепасно, им это просто не надо. А во-вторых, что значит «поздно»? Тот, кому хочется ездить на велосипеде, всегда может научиться. Это же, на самом деле, довольно просто. Главное, защитить колени и локти – просто чтобы было не страшно падать. Потому что – внимание, открываю очень важный секрет! – полное отсутствие страха сводит риск падения практически к нулю. Это, конечно, не только о велосипедной езде, но и о ней тоже... Слушайте, а хотите я вас научу? Спорим на что угодно, нынче же вечером сможем вместе доехать до Роновского бара. Насчет обратной дороги не так уверен – смотря сколько мы там выпьем. Но предварительный прогноз все равно неплохой. Ставлю – ну как обычно, обед. Что же еще?

– С возможностью получить его сухим пайком, как всегда? Ладно, годится. Учите. Должны же и вы хоть раз в жизни узнать вкус поражения.

– Я его, кстати, и так знаю, – невозмутимо заметил тезка. – Просто совсем не люблю. И поэтому всякий раз гневно плююсь, зарекаюсь проигрывать впредь и иду дальше. Обычно неплохо работает... Только одно обязательное условие: закажите себе какой-нибудь завтрак. И съешьте его прямо сейчас. На сухой паек у вас надежды мало. Я хороший учитель, все так говорят.

Подумал: «Охотно верю». Подумал: «Чем черт не шутит, может быть, это шанс?» Подумал: «Где же ты был раньше, дружище, с этим своим нелепым энтузиазмом и непрошибаемым оптимизмом? Как мне тебя не хватало все эти долгие годы, всю эту дурацкую жизнь, знал бы ты».

Но вслух, конечно, ничего не сказал. Зато заказал омлет с сыром и ветчиной и принялся бодро его уплетать – немалое достижение для того, кто внезапно обнаружил себя на самом краю пропасти, с твердым намерением прыгнуть немедленно, вот прямо сейчас. Точнее, сразу после еды.

– У вас такое лицо, словно я предложил вам стреляться, – заметил сосед, принимаясь за кофе.

Ответил, презрев правила хорошего тона, с набитым ртом:

– А примерно так и есть. Только стреляться мне, конечно, предстоит не с вами. А вот с кем именно – это хороший вопрос. Впрочем, ответ мне, похоже, известен.

– А мне скажете?

Всерьез задумался. Честно говоря, не хотелось бы говорить еще и об этом. А с другой стороны...

Решил:

– Ладно. Если смогу проехать на этом чертовом велосипеде хотя бы пару десятков метров, все расскажу. А если нет, то и говорить будет не о чем. Считайте тогда, он меня застрелил. И какая, в таком случае, разница, кто?

– Для любопытного, вроде меня, всегда есть разница. Но сама по себе постановка вопроса мне нравится. Будьте уверены, проедете столько метров, сколько пожелаете. И еще сотню сверху – во имя мое. Пара десятков – это, на мой взгляд, недостойный нас с вами результат.

Звучит заманчиво. А как будет на деле – ладно, посмотрим.

Защитную экипировку на прокат не давали, зато предусмотрительно продавали рядом, буквально соседняя дверь. К ее покупке рыжий отнесся чрезвычайно серьезно, выбирали добрые полчаса, осмотрели буквально все, что было в лавке, и заплатить в итоге пришлось гораздо больше, чем рассчитывал. Но спорить, конечно, не стал.

Велосипед подбирали так же долго и тщательно, в полном соответствии с ростом будущего ездока и еще какими-то неведомыми параметрами; сам в большинстве случаев совершенно не видел разницы, но благоразумно помалкивал, целиком доверившись будущему тренеру – если с самого начала не решить, что ему видней, какой смысл чему-то учиться. К тому же, был только рад, что пауза так затянулась. Чем позже окажется, что этот чертов велосипед мне все-таки не по зубам, тем дольше проживу в надежде на лучшее. Дурацкое, конечно, чувство эта надежда, но очень приятное. Трудно за нее не цепляться.

Сказать, что уже три часа спустя посмеялся над давешними опасениями, было бы неправдой. Потому что смеяться действительно хотелось, но на это не осталось сил. Последний неприкосновенный запас их ушел на то, чтобы пройти на почти негнущихся ногах несколько сотен шагов по песку, да еще и волоча за собой тяжелый велосипед, на котором худо-бедно доехал аж до самого конца одной из асфальтированных дорожек, ведущих из города в дюны.

Наконец рыжий тезка, лучший в мире тренер начинающих велосипедистов, остановился, снял и кинул на землю свое шикарное пальто:

– Садитесь. Или даже ложитесь. Места хватит.

Не удержался, спросил:

– И не жалко такое в песок?

– А что ему сделается? Это пальто только кажется неженкой и недотрогой, на самом деле оно старый боевой друг. Специально сюда в нем приехал. Куртки, теоретически, удобней, но в качестве пледа для внезапного пикника в дюнах они совершенно несостоятельны. Значит, отказать!

Сперва деликатно присел на краешек пальто, но уже несколько секунд спустя лежал на спине, бессмысленно улыбаясь низкому серому осеннему небу. Само как-то получилось. И хорошо.

Сказал:

– Выходит, штука была в том, что я, как дурак, пытался научиться ездить, не надев защиту? Боялся упасть и поэтому падал? Смешно. Очень поучительно и все равно смешно. Хотя смех, конечно, сквозь слезы.

– Да, без защиты очень трудно, – кивнул рыжий. – Особенно человеку с воображением, который заранее знает, как будет саднить расшибленный локоть, и ничего не может поделать с этим знанием. Ну и плюс велосипеды, на которых вы пытались поехать, наверняка были подобраны не по росту. Вы просто брали, какой есть – любую старую развалину, годами ржавевшую на даче у друзей, верно?

– А один раз даже купил, положившись на совет продавца. Дешевый, конечно, я же заранее не верил, что он мне действительно пригодится. И, к сожалению, угадал. Пришлось потом подарить.

– К тому же, вы наверняка учились ездить не там, где удобно, а там, где никто не видит. Скорее всего, ночью, почти в полной темноте.

– Опять угадали.

– Немудрено. Все мы примерно одинаково устроены. И учились вы, конечно же, в одиночку. А сегодня с вами был я. Я, кстати, наврал – я вообще никакой не инструктор. То есть, сам-то, конечно, неплохо и с большим удовольствием катаюсь на велосипеде. И умею правильно их подбирать, как всякий более-менее опытный потребитель. Но еще никогда в жизни никого не учил ездить. Вернее, один раз, еще в детстве, попытался научить какого-то незнакомого мальчишку, и это закончилось таким грандиозным провалом, до сих пор вспоминать не хочу... Но дело вообще не в моих знаниях и умениях. А только в том, что вы мне полностью доверяли. Ну просто так уж удачно сложилось – сперва я привел вас в Роновский бар, потом подсказал, что делать с рукой, и это уже начало приносить результаты. Поэтому рядом со мной вы ни черта не боялись. И верили каждому моему слову, какие бы глупости я ни говорил. Все это вместе отлично сработало. Не представляете, как я рад. Потому что, с одной стороны, был почти уверен, что с защитой и моей поддержкой вы быстро научитесь. Но при этом чуть в штаны не наделал, воображая наш общий провал.

Так удивился, что даже забыл об усталости. Вскочил, как ужаленный – просто чтобы посмотреть рыжему тезке в лицо, понять – это он просто шутит? Или говорит чистую правду? Тогда, пожалуй, следует пробежаться по дюнам, отыскать притаившихся где-нибудь поблизости ангелов, или добрых волшебников, ответственных за произошедшее чудо, пасть им в ноги и благодарить весь остаток дня, всю ночь напролет, до утра, пока сами не попросят отстать.

Рыжий, конечно, улыбался до ушей, но глаза оставались очень серьезными. Вряд ли он шутит. С другой стороны, тем лучше. Хоть и трудно вот прямо сейчас объяснить, почему.

Сказал, снова усевшись рядом, на его пальто.

– Может быть, теперь все действительно будет иначе.

– Что именно – «все»?

– Да вообще все. Жизнь, например. Которая, можно сказать, началась с грандиозного провала, и потом они следовали один за другим. Сперва я не смог научиться ездить на велосипеде – не получилось, точка, идем дальше, этого не

дано. И пошел дальше, как заколдованный – за что бы ни брался, всегда обязательно наступал момент, когда приходилось признавать: снова не получилось. И браться за что-нибудь еще. С музыкой, конечно, самая чудовищная история. Был такой успешный молодой исполнитель, все местные музыкальные конкурсы мои и некоторые международные тоже, причем считалось, что это только начало, неплохой старт. И вдруг какая-то дурацкая автомобильная авария – междугородняя трасса, ночь, лось-идиот на дороге. Ничего страшного, все, кроме главного виновника отделались легким испугом, даже автомобиль потом починили. Но я повредил руку, и на этом моя музыкальная карьера закончилась раз и навсегда. Впрочем, черт с ней, с карьерой. Я бы, на самом деле, мог стать совершенно счастливым тапером, скажем, в баре у Рона, лишь бы играть. Но даже такой уровень был для меня недостижим – до недавних пор. Поэтому моя жизнь превратилась в череду довольно жалких попыток хоть чем-нибудь заняться – провальных все как одна. Сперва попробовал давать частные уроки, но быстро бросил, учитель я хуже чем никакой, и дело тут вовсе не в пальцах. После открыл кафе, а при нем лавку с редкими дисками и музыкальной литературой, собирался устраивать там концерты по вечерам, приглашать к себе всех подряд, от звезд до уличных музыкантов, лишь бы каждый вечер что-нибудь новое, сюрприз и интрига, любопытные завсегдатаи ничего не захотят пропустить – так я это себе представлял. Надо ли говорить, что ничего не вышло? Я неплохо придумываю, но совсем не бизнесмен. И даже не организатор. Потом затеял тематические экскурсии по Вильнюсу: музыкальные, кофейные, детские, только для фотографов и художников, по самым живописным местам, или, к примеру, по следам тщательно собранных городских легенд – смотрите, прямо под этим холмом жил василиск, а именно в том дворе на Лукишках одна бедная женщина, помолвившись как следует Деве Марии, родила чудесного младенца. Но оказалось, туристам нужно совсем другое: несколько цитат из учебников истории, чуть-чуть архитектуры, пара-тройка храмов для пущей духовности и, самое главное, очень плотный обед с пивом в финале, ради него они и выходят по утрам из гостиниц, а я-то, дурак, не учел... Были еще разные затеи, бессмысленно перечислять, потому что ничего так толком и не получилось. Если бы не наследство, дедова квартира, которую удастся более-менее выгодно сдать, сидел бы сейчас не тут с вами, а где-нибудь на паперти – тоже, подозреваю, безрезультатно. Такие, в общем, дела. И я почти уверен, что все началось именно с велосипеда. Хотел научиться кататься, а вместо этого научился терпеть поражение – разгромное, навсегда. Рано или поздно подобное, конечно, с каждым случается, и ничего, живут себе дальше. Но мне было всего шесть лет, и я несколько переоценил масштабы катастрофы. Боюсь, она просто заслонила для меня все остальное, стала единственным важным событием детства, печальным эпиграфом к будущей жизни. Может быть, сегодняшняя поездка по Ниде все изменила? По крайней мере, теперь я могу об этом разговаривать, да еще и с другим человеком. А раньше даже с собой не мог.

– Ну ничего себе, – выдохнул ржий. И надолго умолк. Наконец сказал:

– Я только один момент не понял. Каким образом неумение ездить на велосипеде стало для вас опытом поражения, если вам даже попробовать не дали? Или поражением вы сочли неудачные попытки заполучить велосипед?

– Просто я немного приврал. Не хотел подробно рассказывать. Велосипед у меня был. Примерно пол-дня я владел им безраздельно. Но выучиться ездить так и не успел. А потом велосипеда не стало.

– Но как?!

– Ладно, расскажу по порядку. Оставить вас умирать от любопытства после всего, что вы сделали, было бы невероятным свинством. Только скрутите мне сигарету, пожалуйста. Свой я, похоже, где-то потерял.

– Не вопрос. Держите.

– Как же ловко вы их вертите!

– Ну а чего вы хотите. Хоть бывший и плохонький, а все-таки нейрохирург. Регулярные занятия любым рукоделием способствуют развитию мелкой моторики.

– Смешно. Так вот, велосипед. На самом деле, мне его купили. Как я теперь понимаю, слишком большой, «на вырост», как одежду, обувь и все остальное. В то время так поступали все вокруг. Вероятно именно поэтому у меня ничего не получалось. Ну как – несколько раз упал, проехав сколько-то метров, предсказуемо разбил обе коленки, но отступать не собирался. Я довольно упрямый. По крайней мере, был.

– И смею вас заверить, остались.

– Правда? Хорошо, если так. И в тот день я дал себе слово, что к вечеру научусь – любой ценой. И спуску себе не давал. Дело было в парке, потому что во дворе я учиться постеснялся – там меня сразу засмеяли бы за неуклюжесть. А в парке никого. По крайней мере, никого из знакомых. А чужие – ладно, черт с ними, пусть смеются, они не знают, кто я такой, где живу, и значит, не смогут дразнить меня всю оставшуюся жизнь. Примерно так я тогда рассуждал.

– На самом деле, очень разумно – с точки зрения ребенка, который, как все нормальные дети, хочет быть как минимум не хуже других.

– Разумно-то разумно. А все равно оказалось роковой ошибкой. Потому что во дворе никто не стал бы отбирать у меня велосипед. Ясно же, что скоро с работы придет мой отец, и тогда начнутся крупные неприятности. В этом смысле, дворовые хулиганы – совершенно безопасная компания для владельца немислимого сокровища, каковым в наших детских глазах являлся любой велосипед. Но я пошел в парк, испугавшись насмешек, и остался без велосипеда. Точка, привет.

– У вас его отняли?

– Ну да. Когда я валялся в траве после очередного падения. За завтраком вы спросили, с кем это я собираюсь стреляться. Ладно, слушайте, сейчас расскажу о своем давнем враге, которого до сих пор, будем честны, ненавижу, как последний дурак. Какой-то взрослый, как мне показалось тогда, а на самом деле, максимум десятилетний мальчишка, пробегая мимо, схватил мой велосипед, крикнул: «Смотри, как надо!» – и укатил, выписывая красивые пируэты. Я сперва вообще не понял, что произошло. Думал, он просто решил показать мне, неумехе, высший класс. Думал, сейчас сделает круг, вернется и объяснит, как добиться столь потрясающих результатов. Сидел в траве, прикладывал к разбитому колену подорожник, как мама учила, ждал его. Очень долго ждал. Пока не стемнело. Только тогда до меня дошло, что рыжий мальчишка не вернется.

– Он был рыжий?

– Ага, совершенно как вы. Забавное вышло совпадение. Один рыжий лишил меня шансов научиться кататься на велосипеде, а другой рыжий это исправил – тридцать с хвостиком лет спустя. Лучше бы, конечно, раньше. Но и так хорошо.

– Представляю, что вам устроили дома!

– Да ничего мне там не устроили. Я, конечно, тоже думал, что будут страшно кричать. Может даже побьют. Вообще-то, меня родители не били, но всех остальных детей вокруг – еще как. И я был вполне готов к такому повороту. Но получилось гораздо хуже. Родители не ругались, наоборот, очень мне сочувствовали. Но наотрез отказались покупать новый велосипед. Сказали – нет уж, хватит. Тем более, ты даже выучиться не успел. Не получилось, значит не получилось. Не огорчайся, в мире есть много других развлечений. Хочешь записаться на плавание? Хочешь новый конструктор? Все что угодно, только не велосипед. Тем все и кончилось. До сих пор обидно. Даже вот прямо сейчас!

– Понимаю, – задумчиво кивнул рыжий. – Очень хорошо понимаю. Мне тоже ужасно обидно. Хоть плачь!

– Из-за меня?

– И из-за вас тоже. Но все-таки в первую очередь из-за себя.

– Из-за себя? Но при чем тут...

– Понимаешь, какое дело, – скороговоркой выпалил рыжий тезка, явно сам не заметив, что перешел на «ты», что, кстати, только к лучшему, давно было пора. – Я же действительно хотел тебя научить. Но для начала, конечно, пофасонить, пустить пыль в глаза. Чтобы ты потом внимательней прислушивался к моим советам... Хотя нет, вру, это я бы сейчас так рассуждал, а тогда, конечно, просто для собственного удовольствия, лишний раз всех вокруг восхитить. Кто же знал, что по самой дальней аллее парка катится неведомо как заехавший на его территорию пьяный самосвал? В смысле, самосвал с пьяным водителем. Не смотри на меня так, я не призрак, явившийся с того света замаливать страшный грех, ничего мне тогда не сделалось, месяц в больнице с переломом ключицы и сотрясением того, что было у меня вместо мозга, полная ерунда. А вот от велосипеда остались рожки да ножки, о чем я, впрочем, узнал только на следующий день, когда более-менее пришел в себя. И стыдно мне было – не описать! Я, конечно, придумывал разные хитроумные планы, как раздобыть денег на новый велосипед для тебя. Был почти готов, если что, отдать свой, но не смог разыскать мальчишку, которого и видел-то мельком, встретил бы – не узнал. Родители по моей просьбе даже в милиции выясняли – вдруг кто пожаловался на кражу велосипеда? Но никаких заявлений не было. Тем все и кончилось. Ну, то есть, я думал, что все. А оно, оказывается, не кончилось. А оно, оказывается, вот так.

И умолк, уставившись на свои ловкие руки, которые, не дожидаясь команды хозяина, начали сворачивать самокрутку, взяв вместо бумаги увядший лист подорожника, а вместо табака щепотку песка.

Толкнул рыжего локтем в бок. Сказал, подмигнув:

– По-моему, нам обоим надо немедленно выпить.

И достал из кармана маленькую полулитровую бутылку с минеральной водой, без которой не выходил из дома здесь, в Ниде, где в любой момент можно случайно забрести в дюны, а дюны – это почти пустыня, тут без воды никуда.

– Спасибо. Но кажется, я пока не хочу пить, – флегматично откликнулся рыжий тезка.

– Я тоже не очень. Но все равно придется.

– Это еще почему?

– Фишка в том, что здесь, в дюнах, как только откручиваешь пробку, к бутылке тут же начинает подбираться ветер. Дует в нее, гудит, свистит, что-то

рассказывает, а иногда поет. Доподлинно известно, что пустые бутылки ветер любит гораздо больше чем наполненные жидкостью. Это как раз понятно, воды-то вокруг и так хватает, зато полная пустота – редкость, заманчивая игрушка, дают – надо брать. Если мы выпьем всю воду, велика вероятность, что ветер захочет залезть в бутылку. А уж если он чего-нибудь хочет, непременно устроит по-своему. В точности как ты.

– И мы поймает ветер в бутылку? А что будет потом?

– Ну как же. Мы быстренько закрутим крышку, сядем на велосипеды и отправимся к Рону. Он открывает свой бар в сумерках? Отлично, значит сегодня мы заявимся первыми. И никто не увидит, как мы подмешиваем рассерженный куршский ветер в его «Океанский бриз». Подозреваю, это будет самая убойная смесь всех времен. Лучший в мире коктейль, идеально подходящий, чтобы отметить – я даже не знаю, что именно. Но если мы не устроим по этому неизъяснимому поводу хорошую вечеринку, будем совсем дураки.

О разнообразии мира

Семьдесят восемь сказок для Марко

1

В Кракове живут невидимки, демоны и обычные люди. Краковские невидимки обычно идут в музыканты, демоны развлекают детей на площадях, а остальные горожане пекут крендели и живут как хотят. Лица у них приветливые, голоса негромкие, а сыр они заплетают в косы.

2

Жители Брешии укрывают головы пестрыми платками, водят за собой белых собак, улыбаются, как будто только что проснулись. А хлеб они едят на бегу.

3

Жители Праги вырезают из дерева кукол, приделывают к ним веревочки, чтобы двигались как живые, кормят их щедро, поливают пивом и медовухой, отправляют вместо себя на работу и по другим скучным делам, а сами бродят по паркам, прыгают по деревьям белками, щебечут как птицы, плывут под водой серебристыми рыбами, цветут как розовые кусты, лебедями пролетают над Влтавой, хохочут, как чайки – всех провели!

4

Жители Клайпеды высокого роста, у каждого из них по два голубых лица, одно смотрит вперед, другое назад. К их одежде пришиты медные бубенцы. А по городу они ходят приплясывая.

5

В городе Минске кроме людей, живут людоеды и наваждения. Люди в Минске очень красивы и молоды, редко встретишь среди них кого-нибудь, кто выглядит старше тридцати. Людоеды очень стараются быть похожими на людей, но невольно выдают себя лихорадочным блеском в глазах, слишком широкими улыбками и торопливой готовностью согласиться с любыми словами намеченной жертвы, а потому в охоте они неудачливы и живут впроголодь. Наваждения в Минске по большей части крикливы и простодушны, вид их не столько ужасает, сколько обескураживает. Впрочем, они совершенно безобидны и существуют исключительно для развлечения жителей города и его гостей.

Свою зиму жители Минска хранят в погребах под железнодорожным вокзалом и вынимают неохотно, по маленькому кусочку, а в долг соседям не дают никогда; те, впрочем, и не особо просят.

6

Жители Антиба наряжаются со вкусом, ходят по улицам неторопливо, принимают эффектные позы на фоне тех стен, чей цвет удачно сочетается с их одеждой. Жителям Антиба кажется, будто их не родили матери, как прочих

людей, а нарисовал неведомый живописец, поэтому они очень стараются не испортить его картину.

7

Жители Цюриха в детстве глотают золотые часы и живут потом, размеренно тикая, поэтому никогда не опаздывают и ошибаются в расчетах много реже, чем прочие люди. Те, что живут у озера, приносят обильные жертвы белым лебедям, те, чьи дома стоят на горе, поклоняются диковинной птице-щухшнабелю, но жертв ему не приносят.

8

Жители города Вильнюса уже много веков сняты своему мертвому князю и по его милости вечно ходят по колено в тумане, носят цветные одежды, танцуют на улицах и почти ничего не весят, сколько бы ни выпили пива, закусывая свиными ушами и холодным борщом. Долгими зимними вечерами жители Вильнюса сидят в своих светлых студеной домах, мастерят задумчивых кукол, говорят: «Пусть хоть что-то здесь будет взаправду», – но и сами понимают, что куклы не в счет.

9

Жители Валбжиха красят здания вокзалов в розовый цвет, бродят по шпалам, как дополнительные поезда дальнего следования, но никогда никуда не уезжают.

10

Жители Хельсингборга всегда выходят из дома с корзинами, набитыми всякой снедью – на тот случай, если среди повседневных хлопот или уже по дороге домой их застигнет закат. Потому что на закате следует сесть, обернувшись лицом к пламенеющему морю, достать бутерброды и пироги, предложить их солнцу, чтобы не шло спать голодным. А то, что останется, можно доесть самому.

11

По воскресеньям жители городка Миккели продают свои сны на Рыночной площади. Чтобы купить хорошие сны, надо прийти рано утром, к полудню сны прокисают и становятся кошмарами, которые за полцены сбывают легковерным туристам.

12

Жители города Нанси проводят время за научными спорами, выясняя, где находится край мира, сколько слонов надо поставить друг другу на спину, чтобы дотянуться до неба, из какого сорта сыра следует делать Луну. На досуге они едят, разделяя трапезу с рыжими собаками и черными воронами, прочим же птицам и зверям приходится заботиться о пропитании самостоятельно.

13

Жители Валенсии веселы и приветливы, они бодрствуют по ночам, варят шелк в железных котлах, превращают молоко в кофе и пасут на городских окраинах тучные стада оранжевых апельсинов.

14

В Ротенбурге живут люди и статуи. Отношения между ними теплые и уважительные, как и должно быть у добрых соседей. Люди каждое утро говорят статуям комплименты: «Сегодня ваш нос блестит на солнце эффектно как никогда». А прогуливаясь по улицам, они порой замирают на несколько секунд, а то и минут в какой-нибудь причудливой позе, чтобы статуи видели: людям тоже бывает свойственна полная неподвижность, поэтому все в порядке.

Статуи Ротенбурга очень ценят такое доброе отношение, поэтому прогуливаются только по ночам, а пиво пьют лишь в одном, специально для них открытом баре на окраине, возле вокзала.

15

О жителях Венеции ничего доподлинно не известно, ибо всякий странник, достигший этого города, неизменно сходит с ума от его красоты, едва успев оглядеться по сторонам. И после этого его свидетельствам и, тем более, выводам нельзя доверять.

16

Весной волосы у жителей Франкфурта становятся зелеными, а те, у кого они сохраняют обычный цвет, подолгу лежат в траве, надеясь, вероятно, на симпатический эффект. А едят там жареные колбаски, закусывая разноцветным льдом.

17

Жители Москвы умеют засыпать сидя и стоя, а некоторые даже на ходу. А просыпаться они не умеют, только открывают глаза. Поэтому жители Москвы стараются много путешествовать, даже если совсем не любят дальние страны – за пределами города им обычно удается проснуться по-настоящему и какое-то время оставаться в этом приятном, хоть и непривычном состоянии.

18

Жители Вены ходят по городу неторопливо, с достоинством, в строгих костюмах и темных пальто, а их отражения бегут следом, перепрыгивая из лужи в витрину, из витрины в зеркало, из зеркала в блестящий трамвайный бок. Отражения венцев носят лоскутные куртки и разноцветные башмаки, на головах у них старомодные шляпы, а карманы вечно полны конфет, которыми они охотно делятся со своими оригиналами, улучив момент, когда на них никто не смотрит. А застукавшему их чужеземцу тоже суют конфету, подкупают, чтобы помалкивал.

19

Жители Каунаса любят приходить на помощь заплутавшим путникам. Часто нарочно бродят по городу, высматривая: никто ли не заплутал? Поэтому

добродушные каунаские лешие старательно запутывают дороги и морочат головы приезжим, чтобы добродетельным каунасцам было кого выручать.

20

Жителям Риги порой приходится воевать с атакующими город ордами хищных желтых велосипедов. Храбрые рижане неизменно побеждают, а изувеченные трупы врагов приковывают железными цепями к заборам и телеграфным столбам – для устрашения прочих захватчиков.

21

Жители Берлина выращивают в башмаках траву и капусту, читают книги, перевернув их кверху ногами, красят волосы в яркие цвета, играют на пианино прямо на улицах, кормят сосисками лебедей, любят, когда происходят нелепости, и ничего не боятся, кроме лесных грибов.

22

Жители Тулузы любят головоломки, вечно таскают их с собой в карманах, пока не потеряется несколько фрагментов, чтобы собрать головоломку стало невозможно – так, им кажется, гораздо интересней. Поэтому путешественнику, то и дело обнаруживающему у себя под ногами загадочные предметы, не следует любопытствовать, а тем более, подбирать их и увозить с собой. От головоломок, как известно, может сломаться голова.

23

Жители Барселоны развешивают на веревках белье, вырезанное из разноцветной бумаги, в кафе заказывают чужие воспоминания. Руки у них сотканы из тумана, глаза из прошлого, волосы из песка. Обедать они ходят к морю, кормятся там шумом волн, делят эту трапезу с чайками и любимыми.

А потом наступает ночь, жители Барселоны обретаю плоть и немедленно устраивают по этому поводу карнавал или просто множество вечеринок, чтобы успеть насладиться настоящей человеческой жизнью, не так уж много у них на это времени – всего до утра.

24

Жители Парижа думают, будто они настоящие, и ведут себя соответственно – ездят в автомобилях, ходят по магазинам, покупают, к примеру, сантехнику, рыбу, носки, или комнатные растения, заказывают копии ключей, выстраиваются в очереди у касс, выносят мусор, спешат на метро – экие самозванцы! Лишь немногие горожане понимают, для чего появились на свет, и смиренно рисуют портреты туристов на Монмартре, танцуют на набережных, целуются напоказ, сидят в уличных кафе, потягивают аперитивы, прикрыв лица вчерашними газетами.

25

Жители Киева все как один колдуны, однако скажи им это в лицо – засмеют. Скажут: «Колдунов не бывает», – и будут хохотать, пока не потеряют голову и тогда превратятся кто в волка, кто в плакучую иву, а кто и вовсе в синее пламя.

Поняв, что выдал себя, киевский житель чертыхнется, махнет рукой и исчезнет, чтобы закончить беседу, принявшую нежелательный оборот.

26

Летом жители Хельсинки выходят на улицу с пустыми стаканами, сидят на лавках и ждут, пока стаканы наполнятся солнечным светом. Некоторые выпивают солнечный свет залпом, другие же смешивают его с холодным пивом или яблочным сидром, чтобы растянуть удовольствие.

27

Жители города Эрфурта строят дома-мосты, выращивают в садах разноцветные колеса, торгуют картинками на Рыбном рынке, а едой в керамических и сапожных мастерских. А чай они пьют из чугунных чайников и кладут в него разноцветный сахар – не меньше восьми разных сортов за раз.

28

Каждый житель Чешского Крумлова спит в четырех кроватях, причем не по очереди, а одновременно. А все путники, переночевавшие в Чешском Крумлове, поутру находят в своих карманах кислые леденцы.

29

Жители города Эльче де ла Сьерране верят в собственное существование, а потому стараются пореже выходить из домов. Те же, кому все-таки приходится выйти по делам, идут по улицам очень быстро, отворачиваясь от зеркальных витрин, чтобы не увидеть ненароком собственное отражение: тогда придется признать очевидное и поверить в себя, а жить с такой нелепой верой совсем нелегко, особенно с непривычки.

30

Жители Бастии еще не забыли, что их предки когда-то остановились на этом берегу переждать шторм, но успели построить дома, развести сады, родить детей, состариться и умереть, не дождавшись даже его начала. Поэтому каждый день жители Бастии смотрят на море с надеждой: возможно сегодня все же станет штормить, а потом волны снова утихнут, и тогда можно будет начать собираться домой.

Никто не знает, о каком таком доме речь, и где он находится, но по городу ходят слухи, будто где-то на самой границе Терра-Веккьи и Терра-Нуовы, Старой и Новой земель, стоит трехэтажный дом, там живет одноглазый старик, он все еще помнит дорогу.

31

В городе Альбасете живут женщины и старики. Женщины нужны там для красоты, они ходят по улицам, плавно покачивая бедрами, и отражаются в пыльных стеклах витрин вечно закрытых магазинов. Старики нужны в Альбасете для счастья, они сидят в кафе, пьют вино маленькими глотками, как кофе, чокаются с отражениями покойных друзей, кидают крошки отражениям вострепанных воробьев, подмигивают отражениям женщин, а сами не отражаются даже в зеркалах над барной стойкой – зачем суетиться.

Жители Мюнхена под дождем играют на скрипках, в солнечную погоду пекут яблочные пироги и каштаны, в снегопад носят красные одежды, чтобы не потеряться навек, а разговаривая с любым собеседником, всегда думают о ком-то другом.

Жители города Энгельхольма смуглы и неторопливы, они торгуют скверным кофе и черствым печеньем, а лучезарные улыбки раздают совершенно бесплатно. И за этим драгоценным товаром съезжаются перекупщики со всего Балтийского побережья, где такие улыбки – ходовой товар, их всегда не хватает. Однако наивные жители Энгельхольма думают, все дело именно в уникальных свойствах их кофе с печеньем, а потому не отказываются от старинных рецептов, доставшихся от прабабок, которые таким угощением тактично отваживали нежелательных женихов.

Жители Чешских Будейовиц растут вдоль дорог подобно большим грибам. А изо рта у них идет дым.

Жители Лиссабона по утрам ловят рыбу для еды, а по вечерам – рыбу для разговоров. Всласть наговорившись с рыбой, лиссабонец отпускает ее, предупредив: «Будь добр, дружок, не попадись мне завтра поутру, ибо на рассвете брюхо мое пустынно, а сердце не знает жалости».

Жители Клодзко плачут на мостах, смеются на площадях, загорают на крепостных стенах, бойко торгуют кренделями и черными псами, а кошек раздают бесплатно всем, кто твердо пообещает уехать из города и больше никогда не возвращаться.

Жители города Табора трудолюбивы, они делают бисерные брошки, озера и ветер, этот товар неизменно пользуется спросом, поэтому город богат. На обед здесь едят солнечный свет и суп с клецками – того и другого вволю, на стенах рисуют звезды и тут же стирают, чтобы ненароком не выдать им самим неизвестную тайну, а белье сушат в крепостном рву.

Жители Копенгагена по утрам носят розовые рубахи, замшу и перья, играют на музыкальных инструментах, но никогда не приплясывают. Вечером они переодеваются в обычные наряды и, сохраняя благонамеренную серьезность, катаются на каруселях, пока не пробьет полночь.

Жители Рима пьют воду из уличных фонтанов, почти машинально превращая ее в вино – в тот краткий сладостный миг, когда влага проникает в гортань.

40

Жители города Кальви добывают кофе из черных овец, а молоко из белых, смешивают их потом с морской водой и пьют вволю, закусывая диким инжиром.

41

Жители Мадрида вечно высвистывают причудливые мелодии – на улицах, в барах, в метро, за работой и за рулем. Говорят, истинные мадридцы продолжают насвистывать даже после смерти, но очень негромко и деликатно, чтобы не испугать живых.

42

Жители Варшавы часто спускаются в подземелья и бродят там в поисках путей, ведущих в другие страны и города. Некоторые находят способ покинуть Варшаву, а прочие после долгих скитаний возвращаются наверх и идут по делам.

43

У жителей города Халле черная кожа, и они ходят налегке, у путников, прибывающих в город Халле с востока и запада, белая кожа, и они волокут за собой чемоданы на колесах. А говорят они все не по-нашему.

44

Жители Славонице подают к завтраку газеты из дальних стран, к обеду ром и сигары, а ужинают они дома, погасив свет, заперев двери и ставни на окнах, поэтому что у жителей Славонице принято есть на ужин, толком не знают даже они сами. Но единодушно утверждают, что это вкусно, а на ощупь немного похоже на суп.

45

Жители Милана, повздорив, тут же идут на вокзал и продолжают ругаться там, чтобы обидные слова и беспочвенные обвинения незамедлительно покинули город в любом из множества направлений. Даже строгие контролеры с уважением относятся к этой традиции и не высаживают безбилетные оскорбления прежде, чем поезд удалится от Милана хотя бы на сотню километров.

46

Жители Ниццы пьют ликер из фиалок, закусывают его сушеными розовыми бутонами, тем и сыты. Однако в городе всегда есть запасы обычной еды и вина для путешественников, рыбы для котов, хлебных крошек для птиц.

47

Жители Сарагосы носят невидимые доспехи, зимой запасают в бочках студеные ветры, чтобы пить их летом, в жару. Вместо кофе они заказывают в кафе стихи: «Мне сегодня четырнадцать строк», – занимают места за столом и принимаются сочинять, сколько заказали, ни больше, ни меньше. А придумав стихотворение, поспешно записывают его в тетрадку, без которой ни один уроженец Сарагосы не выйдет из дома, скорее уж забудет кошелек, телефон и ключи.

48

Жители города Бриндизи очень рассеяны и часто выходят из дома, забыв принять хоть какой-нибудь облик. Поэтому несведущему чужеземцу может показаться, будто улицы города пусты, в ресторанах никто не ест, а на центральном рынке в разгар торгового дня стоит всего одна торговка с пучками базилика и, размахивая руками, разговаривает с воображаемым покупателем, совсем спятила, бедняга.

49

Жители города Бремена поклоняются трем животным: ослу, псу, коту и одной птице – петуху. Они мастерят изображающие этих тварей изваяния и всюду их устанавливают. Некоторые скульптурные композиции содержат поучительный смысл: животные изображаются с книгами, причем пес читает книгу о нравах котов, а кот – трактат о собачьей жизни. Таким образом, людей не только приучают к чтению, но и напоминают им о необходимости учиться понимать тех, кто на нас не похож.

Несколько раз в день на центральную площадь города Бремена выходит верховный жрец, он кричит петухом, ревет по-ослиному, лает и мяукает. Очевидно считается, что священным животным нравится, когда люди стараются им подражать. К вечеру жрец входит в раж, и в сумерках звериные вопли звучат над городом Бременом, не умолкая.

50

Жители Тракая плавают в зеленых лодках по озеру Гальве, в красных лодках по озеру Тоторишкю, в синих по Акмяна, в желтых по Гилушис. А озеро Лукос они переходят пешком, по воде, но только в сумерках, когда на берегу никого нет.

51

Жители Ужгорода едят спелые красные сливы, круглый год растущие на деревьях, которыми засажен весь город. А косточки они кидают в речку Уж – русалкам на мони́ста.

52

Жители Будапешта ходят в бархате, едят огонь, закусывают его сочными яблоками и запивают сладким вином. Они часто исчезают под землей, но вскоре выходят обратно на поверхность, как ни в чем не бывало.

53

Жители Ливорно пишут письма на башмаках, стихи на автомобильных бамперах, а романы на бортах своих лодок. Если любопытный путник попытается прочитать их записи, буквы от смущения станут прятаться друг за дружку, слова смешаются, и смысл исчезнет навсегда.

54

Жители города Фельдафинга каждый день спускаются по Небесной лестнице вниз, на землю. На земле хорошо, там есть лес, за лесом – озеро, посреди озера – остров, на острове – домик, в домике – тень короля. Чтобы не мешать своему королю пребывать на земле, жители города Фельдафинга на цыпочках удаляются прочь, поднимаются по Небесной лестнице вверх, туда, где среди облаков можно поест, выпить кофе, купить газонокосилку, навести порядок в своем небесном саду, дожидаться поезда, сесть и уехать. Никто не знает, куда.

55

Жители города Аликанте носят белые кофты, спят на улице, сидя в плетеных креслах. Одним глазом они всегда смотрят на море, откуда приходят большие чужеземные корабли, а вторым – на вершину горы Бенакантиль.

56

Жители Клермон-Феррана носят рогатые шлемы, курят пенковые трубки и читают важные объявления за неделю до того, как те будут написаны и наклеены на столбы.

57

Жители Ниды плетут сети, пьют воду, смешанную с ветром, охотятся на птиц и заклинаят пески. Пески обычно так привязываются к заклинателям, что следуют за ними повсюду. Поэтому уроженца Ниды, как бы далеко он ни уехал, всегда можно опознать по тонкой струйке песка, высыпающегося из его рукава.

58

Жители Гранады все еще помнят Сегри и Абенсеррахов, обсуждают их дела вечерами за рюмкой мятного чая на крышах ветхих белых домов на холме Альбайсин.

59

Жители Котора умываются в море, выращивают цветы и лимоны, варят похлебку из рыбы, пьют ракию из больших ракушек, и никогда не ссорятся с кошками и облаками: с соседями следует дружить. А кофе варить они не умеют и не хотят учиться. Потому что в тот день, когда в Которе будет сварен хороший кофе, город утратит свой единственный изъяс и тут же исчезнет с лица земли, где, как известно, нет места совершенству.

60

Жители Понте-Леччи живут в поездах, спят сидя, не разуваясь, смотрят цветные сны, прижавшись носами к стеклу.

61

Жители Брюсселя иногда разговаривают со своими отражениями в витринах, и отражения дают им полезные житейские советы: не есть пиццу в соседнем кафе, срочно позвонить кухне, вернуться и пристегнуть велосипед, забыть о существовании Пьера, завязать шнурок.

62

Жители Львова знают двадцать девять тысяч двести двенадцать способов сварить вкусный кофе – по одному способу на каждый день долгой человеческой жизни. Поэтому жители Львова редко умирают, не дожив хотя бы до восьмидесяти лет – очень уж обидно не успеть все перепробовать.

63

Жители Вероны молоды, носят зеленые одежды и танцуют на перронах под никому не слышную музыку, встречая и провожая поезда.

64

Жители Анконы живут на высокой горе, а чтобы попасть на вершину этой горы, приходится спускаться под землю. Зимой жители Анконы похожи на прочих людей, летом же тела их от жары становятся темными, тонкими и очень легкими, лишь по ночам снова обретая привычные очертания.

65

Жители Севастополя живут на перекрестке времен и имен, ходят в булочную за хлебом короткой дорогой, через Сарсону, водят в школу детей безопасным путем, через Корсунь, к морю – через Херсонес, через две с половиной тысячи лет, предусмотрительно отключив телефон.

66

Жители Юрмалы ходят по песку как по снегу, считают чаек, загибая пальцы на руках. Поэтому к вечеру у некоторых жителей Юрмалы вырастает две дюжины рук, а у некоторых целая сотня – чтобы пальцев хватило для счета. Впрочем, за время сна лишние руки исчезают, и можно начинать счет сначала.

67

Жители Марвежоля невидимы, зримый облик они обретают лишь на несколько минут в день, сразу после обеда, но это быстро проходит. Невидимые, они сидят на балконах своих домов, мастерят игрушки для ветра, за работой напевают себе под нос – тихо, не разобрать.

68

Жители Дюссельдорфа дружат с западным ветром, угощают его светлым пивом в обмен на прохладу летних дождей, осенью устраивают для него карнавалы, чтобы не заскучал и не улизнул на всю зиму, переложив дела на плечи сурового северного братца.

Взрослые жители города Динь-ле-Бен носят каменные плащи, а дети ходят по улицам в позолоченных масках, без которых им не позволено показываться на людях.

Когда жители Чивитановы пьют кофе, они прикрывают глаза ладонью, чтобы никто не видел, как сгущается тьма в их прозрачных от солнца зрачках.

Жителей Амстердама легко отличить от недавно приехавших в город по глазам – светлым, прозрачным и зрячим только отчасти, с детства приученным видеть друг друга, тротуар под ногами, небо, воду, тюльпаны, мосты, газетный шрифт, ценники в лавках, разметку велосипедных дорожек – и это, пожалуй, все.

В городе Вимперке живут люди стеклянные, деревянные и каменные. Стеклянные люди, разбившись, становятся стаканами и подвесками для люстр, деревянные люди, засохнув, засыпают в своих каминах, а каменные люди при полной луне водят хороводы вокруг башни Волчок; ходят слухи, будто они бессмертны, но пока никому не удалось это проверить.

Жители Нюрнберга построили очень много мостов через реку Пегниц и стараются пересекать их так часто, как только позволяют обстоятельства и дела. На перилах мостов жители Нюрнберга оставляют цветы для бывших возлюбленных, записки с номерами телефонов для будущих, кружки с чаем для продрогших незнакомцев и новые имена для тех, кто позабыл себя между двух берегов.

Жители города Отерив встают так рано, что успевают переделать все дела еще до восьми утра. Потом они запирают конторы, школы, церкви, кафе и лавки и расходятся по домам отдыхать. Поэтому немногочисленные путешественники, проезжавшие через Отерив, в один голос утверждают, будто город этот расположен на самом краю обитаемого мира, совершенно безлюден и целиком отдан во власть старых автомобилей, дикорастущих цветов и пестрых котов.

Жители города Хагена добывают электрический свет из синего цвета, а остальными красками рисуют картины и подкрашивают леса на окрестных холмах.

Жители Таррагоны в детстве играют в римских развалинах, как в песочницах, потом подрастают и учатся бить в барабаны по средам и воскресеньям, а окончательно повзрослев, целыми днями сидят на пляжах и смотрят на море, поэтому в старости их глаза зеленеют и становятся прозрачными, как морская вода.

77

Жители Таллинна едят сладкий жареный миндаль и морскую селедку, бойко торгуют на улицах запахом, временем и огнем. Летом они коптят свечи, чтобы свет хранился до самой зимы, не испортившись от сырости и городского шума.

78

Жители города Фрайштадта оставляют при себе все прошедшее время, скатывают его в рулоны, складывают в подвалы, которые никогда не запирают, потому что время принадлежит всем, кто в нем нуждается. Говорят, чтобы найти входы в эти подвалы, надо гулять по городу в красных башмаках; фасон же башмаков значения не имеет.

Озеро впадает в море

Голова закружилась на пороге кафе «Šokolado sostinė»; перевод названия узнал уже потом и восхитился – красиво, на самом деле, звучит: «На пороге Шоколадной Столицы у меня закружилась голова». Но пока стоял в дверном проеме, ни о чем таком не думал, на ногах бы удержаться, очутившись внезапно на невидимой карусели, в почти полной темноте, благоухающей кофе и шоколадом, а ведь с улицы казалось, в кафе горят лампы, что за черт.

Потемнело, впрочем, только в глазах, это выяснилось буквально несколько секунд спустя, уже на улице. Сидел на стуле, наслаждаясь неподвижностью угомонившегося наконец мира. Все остальное было неважно – пока.

– С вами все в порядке?

Сперва не удивился, услышав немецкую речь. То есть – ну а как еще бывает? Только когда вопрос прозвучал снова, теперь уже по-английски, вспомнил, что дело происходит в чужой стране. И надо же, вот так сразу наткнулся на земляка. Повезло.

Земляк сидел на корточках и встревоженно глядел снизу вверх. Глаза его в сумерках казались темными и одновременно прозрачными, как озерная вода. В серой куртке и рыжих, как обожженная глина штанах, загорелый, коротко стриженный, не то седой, не то просто очень светловолосый, по крайней мере, точно не старый, средних лет. Снова повторил вопрос, теперь уже на совсем незнакомом языке. Может быть, по-литовски, или по-русски, поди разбери.

Сказал:

– Спасибо. Уже все в порядке. Просто закружилась голова. Наверное погода меняется, у меня пониженное давление. Сейчас выпью кофе и буду как новенький. Собственно, затем сюда и пришел.

– Я принесу, – улыбнулся незнакомец. – Веранду уже не обслуживают, осень. А вам лучше бы пока на воздухе спокойно посидеть.

И, поднявшись, весело спросил:

– Слушайте, а вы мне не мерещитесь? Не понимаю, откуда тут мог взяться еще один немец. Середина осени, вечер воскресенья! Туристам в это время тут делать нечего.

– Ха – нечего! Да нас тут целый автобус, сорок с лишним человек. Экскурсия в замок. Теперь всех повели на ужин, а я сбежал. Не хочу есть. Пива тем более не хочу. Только гулять и кофе.

– Достойный выбор. Горжусь знакомством.

Скрылся за дверью кафе, но буквально несколько секунд спустя вернулся с чашкой, поставил ее на стол.

– Это эспresso. Себе заказывал, как раз принесли. Остыть, вроде бы, не успело. Пейте, не стесняйтесь, я одну порцию уже выдул, просто не хотелось так сразу уходить, вот и попросил повторить. Ничего, если я закурю? Если вам это мешает, могу пересест за другой стол.

Улыбнулся:

– Лучше просто одолжите мне зажигалку. Моя, подозреваю, вывалилась где-нибудь в автобусе. По крайней мере, в кармане ее почему-то нет.

Выпил густой от горечи кофе одним глотком, зажмурился от удовольствия. Сказал:

– Хорошо, но мало. Но очень хорошо. Меня зовут Дитрих. А вы, вероятно, мой ангел-хранитель.

– Временный. Ваш, похоже, ненадолго отлучился в тот момент, когда вы переступали порог. Посижу с вами еще немного, пока этот балбес вернется, мне так будет спокойнее. Если вы, конечно, не возражаете.

– Разумеется. Нам с вами надо, как минимум, выпить еще по чашке кофе. А то как-то раз, и все. Я, можно сказать, почувствовать не успел. Только теперь я закажу.

– Закажу я, – твердо сказал временный ангел-хранитель. – Вам бы еще немного спокойно посидеть. А платить все равно будем перед уходом, тогда и разберемся. Может быть, капучино?

– Разумно. По крайней мере, порция гораздо больше. Давайте.

– Сегодня вечером, – говорит Ида, – нам с тобой обязательно надо в Тракай. Ты сможешь вот так рррраз – взять и все бросить?

– Да мне и бросать-то особо нечего, если тебя устроит выехать после шести. Раньше не получится, я Эгле с собакой к ветеринару везу. А потом домой, тоже не ближний свет.

– Я и сама могу только в полседьмого. Сегодня же воскресенье, и у меня в студии вечерние дети.

– А почему бы тогда просто не перенести поездку на завтра? – осторожно спрашивает Игорь.

Он давным-давно уяснил, что открыто спорить с сестрой – только время терять. Но к голосу разума Ида иногда прислушивается. Особенно если тому удастся прозвучать в форме вопроса, ответ на который надо искать самостоятельно. Магическая формула: «Ой, действительно, а чего это я?» – работает только в собственных устах.

– Как – почему? Ты что, не помнишь, что у тети Вити день рождения?

– Слушай, да ты что. Вот прямо сегодня?

– Ну да! Забыл? Витенька же вечно хвасталась, что родилась тринадцатого числа. Говорила, таким как она вообще нечего бояться, плохие приметы работают для них наоборот, а все вредное – только полезно.

– Точно. И лезла в карман за очередной папиросой, подмигивая: «А вот вам, дети, курить нельзя-я-я-я!» Я ей ужасно завидовал и обижался на маму – не могла, что ли, и нас тринадцатого числа родить? Тогда мороженое помогало бы от ангины, и фрукты можно не мыть, и даже зубы чистить, наверное, не обязательно. Хотя тетя Витя их, вроде бы, все-таки чистила. По крайней мере, зубная щетка у нее была... Слушай, погоди, а сколько же ей стукнуло? Я как-то привык, что тете Вите вечные сорок с хвостиком, но поскольку нам с тобой уже по тридцать два, вряд ли это все еще так.

– Я и сама запуталась, но мама говорит, ровно шестьдесят шесть. Хорошее число. Красивое.

– Слушай, в голове не укладывается. Шестьдесят шесть! Нашей Вите. Не верю.

– Ну, если вспомнить, что Витя твердо намеревалась прожить триста лет, то шестьдесят шесть – как раз подходящий возраст, – улыбается Ида. – Можно начинать браться за ум. И, например, задуматься о поступлении в институт.

– А с Вити бы, кстати, случилось.

– На самом деле, фиг знает. Что-то она в последнее время приуныла. Ты в прошлое воскресенье со мной в Тракай не поехал и, к сожалению, правильно сделал.

– Но ты же говорила, что...

– Ну слушай. Мало ли что я говорила. Просто не хотела рассказывать, что у Вити все плохо. Какой смысл? Тем более, что оно, может быть вовсе и не плохо. Каждый человек имеет право пару раз в год встать не с той ноги. Но я ей сегодня звонила и, знаешь, по-моему, не в ногу дело. Витенька совсем мрачная, как подменили. И с поздравлениями велела не соваться. Сказала, неохота ей возиться с готовкой и гостей развлекать. Лучший подарок – забыть о ней на неделю. Потом опять можно приезжать.

– Тетя Витя не хочет развлекать гостей?! Слушай, так не бывает. Она не заболела?

– Понятия не имею. Но не очень удивлюсь, если да. Расспрашивать бесполезно, сама не захочет – не расскажет. А Витя не захочет. Ни за что никому не признается, что с ней может случиться такая скучная стариковская ерунда как болезнь. Достаточно и того, что над ней властно, к примеру, земное тяготение. И, как выяснилось, время – хотя бы отчасти. Витя всегда говорила, что ее оскорбляет повинность подчиняться законам природы. И знаешь, наверное, в этом все дело. Поэтому наша Витенька сердится и грустит. На больную она все-таки была не похожа. Тьфу-тьфу-тьфу.

– Так, стоп, – говорит Игорь. – Земное тяготение обсудим потом. А сейчас объясни мне вот что. Если Витя никого не желает видеть, какого черта нам с тобой сегодня вечером надо ехать в Тракай? Сюрприз-сюрприз? Совсем не факт, что ей это понравится.

– Вот именно, сюрприз-сюрприз! Но к Вите в дом мы ломиться не будем. Она вообще не узнает, что мы приезжали. Надеюсь, даже не догадается. В общем, так. Заезжай за мной после работы, я по дороге расскажу, что придумала. Тебе понравится.

– Всякий раз, когда ты говоришь: «Тебе понравится», – я вздрагиваю. В последний раз доверчивость привела меня в корзину воздушного шара. А в предпоследний...

– Нет-нет-нет, никакого экстрима, клянусь, – смеется Ида. И, подумав, добавляет: – Но если ты кинешь в багажник резиновые сапоги, будет круто. И может быть, еще какое-нибудь старое барахло, которое не жалко испачкать... Ай, нет, не парься, у меня найдется лишний рабочий халат.

– Все ясно, – вздыхает Игорь. – Ты окончательно и бесповоротно решила утопить меня в болоте.

– Почти угадал, – радуется сестра. – Тебе понравится, вот увидишь.

– Так странно, – сказал Дитрих, осторожно обхватывая озябшими руками горячую дымящуюся чашку. – Впервые в жизни приехал в совершенно незнакомый город, и первый человек, который со мной заговорил, оказался соотечественником. Поразительное совпадение.

– Чего только не бывает, – согласился временный ангел-хранитель. – Я тоже удивился. Живу здесь уже почти три недели, и земляки мне до сих пор попадались только в виде организованных групп. Автобусные экскурсии из Вильнюса в Тракай, осмотр замка, ресторан караимской кухни, через три часа обратно – и все, привет.

– Через четыре. Я же и сам так приехал. Днем увидел в центре города автобус с немецким флажком и плакатом «Экскурсия в Тракайский замок», зачем-то подошел, расспросил о времени и цене, подумал было: «Да ну, зачем это мне», – но к тому моменту уже почему-то сидел в кресле возле окна. Хорошее выбрал место, лень было с него подниматься. Пришлось оставить все

как есть. В Тракай я, собственно, с самого начала хотел выбраться, но один, а не с толпой незнакомых людей и экскурсоводом. Поэтому, в итоге, сбежал от них, не дожидаясь конца экскурсии. Наплевав на заранее оплаченный ужин и даже не разузнав, как отсюда выбираться. Как-то слишком много глупостей для одного дня.

– Для буднего – пожалуй. Зато для выходного в самый раз. Сегодня воскресенье, так что нормально.

– Мне нравится ваш подход.

– Еще бы. Поскольку человек по природе своей несовершенен и словно бы специально создан для глупостей, все что мы можем сделать – это решить, когда и при каких обстоятельствах позволим себе ошибаться. А потом твердо придерживаться установленного расписания. Делать глупости по выходным – это просто самый логичный вариант.

– И безопасный для карьеры.

– Именно. Впрочем, смотря что за профессия. Мне, например, ошибаться даже полезно. Но, как назло, именно это у меня довольно плохо получается. А уж как я стараюсь, знали бы вы!

– Это что же за профессия такая, что ошибаться полезно?

– Ну как же. Ангел-хранитель! Перепутал своего подопечного с другим и, глядишь, хорошему человеку немножко помог. Вот как я вам.

– Тоже верно.

Жаль, конечно, что он так ловко выкрутился. Расспрашивать дальше неудобно. Вот и сгорай теперь от любопытства.

Но новый знакомец был милосерден.

– На самом деле, я просто писатель, – признался он. – И о пользе ошибок говорю именно из этой позиции. Когда художник точен, он скучен. Хуже того, просто недобросовестен. Потому что ошибка лежит в фундаменте всякой жизни. За безупречностью – это к небытию. Там все очень аккуратно устроено. А хочешь создавать живое, будь любезен регулярно ошибаться. Желательно, в полном соответствии с заранее продуманным планом, чтобы не провалиться в полный хаос – тоже ничего хорошего... Простите, я увлекся. И, похоже, вас утомил.

– Нет, что вы. Просто я никогда не смотрел на вещи с такой точки зрения. Все это довольно неожиданно для меня. Я-то определенно не художник и никогда им не был. Обычный человек. Но при этом мне кажется, что я вас прекрасно понимаю. И полностью согласен. Очень странно!

– Ну и хорошо, – улыбнулся ангел-хранитель-писатель. И достал из кармана портсигар. Очень вовремя. В некоторых случаях сигарета – это просто знак препинания, что-то вроде точки с запятой. Обозначает умиротворенную паузу посреди разговора, который не закончится еще очень долго. А значит, некуда спешить.

– Уехать отсюда в Вильнюс проще простого, – наконец сказал он, протягивая зажигалку. – Куча автобусов, буквально каждые полчаса. Еще, говорят, электрички, но ими я сам не ездил, поэтому подробностей не знаю. А если опоздаете на последний транспорт, всегда можно взять такси, они тут совсем дешевые, а ехать всего ничего. Какие-то тридцать километров. Не пропадете.

– Это как раз понятно. В наше время чтобы пропасть, надо хорошенько постараться. Да и то не факт что получится. Даже обидно иногда.

– Согласен. В качестве утешения могу предложить вам прогулку по той части Тракая, куда туристы обычно не заходят. Там дома закутаны в синие рыбацкие сети, как гигантские рыбы, вытащенные из воды, там цветут подсолнухи и падают в озеро поздние яблоки. И знаменитый замок всегда где-то на горизонте, как недостижимый мираж, сколько к нему не иди, ни за что не дойдешь, зато по берегу всюду разбросаны разноцветные лодки, как осенние цветы в зеленой, по-летнему сочной траве, сладкий дым дровяных печей щекочет пятки памяти, слепой собаки-поводыря, которая, если довериться ей, непременно заведет на самый край пропасти, где заканчивается обитаемый мир. А начинается ли там какой-то другой, это пока не решено окончательно, идут примерки: так хорошо? А так?.. Собственно, мы с вами сейчас как раз и сидим на границе двух Тракаев, парадного и обыденного. В этом смысле кафе расположено просто идеально. Ну что, есть у меня шанс вас уговорить?

– И уговаривать не надо. Потрясающее предложение.

– Да честно говоря, не то чтобы. Городок как городок, никаких потрясений. Но довольно красивый даже в темноте. Особенно в темноте – при условии, что у вас есть фонарик. У меня есть, в этом смысле вам со мной необычайно повезло.

– Ты же помнишь, как мы бегали ночевать в лодках? – говорит Ида.

На такой вопрос даже отвечать глупо. Как, интересно, можно забыть одно из самых прекрасных приключений своего детства?

Спать в соседских лодках тетя Витя, старшая мамина сестра, у которой они всегда проводили летние каникулы, не то чтобы открыто разрешала. Но и не запрещала. Обычно просто делала вид, будто не замечает, как Игорь и Ида, пожелав ей спокойной ночи, тайком вылезают в окно, а потом, на рассвете, возвращаются в дом тем же путем. Могли бы и через дверь ходить, тетя Витя в жизни ее не запирала, но в окно гораздо интересней, это вам любой нормальный ребенок подтвердит.

Иногда тетка посмеивалась: «Вот найдет вас однажды дед Пятрас в своей лодке, примет спросонок за вчерашний улов и потащит в дом на уху потрошить, что делать будете?» А порой откровенно провоцировала племянников на дальнейшие ночные похождения. Рассказывала байки, по ее словам, местные, рыбацкие, а на самом деле, скорее всего, собственного сочинения. По крайней мере, Игорь никогда больше ничего подобного не слышал. И даже не читал.

– Тот, кто часто спит в красной лодке, может стать очень везучим. Клад найти, в лотерею выиграть, на поезд, который потом с рельсов сойдет, опоздать – за всем этим дело не станет, – рассказывала тетя Витя, пока они шли через лес к дому с полными корзинами грибов. Или сидели на крыше с ее полевым биноклем, лучшей игрушкой всех времен. Или, скажем, лепили втроем колдуны⁷ с картошкой. Готовить тетя Витя никогда не любила, но в хорошей компании была готова на все, а за помощь по хозяйству платила такими историями, что Игорь и Ида вечно приставали к ней с уговорами: «А давай мы поделаем что-нибудь еще!» Благодаря их нытью, варенье в Витином доме варилось, как миленькое, и огурцы солились, и даже грибы мариновались словно бы сами собой, а ведь все знают, сколько с ними возни.

⁷ Колдуны, koldunai – то же, что и вареники.

– Кто переночует в синей лодке на ущербной луне, станет умен, как профессор, – говорила тетя Витя. – А если уснешь в синей лодке, когда луна растет, ума не прибавится, зато станешь весельчаком, выучишься петь и плясать, да так, что все чужие сердца будут твоими, если, конечно, захочешь – знай подставляй карманы! Кто уснет в зеленой лодке в дождливую ночь, наутро начнет понимать звериный язык и птичий щебет, слышать, как ходят под водой косяки рыб, удачливый из него выйдет рыбак, отличный садовод, лучший в мире охотник, а если захочет, научится лечить зверей, отбоя от пациентов не будет. Одна беда – с людьми ему скоро станет совсем скучно. Поэтому стоит ли спать в зеленой лодке – это, конечно, большой вопрос. Зато в желтой лодке спать можно хоть каждый день, от этого люди становятся красивыми, и больше ничего с ними не происходит – по крайней мере, так у нас говорят. И поэтому каждое лето тракайские старшеклассницы ссорятся за право переночевать в дырявой посудине, которая валяется за сараем деда Вишки, других-то желтых лодок у нас в городке, вроде бы, нет. Потом, конечно, мирятся и устанавливают очередь... Глупые девчонки, в очередь надо бы становиться к младшему Дудонису, у него-то лодка черная, без единого цветного пятнышка. А кто часто спит в черной лодке, делается путешественником и объездит весь мир – чем не жизнь? Впрочем, все это пустяки по сравнению с судьбой счастливчика, которому удастся поспать в золотой лодке. Хоть бы одну ночь в такой провести! В золотой лодке человек может увидеть самый сладкий сон в своей жизни и проснуться счастливым – навсегда. Что бы потом ни случилось, а счастье останется при нем. Не чужое, не книжное, не как в кино, а именно такое, какое только ему одному и подходит. Где бы потом ни жил, что бы ни делал, а все равно будешь в раю, и море тебе по колено, и сам черт не брат. Только поди ее найди – золотую-то. Наши рыбаки свои лодки позолотой не покрывают. Одна надежда на чудо. Всего раз в год, говорят, появляется золотая лодка на берегу озера Гальве⁸. Не то летом, в самый солнцеворот, не то зимой, когда все спрятано под снегом, не то весной, в ту самую ночь, когда прилетают ласточки. А может быть, осенью, когда весь мир на несколько дней становится золотым? Это было бы очень логично. Но все равно смотрите внимательно по сторонам. Солнцеворот, конечно, уже позади, а до осени пока далеко, но вдруг все-таки увидите лодку – золотую, сверкающую в лунном свете? Детям везет больше, чем взрослым, это я точно знаю.

– Ты помнишь, – говорит Ида. – Конечно, ты все помнишь.

– Как мы с тобой спали в зеленой лодке Каспарявичюсов, а утром пришла белка и сказала: «Маленькие люди такие дураки»? Ну да.

– А мы переглянулись, поняли, что не послышалось, и так перепугались! Хотя, по идее, должны были обрадоваться, потому что того и хотели. Хотели, но не верили, да?

– И каааак побежали домой! «Тетя Витя, мы заколдовались!»

– И как она тогда смеялась, да. А на подоконнике сидела большая противная ворона и дразнилась: «Дурrrrrраки! Тррррррусишки!» Кстати я своего кота до сих пор иногда понимаю. Не угадываю, не фантазирую, не додумываю за него, а просто слышу слово в слово, как будто человек говорит. Потом только спохватываюсь...

⁸ Гальве – одно из озер (еще Лука и Тоторишкес), на берегах которых построен Тракай.

– Да знаю я, знаю. Ты же постоянно рассказываешь: Оски то, Оски сё, Оски велел вернуться до полуночи, Оски сказал, если буду спать в полосатой пижаме, рядом не ляжет, от моих полосок у него свои перепутываются, и сны портятся.

– А я думала, ты мне не веришь.

– Маленькие люди такие дураки!

– А как Витя нам зимой снилась, помнишь?

– Ага. Спрашивала: «Соскучились? Ну, пошли в прошлое лето малину собирать».

– И эти сны всегда помнили мы оба. Хотя ты иногда делал вид, будто ничего такого не было. Но я знала, что ты врешь.

– Просто я папе однажды сон рассказал, а он вдруг заявил, что это девчачьи глупости, мальчишки снами не интересуются.

– Какой, прости господи, болван!

– Кто именно?

– Оба, конечно. Но младшему простительно. Тем более, что ломать комедию тебе очень быстро надоело... А Витину сонную присказку помнишь?

– Озеро впадает в море, море впадает в ночь... Или не так?

– Озеро впадает в море, море впадает в небо, небо впадает в ночь, ночь впадает в ветер, а ветер дует, где хочет, кто оседлал его, будет владеть всем миром – до самого утра.

– Точно. Слушай, спасибо, что напомнила. Я в последнее время засыпать стал плохо, по часу ворочаюсь, а то и больше, даже если устал. Особенно если устал! Может, Витина присказка поможет?

– Не сомневайся. Я вот тебе ее сказала и уже зеваю. Хотя еще и семи нет, а я с утра отлично выспалась. Хорошо, что кофе с собой взяла.

– Правда, что ли?

– Ну да. Три большие порции, сколько в термос влезло. Чтобы за работой пить. Но начну прямо сейчас. А ты будешь? Могу тебе в крышку налить.

– Давай... погоди, за какой такой работой?!

– Так ты не догадался? – изумляется Ида. – Ладно, еще подсказка. У меня в сумке малярные кисти и большущая банка золотого акрила. Я его заранее проверила, отлично блестит!

Шли по тропинке вдоль озера, светили под ноги фонариком, просто так, ради удовольствия прогуляться в компании лихо скачущего по мокрой траве золотого пятна. Практической надобности в том не было, луна и лампы в окнах построенных на берегу домов вполне справлялись с темнотой, синей и прозрачной, как вода в которой мыли акварельные кисти.

– Честно говоря, я сам толком не знаю, зачем меня сюда понесло, – сказал Дитрих. – То есть, нет, конечно я знаю. Но если начну объяснять, это будет звучать, скажем так, не слишком убедительно... Ай, ладно, следует называть вещи своими именами. Как бред сумасшедшего прозвучат мои объяснения. Даже для меня самого.

– Это означает, что вас привела сюда по-настоящему важная причина. Все важные вещи почему-то очень не любят, когда о них говорят вслух – даже с собой. И сопротивляются как могут. А что они вытворяют, когда начинаешь писать, знали бы вы! Дао, выраженное словами, уж будьте покойны, позаботится о том, чтобы написавший сгорел со стыда, а восстав из пепла, стер все немедленно и постарался забыть навек – ради своего же блага.

– Ох, да. Могу себе представить. Правда, могу. В юности сочинял стихи – ну, как все, наверное. Но ни одного так и не записал. Вообще ни единого! Не мог себя заставить. Крутил строчки в голове, потом постепенно забывал. С облегчением, надо сказать. При том, что собственные стихи мне тогда очень нравились. Парадокс.

– Если хотите, могу рассказать, почему я сам приехал в Тракай, – предложил временно исполняющий обязанности ангела-хранителя, проводник по золотому октябрьскому лабиринту, властелин веселого желтого фонаря. – Моя причина настолько дурацкая, что ваша на ее фоне сразу станет достаточно серьезной и веской. И вы, возможно, все-таки решитесь произнести ее вслух. Тогда я не лопну от любопытства – превосходный выйдет результат!

– Наверное, пишете книгу?

– Писателей всегда в этом подозревают. Выглядит так, будто я пишу исторический роман? Бытовую драму из караимской жизни, или, скажем, историю трех крещений князя Витовта⁹ – в таком роде, да?

Дитрих смущенно кивнул. Ну а что еще было думать.

– Меж тем, я совершенно невинен. В смысле, ничего тут не пишу. А исторические романы вообще не моя стезя. Факты меня быстро утомляют, а без них в данном жанре ничего путного не выйдет, и это тоже факт. Ничуть не менее утомительный. Что же касается причины моего пребывания в Тракае, я просто проиграл спор.

– Что?!

Какого угодно признания ожидал, только не этого.

– Спор проиграл, – с удовольствием, медленно, почти по слогам повторил тот. – Лучшему другу. Мы с ним вечно спорим о всякой ерунде, а потом лезем в энциклопедию, выяснять, кто был прав. И в покер еще играем, и в нарды – когда как. Всегда на желание. Кто проиграл, обязан сделать все, что от него потребуют. Долг чести, отступать некуда. Впрочем, дружище мой милосерден, знает, что больше всего на свете я люблю поехать незнамо куда и застрять там на неопределенный срок. Куда он только меня не ссылал. По его милости я жил в хижине на дереве на окраине Гокарны, блуждал по лесам Финляндии – спасибо, что в сентябре, а не парой месяцев позже! – и в одиночку штурмовал Белгород-Днестровскую крепость. Нет-нет, завидовать тут нечему, Белгород-Днестровск – это крошечный городок на юге Украины, и вам туда не надо. Вообще никому туда не надо, верьте мне. А однажды я целый месяц жил в Чивитанове. Не знаете, где это? Правильно, и никто не знает, кроме меня. Адриатическое побережье Италии, самый захолустный в мире курорт. Делать там совершенно нечего, даже первые полчаса. Невероятная, звенящая, всюду разлитая тоска, немилосердное белое солнце, безлюдные улицы, пустые пляжи и полное безветрие – все как я люблю. Это была практически счастливейшая неделя в моей жизни – ну одна из. А теперь злодей сослал меня в Тракай, и я, честно говоря, пока не придумал, как отблагодарить его за такую милость. Но

⁹ Витовт (около 1350 — 27 октября 1430) — великий князь литовский с 1392 года. Родился в Тракае. Князь гродненский в 1370—1382 годах, луцкий в 1387—1389 годах, трокский в 1382—1413 годах. Провозглашённый король гуситов. Один из наиболее известных правителей Великого княжества Литовского, ещё при жизни прозванный Великим. Был трижды крещён: первый раз в 1382 году по католическому обряду под именем Виганд, второй раз в 1384 году по православному обряду под именем Александр и третий раз в 1386 году по католическому обряду также под именем Александр.

уже планирую проиграть очередной спор, как только вернусь домой. Он умеет выбирать для меня маршруты куда лучше, чем я сам.

– Надо же, – вздохнул Дитрих.

Больше ничего не мог ни сказать, ни даже подумать. Только остановиться, затаить дыхание, слушать, молчать. Тень чужой, непонятно устроенной, но такой заманчивой жизни задела его крылом, и он понял, что всегда хотел для себя чего-то в таком роде. Друга, с которым можно как в детстве спорить на желание, твердо зная, что он потребует сделать то, чего ты сам хочешь больше всего на свете. Путешествий неведомо куда, впечатлений, больше похожих на сны. И, конечно, возможности в любой момент сорваться и уехать на край земли – просто потому что в голову взбрело. Ну или вот спор проиграл, например.

Наконец спросил:

– Разве так бывает?

– Конечно же нет, – усмехнулся его спутник. – Так не бывает. Но иногда смотришь на себя со стороны и понимаешь: так есть. Очень счастливые моменты! В связи с этим предлагаю немедленно сесть и покурить. Сколько мимо этого катамарана гуляю, всегда думаю: какое отличное место для перекура. Для паузы на двоих. Просто идеальное. Сломанный водный велосипед, яркий, как сам октябрь, древний, как этот мир, такой нелепый на суше, такой беспомощный на цепи, спиной к озеру, которое, будем честны, его стихия, единственное предназначение и судьба, лицом к сухопутному миру, где он совершенно не к месту – громоздкий хлам, жалкое приспособление для бессмысленных летних забав. Чем не аллегория человека, заплутавшего во тьме на мосту без перил, выстроенном между «так есть» и «так должно быть». И два умеренно удобных места, чтобы сидеть рядом, бок о бок, спиной к озерному ветру, лицом к чужим кухонным окнам, загорающимся сейчас одно за другим, курить, ни о чем не думать, молчать, позволяя самым важным в мире словам по собственной воле выскользнуть из твоих уст, и никогда потом не сожалеть о сказанном, потому что эти десять минут на старом водном велосипеде, вытащенном на сушу, такая чудовищная нелепость, что ничего как бы и не было. Все не в счет.

– Такая удивительная свобода все, о чем вы говорите, – сказал Дитрих, кое-как устроившись на жестком, холодном, влажном от сырости сидении из потрескавшегося желтого пластика. – Я по сравнению с вами живу, как узник. Как этот прикованный к берегу катамаран. И даже все мои путешествия – просто прогулки в тюремном дворе с гирей на ноге, как в старые времена практиковали. Вот даже сюда, в Тракай, знаете, сколько лет собирался приехать? А выбрался только сейчас, да и то потому что случилась командировка в Вильнюс. И выдался свободный день. И сами видите, не самостоятельно добрался, а приехал в экскурсионном автобусе. Тоже, в некотором смысле, связанный по рукам и ногам.

– Но потом-то вы от них улизнули. Несмотря на заранее оплаченный ужин, теплое место у окна и прочие бонусы. Это только кажется пустяком, а на самом деле, очень серьезный поступок. Мало кто на вашем месте решился бы сделать шаг в сторону. Даже такой небольшой.

– Вы правы. Я бы и сам, наверное, не решился. Никогда прежде так не поступал. Но просто... Вся штука в том, что Тракай есть Тракай. Этот город для меня особенный. Он мне много раз снился. А то я бы, наверное, и не узнал, что такой городок есть на свете. Замки меня никогда особенно не интересовали. И

караимы, и литовские князья, и даже озера. Я вообще-то море люблю. И при всякой возможности только к морю и еду.

– Ого! – присвистнул писатель. – Понимаю теперь, почему вы не хотели рассказывать, что вас сюда привело. Сны нынче не принято считать уважительной причиной для каких бы то ни было поступков наяву. Я-то как раз ваш брат по разуму. Или по его отсутствию – как поглядеть. В смысле, если бы мне приснился какой-нибудь незнакомый, но при этом реально существующий город, я бы тоже сразу рванул на него поглядеть.

– А я, увы, не сразу. Тракай снился мне очень давно, в детстве. Может быть, еще в ранней юности. Сперва часто, потом все реже. И в какой-то момент все закончилось. Не помню точно, когда. Много лет назад. Тогда-то я был довольно легок на подъем, наверняка съездил бы, но – Советский Союз, закрытые границы. Обстоятельства, которые я при всем желании не мог изменить.

– Так это когда еще было! Целую вечность назад.

– Да, но к тому моменту, как государственные границы открылись, мои собственные успели захлопнуться и запереться на все замки. Я стал взрослым разумным человеком, которому в голову не придет ехать незнамо куда только потому, что ему в юности что-то там снилось. Вспомнить и помечтать иногда – это пожалуйста. Нечасто. Максимум раз в год.

– Осенью?

– Откуда вы знаете? То есть, почему так решили?

– Да просто время года такое особенное. Мост между летом и зимой, а значит, между жизнью и смертью. От всех этих осенних дождей, хризантем и мокрых каштанов, запахов, свежих, горько-сладких, обморочно звенящих в ушах, почти невыносимо болит сердце, вынужденное расти, расширяться, чтобы вместить все это предзимнее великолепие мира. Ясно, что все равно не дорастет. Не вместит. Но надо стараться. Вернее, не «надо» даже, потому что оно – само. По крайней мере, на меня осень действует именно так. Накануне зимы я всякий раз словно бы прыгаю в пропасть. Затяжной прыжок, веселый и горький, никогда заранее не знаешь, кто откроет глаза там, на дне, весной.

– Вы, наверное, очень хороший писатель, – сказал Дитрих.

И уже в который раз пожалел о своей стеснительности, которая не давала прямо спросить собеседника: «А как ваша фамилия?» Сам не представился, значит не хочет. Не стоит нарушать расспросами обманчивое, но такое прельстительное ощущение, будто рядом сидит старинный друг, ближе которого нет никого на свете. И вообще – никого больше нет.

А все равно жаль, что не спросил. Поди теперь угадай, какие книги он написал. Ужасно интересно было бы их почитать.

– Да, неплохой, – равнодушно, словно речь шла о качестве его ботинок, согласился спутник. – Но это не очень важно. В отличие от вашего побега, последовавшей за ним прогулки, этого старого катамарана и моего фонаря. И, конечно же, ваших снов о Тракае. Что там было? Вы помните? Можете рассказать? Согласен, я самый бестактный человек на земле. Но меня можно простить: у меня внезапно закончились таблетки от любопытства. А в местных аптеках их нет, я все обошел. Вы докурили? Идемте дальше! Этот берег почти бесконечен, а день уже практически закончился, следовательно, времени на прогулку у нас с вами практически не осталось. И хорошо, что так, в некоторых случаях лучше, чтобы времени не было вовсе. Оно только мешает. Помочь вам слезть?

– Мне, между прочим, холодно, – говорит Игорь. – Холодно и обидно. Потому что, в отличие от тебя, я не курю. И, следовательно, не понимаю, какого черта мы тут сидим.

– Да, ужасно жалко, что ты не куришь, – кивает Ида. – Так тебе было бы веселее сидеть. Но зато ты любишь кофе. Поэтому можно считать, мы сидим тут специально для того, чтобы ты налил себе полную чашку. Вернее, крышку. И пил, не торопясь. Я, между прочим, сахар специально положила. Для тебя. Я, ты же знаешь, сладкое терпеть не могу.

– Да уж, положила так положила! Одну ложку на термос, да? Умница ты моя. Щедрая девочка.

– Не одну, а целых две. Если больше, это уже вообще невозможно будет пить. И – помнишь, как Витенька говорила? – попа слипнется.

– Смешная ты у меня все-таки, – вздыхает брат. – Попа у нее, видите ли.

– И у тебя она есть.

– Согласен, и у меня. Отрицать было бы глупо. А все-таки, зачем мы тут сидим?

– Во-первых, потому, что я уже давно заметила этот прекрасный катамаран. И поняла, что ужасно хочу посидеть на нем вместе с тобой – зря, что ли, тут целых два места? Хотя лучше бы, конечно, ты при этом курил. Но нет в мире совершенства. С этим я уже смирилась.

«Катамаран» – это водный велосипед, вытащенный на сушу, судя по его состоянию, лет сто назад. Ну или ладно, десять. Срок, достаточно долгий для того, чтобы заржавели педали и покрашенная ядовито-зеленой эмалью рама, потрескались желтые пластиковые сидения и прохудились плавники. И только цепь, которой бедный узник прикован к невидимому, давно ушедшему под землю кольцу, блестит как новенькая. Цепи – они такие. Ничего их не берет.

– Если ты заметила его уже давно, какого черта мы не посидели на этом бедняге летом? – жалобно спрашивает Игорь. – В теплый солнечный день я бы с тобой и три часа тут проторчал. Да хоть с самого утра до позднего вечера! И не пикнул бы.

– Ну так летом у тебя был роман, – напоминает Ида. – Тебя не то что в Тракай, на чашку кофе вытащить было невозможно. А потом еще я уезжала. Два раза. В общем, не сложилось этим летом у нас с тобой. Зато сложилось сегодня. Я уже поняла, что ты не очень рад. Но тут еще и наблюдательный пункт. Видишь Витины окна за деревьями светятся?

– Вижу. И что? Будем сидеть, пока она не ляжет спать? Ясно. Смерти ты моей хочешь. Учти, согласно новейшим исследованиям британских ученых и прочих служителей желтой прессы, редкий близнец надолго переживает другого. Поэтому меня надо беречь. Это в твоих же интересах.

– Еще бы, конечно в моих! Молю бога, чтобы нам повезло, и Витя пошла в бассейн. Обычно по субботам и воскресеньям она туда ходит. Говорит, в выходные после обеда в бассейне совсем пусто, плавай себе в полном одиночестве хоть до десяти, пока не закроется. Думаю, мы часа за полтора все успеем. А к Витиному возвращению и краска высохнет, в инструкции написано, сохнет за двадцать минут. На самом деле, даже быстрее, я проверяла.

– А если Витя не пойдет в свой бассейн, мы будем сидеть тут до ночи?

– Ну, миленький. Ты же сам знаешь, что будем. И ты никуда не уйдешь, даже если я тебе сто раз скажу, что и одна справлюсь. Что, конечно, было бы безответственным враньем: в одиночку я лодку не дотащу. И даже не

переверну. Поэтому – да, будем сидеть до ночи, пока Витенька не ляжет спать. К счастью, она довольно рано ложится, хоть тут нам повезло.

– Да уж... Ух ты, смотри, свет погас! Неужели все-таки собралась в бассейн?

– Я на это очень рассчитывала. Потому что бассейн – это святое. Для Вити и ее спины. Вряд ли она упустит возможность спокойно поплавать, хоть сто тысяч печальных дней рождения на нее с цепи спусти.

– Мне снилось, что я иду по берегу, – сказал Дитрих. – Вот как мы сейчас. Но один. И все примерно так и выглядит – слева озеро, справа окруженные садами дома. Замок вдалеке – я, собственно, только потому и знаю, что сны были именно про Тракай. Случайно узнал его однажды на картинке. Очень тогда удивился, не думал, что такое место действительно есть где-нибудь на земле. В моих снах о Тракае всегда был вечер. Такой как сейчас – вроде бы, темно, а все видно. И туман так же поднимался от воды. И лодки на берегу. Много лодок. Некоторые перевернуты, некоторые так и стоят, словно плывут по траве. Но я иду дальше, я знаю, что ищу. И наконец прихожу туда, где стоит золотая лодка. Она не привязана. Я в нее залезаю, сижу там, или ложусь. Жду – сам не знаю, чего. Наверное, просто счастья. И оно в какой-то момент обязательно наступает. Мне хорошо и легко. Я свободен и ничего не боюсь. Смотрю по сторонам, и вижу, что лодка уже плывет. Почему-то не по озеру, а по морю. И острова с замком уже нет, и земли не видно, но мне и не надо никакой земли. И так хорошо. И в какой-то момент всегда оказывается, что на веслах сидит женщина. Наверное, самая прекрасная в мире. На самом деле, не знаю, никогда не видел ее лица. Я в нее не влюблен, как можно подумать, потому что она – это история о чем-то другом. Мы с ней оба о чем-то другом в этих снах. Женщина сидит спиной ко мне и гребет, я хочу ей помочь, но не могу пошевелиться, и тогда она говорит: «Ничего, ничего, я пока сама». И еще говорит разные вещи, никогда не мог толком запомнить. «Озеро впадает в море», – вот эта фраза точно была. Во сне мне казалось, она все объясняет. Хотя с точки зрения здравого смысла... Но откуда во сне здравый смысл.

– По крайней мере, во сне, который про счастье, здравому смыслу определенно не место, – согласился его спутник. И вздохнул: – Надо же, как вам повезло!

– Но это были просто сны.

– Одна и та же книга¹⁰ – помните? Шопенгауэр большой молодец.

– Кто?.. А. Ну да. Вы правы. Очень давно его читал. И все забыл.

– Да и черт с ним. Главное, что сны помните. И что приехали все-таки сюда. Вот это действительно важно.

– Думаете?

– Не думаю. Знаю. И, похоже, здорово вам завидую. Хоть и не понимаю пока, чему именно. Но я вообще с причудами.

Это еще мягко сказано.

– Слушай, а когда хозяева хватятся...

– Не хватятся, – отмахивается Ида. – Эта лодка никому не нужна. Я узнавала. Вернее, совершенно случайно узнала. Встретила бабушку Руту в магазине, она пожаловалась, что на ее участок чью-то чужую лодку затащили –

¹⁰Отсылка к высказыванию Артура Шопенгауэра «Жизнь и сновидения – это страницы одной и той же книги».

то ли мальчишки, то ли еще какие-то шутники. Непонятно, зачем. Спрашивала, чья, никто не признается. Что и понятно – кому такая нужна. Гнилая насквозь. И что теперь с ней делать, непонятно, Рута же одна живет, ни вынести, ни порубить не сможет. А жечь в саду не хочет. Говорит, деревья огня боятся, рассердятся и, чего доброго, не зацветут потом по весне. Я ей еще сказала, что если ты как-нибудь в Тракай выберешься, мы поможем. Ну вот мы и помогаем – прямо сейчас. Давай, толкай. И умоляю тебя, не заводи песню о своей скорой гибели. Совсем немножко протащить надо. Совсем чуть-чуть. Чтобы у Вити прямо на дороге стояла. Чтобы она мимо не прошла.

– Ладно, – вздыхает Игорь. – Договорились. Буду погибать без песни... Да не суйся ты сюда. Лучше с того конца. Плохо без инженерного ума живется, да, сестренка? Ага, вот так отлично. Какая ты сильная! Давай, давай.

– Знаете, что удивительно? – сказал Дитрих. – До сегодняшнего дня я казался себе совершенно счастливым человеком. У меня было прекрасное детство, а потом отличная развеселая юность, множество захватывающих приключений и экспериментов, причем ни одного фатального – повезло! Даже выучиться как-то успел в перерывах между попытками перепробовать, чем еще может удивить меня жизнь. Когда я остановился, вот в чем вопрос? И почему так поступил? Надоело? Устал? Просто заработался? Скорее всего, так. Работа у меня, кстати, отличная, я же синхронный переводчик, в нашем деле особо не заскучаешь. Честно говоря, мне до сих пор так и не надоело. Наоборот, чем дальше, тем больше смысла в ней нахожу. И дело, конечно, уже давно не в карьере. И даже не в деньгах, на приличную пенсию я уже заработал. И еще у меня хорошая – по-настоящему, а не потому что так принято говорить – семья. Два сына, оба молодцы, каждый по-своему, со старшим мне просто, а младшего я, наверное, никогда не пойму, но горжусь им, как кладом, случайно найденным на своем садовом участке. У жены самый легкий в мире характер, родители все еще живы и даже бодрь, внучка скоро родится, мы ее сейчас очень ждем. Ну ведь правда, хорошая, очень хорошая жизнь.

– Правда, – кивнул его спутник. – Мало кому так везет.

– Ну вот. И вдруг сегодня вечером, вот прямо сейчас я понял, что все эти годы был довольно несчастным дураком, который не то по ошибке, не то шутки ради связал себя по рукам и ногам. И уже давно ищет, с кем бы об этом поговорить. И не находит – ни собеседника, ни нужных слов. Даже наедине с собой приходится помалкивать, потому что этот гладкий тип в зеркале явно меня никогда не поймет. Чего тогда ждать от других? Вот до такой степени я, оказывается, одинок. Ничего себе новость.

– Понимаю, о чем вы. Эта разновидность одиночества знакома многим. Когда человек окружен семьей и друзьями, но поговорить о том, что иногда видит, как ткань бытия выворачивается наизнанку, швами наружу, как летит мимо густое чужое прошедшее время, как реальность трескается подобно разбитому стеклу, и из трещин льется невидимый глазу, но физически ощущаемый свет – не с кем. А все остальное не имеет никакого смысла, сколь бы старательно ни притворялись мы, будто только оно и есть.

– Похоже на то, – вздохнул Дитрих. – Господи, как жаль.

– Вы не замерзли?

– Нет. Совсем нет. Мне кажется, стало даже теплее, чем было днем.

– Похоже вы правы. Осенью иногда так бывает. Но все равно пора поворачивать назад. Мы с вами очень уж увлеклись прогулкой. Так далеко я

здесь еще не заходил. Но это как раз поправимо. И не только это, все остальное тоже. Вообще все. По крайней мере, сегодня – такой уж выдался вечер, такая погода, такой туман, такой легкий, почти неощутимый ветер, причем он не с озера дует, а откуда-то с востока, ост-норд-ост, если быть совсем уж точным, похоже он прилетел за вами прямо из Вильнюса, любопытствует, куда вы подевались? Совершенно от вас не ожидал. Сегодня вы ухитрились удивить ветер, а это, поверьте, мало кому удастся, я сам сколько раз пытался, но нет, его не проведешь. А у вас получилось, примите мои поздравления. И ни о чем не волнуйтесь, на автобусную станцию я вас провожу. Последний, если не ошибаюсь, что-то около десяти, а значит, мы с вами прекрасно успеем, еще и кофе на дорожку... Ах черт, нет, по воскресеньям они работают до восьми.

– Все к лучшему, – вздохнул Дитрих. – Кофе на ночь – не самая удачная идея. Хотя как последняя, триумфальная глупость этого дня – вполне ничего. Но нет, так нет. И так отлично получилось.

– У тебя нос теперь золотой! – смеется Ида.

– А у тебя челка. И правое ухо.

– Мне идет?

– Еще бы! Нет слов, как прекрасна. В связи с этим приглашаю тебя на парадный ужин. Если немедленно не похвастаюсь в общественном месте такой красивой спутницей и своим позолоченным носом, буду потом локти кусать, причитая, что жизнь прошла зря.

– Где, интересно, ты собираешься парадно ужинать? В воскресенье все закрывается в какую-то нечеловеческую рань. Как будто к девяти весь город идет на горшок и баиньки.

– Подозреваю, так оно и есть. Но «Чили-пицца» на Диджои нас спасет. Они даже по воскресеньям до часу ночи кормят.

– Слушай, точно! Ты гений. А я – глупая коза.

– Этого признания, – говорит Игорь, – я ждал от тебя всю жизнь. Даже немного обидно, что оно уже прозвучало. Придется теперь придумывать новый смысл бытия.

– Например, красить все вокруг золотой краской. Чем не смысл? У тебя такое лицо было, когда ты по лодке кистью фигачил! Как будто ты занимаешься любовью. Или просто сейчас взлетишь.

– В каком-то смысле, я и взлетел, – серьезно соглашается брат. – И ты, получается, тоже. Именно это и предлагаю отпраздновать – наш с тобой удачный совместный полет. И чтобы подольше не приземляться.

– Prosit! – восклицает Ида. Почему-то по-немецки. И поднимает в воздух крышку от термоса с символическими остатками кофе. Там и глотка не наберется. Но даже такую малость можно поделить на два. Все что угодно на свете делится на два, было бы желание. Эту аксиому знают все близнецы.

Дитрих остановился как вкопанный. Потому что у него снова закружилась голова, второй раз за этот долгий вечер. Сперва на пороге «Шоколадной столицы». И вот теперь, у невысокого зеленого забора, окружающего чей-то роскошный запущенный фруктовый сад.

Спутник подхватил его со сноровкой, приличествующей ангелу-хранителю. Обычный человек вряд ли успел бы понять, что происходит, поднимал бы

потом с сырой земли, сочувственно приговаривая: «Ну как же это вы». Но этот не оплошал.

Спросил его, как спросил бы ангела, людям такие вопросы задавать обычно бессмысленно:

– Я сплю?

– Наверняка, – невозмутимо кивнул тот. – Может быть, уснули прямо в автобусе, после сытного ужина в караимском ресторане? Или еще днем, в гостинице? Решили никуда не ходить и прилегли на диван. Или вам все еще пятнадцать лет, и вы задремали в разгар вечеринки, всего после третьего бокала дешевого вина? И увидели самый длинный сон в своей жизни, то есть, сон длиной в целую жизнь, как в даосских притчах из серии «пока варился суп» – читали такое в юности? Нет? Ну и ладно, черт с ними. Это совершенно неважно. Важно, что ваша драгоценная золотая лодка – вот она, тут. Стоит. Ждет вас все эти годы. Или все эти сны? Или только последние полчаса? Не знаю. Вам выбирать.

– И... Что мне теперь делать?

– И это тоже только вам выбирать. Мое дело маленькое, стоять рядом, поддерживать вас под локоть и плакать от зависти. Невидимыми, к счастью, слезами. А то неловко бы получилось.

– На моем месте вы бы сели в эту лодку?

– На вашем месте я бы в нее, пожалуй, не сел, а лег. Укутался бы в пальто и постарался уснуть. Или проснуться. Это тоже вопрос личного выбора. Но, в общем, не самый принципиальный. Особой разницы нет. А на своем месте я, пожалуй, вернусь в кафе. Приду туда сегодня в сумерках, примерно в половине шестого. И просижу до самого закрытия, то есть, до восьми меня там можно будет – было? – застать. Имейте в виду, если вдруг передумаете посмотреть этот сон.

– До восьми? Но уже начало десятого.

– Именно так, – невозмутимо кивнул временный ангел-хранитель. – Но поскольку мы сразу договорились, что времени у нас нет, не стоит теперь обращать внимание на его капризы.

И, не попрощавшись, развернулся и пошел прочь, да так быстро, что скрылся из виду раньше, чем Дитрих успел осторожно поставить ногу на золотое дырявое лодочное дно.

– Это так глупо, что и правда может быть только сном, – сказал он себе.

И, полностью умиротворенный столь незамысловатым заключением, принялся устраиваться на жестком золотом ложе, так и не заметив, что непросохшая краска отпечаталась на рукаве его нового, специально для этой командировки купленного пальто.

«Господи, – думает Витя, Витенька, Витолина Яновна. – Господи, – думает она, обеими руками придерживая сердце, – господи, помоги... ой, нет, не слушай старую дуру, помогать не надо. Просто спасибо Тебе за подарок. И вообще за все».

«А это еще кто такой?» – изумленно думает Витя, уставившись на немолодого мужчину в элегантном сером пальто, каким-то образом ухитрившегося уснуть, уютно, по-кошачьи свернувшись калачиком на дырявом дне золотой лодки, самого лучшего сна в Витиной жизни, такого долгожданного сна, сбывшегося наконец наяву, на берегу озера Гальве, всего в нескольких шагах от ее садовой калитки.

«Откуда-то я его знаю, – растерянно думает Витя. – Вроде бы, впервые вижу, и в то же время, такой знакомый, почти родной, как брат, как будто всю жизнь был где-то совсем рядом, изо дня в день. Наверное, дело в том, что у нас с ним один сон на двоих. Ничего не поделаешь, иногда приходится делиться. Ладно, спасибо, что один, а не три дюжины, вдвоем-то худо-бедно поместимся. Он, конечно, разлегся, как король, но ничего, я с краю устроюсь, как-нибудь подремлю».

И осторожно, чтобы не разбудить спящего, залезает в лодку.

Когда Дитрих открыл глаза, за золотыми бортами лодки плескалась озерная вода, темная и прозрачная, как глаза приснившегося ему временно исполняющего обязанности ангела-хранителя – вот интересно, а чей он на самом деле? На постоянной основе – чей? Кому так повезло? Или всегда работает на подхвате у коллег, когда те берут отпуск? Похоже на то. Каждый день такого кто же выдержит.

Улыбнулся собственным мыслям и только тогда заметил, что на веслах сидит белокурая женщина – та самая, как всегда. Так и должно быть, нечему тут удивляться. Только обрадоваться, обнаружив, что сегодня она сидит не спиной к нему, а лицом. Всегда почему-то думал, эта женщина гораздо старше – ну как же, снилась ему давным-давно, в детстве, и уже тогда была взрослой, примерно такой, как сейчас. А она максимум ровесница Михеля, младшего сына, художника, которого никогда не понимал, даже и не пытался, просто любил больше всех на земле, не подавая виду, сдержанно, безнадежно и счастливо, как саму жизнь.

– Надо же, ты проснулся, – сказала женщина по-литовски.

– Надо же, я проснулся, – по-немецки повторил Дитрих.

К счастью, они не знали, что говорят на разных языках. И поэтому прекрасно понимали друг друга.

– Скажи мне твое заклинание, – попросил Дитрих. – Всегда хотел услышать его наяву.

– Никакое это не заклинание, – улыбнулась она. – Просто сонная присказка, вместо колыбельной, чтобы уложить спать неугомонных детей. И саму себя на закуску. Чего доброго, оба от нее еще раз уснем.

– Или еще раз проснемся?

– Или так. Это уж как повезет. Ты готов рискнуть?

– Еще бы. Как никогда.

– И я, пожалуй, тоже. Ладно, слушай тогда.

Золотая лодка качалась на морских волнах, от соленых брызг щипало обветренные губы, а белокурая женщина, бросив весла, говорила, помогая себе руками, словно всякое слово следовало вылепить из дрожащего над водой тумана прежде, чем оно будет произнесено:

– Озеро впадает в море, море впадает в небо, небо впадает в ночь, ночь впадает в ветер, а ветер дует, где хочет, кто оседлал его, будет владеть всем миром – до самого утра.

В самом начале сумерек на веранде кафе «Šokolado sostinė», что на углу улиц Витоуто и Бирутес, курит очень коротко стриженный блондин в серой

куртке и терракотовых джинсах. На столе перед ним лежит блокнот. Мужчина пишет в блокноте, очень мелко, очень аккуратно, в столбик:

Тракай
Крепость
Немецкий турист, автобус, караимы, пирожки, ресторан
Отменяем ужин
Да вообще все отменяем к чертям собачьим!
Эспрессо, кафе
И так далее – тут понятно
Женщина
Близнецы
Озеро Гальве
Сказки, сны, грибы, малина
Катамаран
Сигареты – тут обязательно!
Фонарь
Лодка
Лодка
Лодка
Золотая лодка
Вот то-то же
А потом...

Яростно сминает в пепельнице недокуренную сигарету и пишет под этим аккуратным столбцом неразборчивым, размашистым, словно бы чьим-то чужим почерком: «Необъятный простор и ничего священного. Бодхидхарма, Лян Уди, Шопенгауэр, копирайт».

И, внезапно утратив интерес к своим запискам, перечеркивает их крест-накрест. Не удовлетворившись результатом, тщательно штрихует каждое слово, чтобы разобрать его было невозможно при всем желании, никогда. Никогда, никогда.

Пока он черкает старательно, как первоклассник, прикусив от усердия кончик языка, серебристые осенние сумерки сгущаются и синеют, а потом наступает ночь.

Дом для кошки и дракона

– Мы не можем взять кошечку, – терпеливо твердила Вера. – Котикам у нас дома жить нельзя.

Нийоле сидела в траве, крепко обняв маленькую полосатую кошку, и рыдала так громко, что вряд ли слышала материнские объяснения. Но Вера продолжала говорить в надежде, что рано или поздно дочка устанет плакать и волей-неволей прислушается к ее словам.

– У нашей бабушки аллергия на кошек, – говорила Вера. – Это... ну как тебе объяснить? Помнишь, мы читали сказку про отравленную рубашку? Вот аллергия – это почти все равно что такую рубашку надеть. Бабушка погладит кошку и сразу начнет кашлять и задыхаться. Ее заберут в больницу и станут делать уколы. Много уколов, по десять раз в день! Бабушке будет очень плохо. Ты же любишь бабушку? Ты же не хочешь, чтобы она заболела?

– Не хочу! – сквозь слезы подтвердила Нийоле.

«Ну слава богу, – подумала Вера. – Хотя что-то она слышит. Не совсем впустую говорю».

– А еще у нас есть Рукас, – напомнила она. – Наш Рукас самый лучший в мире пес, но вот беда – кошек он не любит. Он не виноват, с собаками так часто бывает. Помнишь, мы читали сказку, почему собаки враждуют с кошками?

– Из-за кольца¹¹, – все еще подвывая, откликнулась дочь.

– Правильно. И хозяевам редко удастся их переубедить. Ты же не хочешь, чтобы Рукас укусил кошечку?

– Не хочу! – выкрикнула Нийоле. И заплакала еще горше. – Мама, она такая маленькая! И совсем одна! Ей негде жить!

– Может быть, есть, – неуверенно предположила Вера. – Просто сейчас кошечка вышла погулять. А потом вернется домой.

– Негде! – рыдала дочка. – Негде! Она такая худенькая и голодная. Наверное она сирота-а-а-а!

– Мы можем ее покормить, – предложила Вера. И, подумав, добавила: – Если хочешь, мы можем кормить эту кошечку каждый день. Всегда будем брать на прогулку еду и кормить твою подружку.

Нийоле притихла и посмотрела на мать с некоторым интересом. Видимо, ей просто не приходило в голову, что кормить кошку можно, не забирая ее в дом.

– А зимой? – наконец спросила она. – Зимой будет холодно. Кошечка замерзнет.

– Ну что ты, – преувеличенно бодро ответила Вера. – У нее же шубка. В шубке зимой хорошо, тепло.

Теперь она чувствовала себя враньей. Вряд ли так уж хорошо зимой бездомным котам. Разве что, в чей-нибудь теплый подвал повезет пробраться. Впрочем, у этой полосатой все шансы неплохо устроиться. Вон какая хитрая морда. И обаяния море. Такие обычно не пропадают.

– Пойдем-ка домой, – сказала Вера. – Возьмем еду и сразу вернемся.

– Правда? – спросила дочь, неохотно отпуская кошку.

– Честное слово, – твердо ответила Вера.

¹¹ Распространенный сюжет, встречающийся как в европейских, так и в азиатских народных сказках: кошка и собака дружно помогают хозяину вернуть украденное (или отнятое силой) волшебное кольцо, а общими усилиями добившись успеха, ссорятся навек, не поделив заслуженные лавры.

– Честное фейское? – уточнила Нийоле, большая любительница волшебных сказок, твердо уверенная, что они с мамой ведут свой род от самой настоящей феи из волшебной страны, которая, по версии Нийоле, однажды пошла в лес за грибами, заблудилась и попала к людям, где сперва сто лет плакала, а потом вышла замуж, чтобы не было так скучно жить одной. И родила пра-пра-бабушку Беатрису – не зря же та такая красивая на единственной сохранившейся фотографии. И имя у нее удивительное, больше никого из людей так не зовут. Сразу понятно, что феина дочка.

– Честное-пречестное, – подтвердила Вера. – А если в холодильнике не найдется ничего подходящего, возьмем немножко еды у Рукаса. Главное, не проболтайся ему, что это для кошки, а не то он очень на нас обидится.

– Я скажу, что еда для моей новой подружки, – пообещала Нийоле. – Тогда и я не совру, и Рукас не догадается.

И прошептала в мохнатое кошкино ухо, любовно оглаживая тощий полосатый бок:

– Ты отсюда никуда не уходи, пожалуйста! Дождись нас, мы кушать принесем.

Вскочила и побежала к дому, окрыленная предстоящим делом. Словно и не она так горько и безутешно рыдала всего две минуты назад.

– Недопустимо впускать огненное стремительное, из сердечного центра бесконечно летящее, его не покидая, чужие границы сметающее, на седьмой уровень общего бытия, где наше внимание объединяется с намерением тех, кем мы были, и памятью тех, кем мы еще не начали становиться, – говорил Той Лори Каар Цу Мальян Тай своему будущему, безымянному пока двойнику, видеть сны о котором ему поручили на последней встрече Ближнего Зримого Ряда.

Иными словами, он пытался спокойно и доходчиво, самыми простыми словами объяснить младшему братишке, почему тот не может взять в дом приглянувшегося ему юного дракончика, каким-то образом оставшегося без присмотра и по неведению влетевшего прямехонько на границу заповедной зоны общего внимания их семьи.

– Продолжительное пребывание овеществленной сути плотного пламени на нашей седьмой глубине может привести к полному взаимному соприкосновению. И, как следствие, обожжет наш незримый внутренний ряд и охладит сердце живого движения, созерцая которое, ты ликуешь сейчас, – говорил он малышу. – Даже в дальнем полуденном сне изможденного старца, мимо которого однажды прошел тот, кого я не вспомню ни на одном из Порогов, не хотелось бы мне увидеть танец, в который мы все будем тогда вовлечены!

Таким образом Той Лори Каар Цу Мальян Тай старался втолковать несмышленому ребенку, что пребывание в их доме может повредить здоровью дракончика. И, к тому же, причинит немало беспокойства всем членам семьи.

Но малыш слушать ничего не желал. Знай твердил свое:

– Сияет! Сияет, сверкает, летит хохоча! Хороший и светлый такой! Не знает, как остановиться, устал, угасает, а сна для него здесь нет. Спрятать могу, унести, успокоить, вместе уйти в глубину, а когда отвердеет, заново овеществившись, пусть следует дальше, как новая песня о нас.

Какой непонятливый! Будь Той Лори Каар Цу Мальян Тай человеком, уже давно рассердился бы на братишку. Но к счастью, он был не человеком, а

четыреждырожденным демоном ночной глубины, чрезвычайно сдержанным, как подобает всем юным владыкам тайных стихий, не взрастившим еще в себе сладкое зерно вечного жизнетворящего гнева.

Поэтому он только вздохнул, вызвав несколько внеочередных, но желанных темных отливов в океанах Правой Стороны, и начал все сначала. Для существа столь нестабильной природы Той Лори Каар Цу Мальян Тай был необычайно терпелив.

– Ладно, тогда я тебе покажу, как станет, если возьмешь на глубину огненное живое, советам моим вопреки, – сказал он малышу. – Смотри, да не вздумай плакать, не то первое имя власти, которое, по моим сведениям, уже на пути к тебе, никогда не достигнет даже самых дальних окраин твоего внимания, решив, что ты слишком слаб, чтобы его носить.

Все взрослые почему-то любят грозить детям, что те никогда не вырастут, если будут реветь, как младенцы. И многорожденные демоны ночной глубины, увы, вовсе не исключение.

Врут, конечно. Покажите мне хоть одного реву, которому не пришлось повзрослеть в свой срок. Но детей подобные обещания обычно ужасно пугают. Они не знают, что быть взрослым – неизбежная участь, а вовсе не награда за особую доблесть.

– Не буду плакать, буду сиять и петь! – пообещал братишка. – Показывай, я готов погрузиться во все цвета твоего зрения.

Вот и молодец.

– Что ты творишь, птичка моя? – изумленно спросил Кястас.

Надо отдать ему должное, для человека, только что обнаружившего, что дочь утащила в свою комнату его новую шляпу и уже успела намертво приклеить ее к колченогой табуретке, Кястас был на удивление благодушен.

– Я строю дом для кошки, – ответила Нийоле. – Мама сказала, нам нельзя брать кошечку к себе, потому что Рукас ее укусит, а бабушка заболеет. Но жить на улице плохо. Я бы не хотела! Поэтому я делаю кошке новый дом. Потом отнесу в парк и спрячу в кустах. Кошечке в домике будет уютно. И тепло зимой. И всегда можно спрятаться от собак и злых мальчишек. Никто не догадается, что тут живет кошка.

– Да уж, пожалуй, – кивнул отец, изо всех сил сдерживая смех. – Мне бы тоже в голову не пришло.

Дом для кошки представлял собой зрелище настолько фантасмагорическое, что Кястасу даже шляпы не было жалко, хоть и не поносил ее толком. Он всегда ценил искусство. Особенно авангардное. А дочкину работу хоть сейчас на Art Basel¹² вези. С кошкой или без, всяко хорошо.

Между ножками табуретки были натянуты куски ткани: застиранное кухонное полотенце, лоскуты старого леопардового пледа, еще раньше порезанного на кукольные одеяла, розовая кружевная майка, из которой Нийоле давным-давно выросла, но до сих пор не позволяла выбрасывать, бабушкин клетчатый носовой платок, какой-то незнакомый, то ли найденный на улице, то ли просто забытый кем-нибудь из гостей синий мохеровый шарф и даже незаконченная вышивка – все что ей удалось раздобыть. Крепились эти тряпки при помощи все того же погубившего шляпу супер-клея и Нийолиных

¹²Art Basel – престижная ярмарка современного искусства, ежегодно проходящая в Базеле и собирающая крупнейших коллекционеров и арт-дилеров со всего мира.

разноцветных ленточек, которые присутствовали в композиции не то для дополнительной прочности, не то просто для красоты – поди разбери. Сидение табуретки было оклеено по краям искусственными цветами и бабочками – любимые дочкины заколки, все как одна. Ну а в центре располагалась его бывшая новая, ныне покойная шляпа, возвышавшаяся над тряпичным газоном как могильный курган, совсем недавно насыпанный и еще не успевший порости травой.

– Папа, – сказала Нийоле. – Ты наверное думаешь – какая я глупая, что не сделала самое главное! У любого дома должен быть пол. А я не глупая, я просто не знаю, из чего его сделать. Картон не подходит, он быстро промокнет. А больше ничего у меня нет. Помоги мне пожалуйста. Придумай что-нибудь!

Ну и что, пошел как миленький в кладовку за гвоздями и молотком. Очень уж любил в дочке эту черту характера – искать и находить выход из любого положения. Нельзя взять в дом бездомную кошечку? Ладно, тогда построим ей другой дом, еще лучше нашего. Пусть там живет-поживает, добра наживает, а мы будем в гости ходить.

Хотя, конечно, на кошкином месте, Кястас вряд ли стал бы спешить с переездом. Но это уж пусть Нийоле ее уговаривает. Или самостоятельно приходит к выводу, что кошка все-таки не уличная, а домашняя – если уж наотрез отказывается от жизни в таком прекрасном дворце.

Спросил:

– Как ты думаешь, старая шахматная доска устроит твою подружку?

Нийоле всерьез задумалась. Наконец кивнула.

– Мне кажется, да. Это очень красиво. И не размокнет, как картонка. А если вдруг кошечке станет скучно, сможет позвать кого-нибудь в гости и поиграть в шахматы. Как ты думаешь, кошка может научиться?

– Если она умная, то запросто, – твердо сказал Кястас. – Умные кошки способны на все.

– Тогда все в порядке, – решила дочь. – Моя кошечка очень умная, хотя еще совсем маленькая. Может быть, она вообще вундеркинд!

– Наверняка, – заверил ее отец.

И принялся прибивать ножки старого кухонного табурета к шахматной доске.

– Ты мне одно объясни, – сказал он дочери, заколачивая первый гвоздь. – Зачем тебе понадобилась моя шляпа? И без нее было бы очень красиво. А мне теперь новую покупать.

– Ты, наверное, не знал, – серьезно ответила Нийоле, – но твоя шляпа не простая, а волшебная. Настоящая шляпа–невидимка! Просто она действует не всегда, а только если тому, кто под шляпой, угрожает опасность. Тебе это не надо, ты большой и сильный, никого не боишься. Маленькой кошке гораздо нужней!

– Аргумент, – Кястас отвернулся, скрывая улыбку. – С тобой не поспоришь. Но в следующий раз все-таки спрашивай разрешения. Ну или будь готова, что я утащу на работу всех твоих кукол – тоже без спросу. А потом скажу: просто мне было нужней.

– Ладно, – вздохнула Нийоле, – уноси. Я думала, взрослые в куклы никогда не играют. И на работу с игрушками вам приходиться нельзя. Но если хочешь, забирай кукол за шляпу, это честно.

– Рад, что ты так думаешь. Но давай лучше просто никогда не будем ничего друг у друга таскать без спроса. Два хороших человека всегда могут

договориться, и мы с тобой не исключение. Лично мне для тебя ничего не жалко. Даже любимую шляпу-невидимку, хоть и не представляю пока, где еще такую найду.

Той Лори Каар Цу Мальян Тай замедлил дыхание, чтобы придать своему вниманию утешительно сладостный вкус, и бережно направил его к границам восприятия своего безымянного, но уже осуществленного двойника.

Будь они людьми, можно было бы сказать, что Той Лори Каар Цу Мальян Тай гладит младшего брата по голове.

– Погрузившись на нашу седьмую глубину, юный чудесный зверь вскоре угаснет, причинив нам смятение и боль, я это видел. И знаю теперь, о чем ты тревожился, провозглашая запрет. Но и тут, на ближнем краю всех времен и вещей, его пламя тоже вскоре угаснет. Это несправедливый, бессмысленный ход событий, препятствующий порядку, – печально пел малыш.

Он сдержал слово и не заплакал, увидев, сколь безрадостно может закончиться для всех заинтересованных лиц попытка поселить дракона в их общем семейном доме. И даже слегка сиял, напевая, как обещал. Однако песнь его была исполнена грусти, и Той Лори Каар Цу Мальян Тай целиком разделял это чувство. Тем более, что оно было его собственным. Родственные связи демонов ночной глубины столь крепки, что братья – это, можно сказать, одно существо, разлученное с самим собой лишь реками времени, которые, впрочем, любой взрослый, даже всего лишь дваждырожденный, умеет преодолевать вброд, не замочив бороды.

Поэтому Той Лори Каар Цу Мальян Тай почувствовал внезапный вдохновенный восторг младшего брата прежде, чем тот заговорил.

– Я знаю, что делать! – воскликнул малыш. – Дай мне скорей твое имя. Всего одно, ненадолго. Мне нужна сила твоей темноты, чтобы добраться до того сновидения, где можно построить дом, подходящий для тела живого огня. Пусть остановится и отдохнет. И возродится счастливым, себя не предав забвению.

Некоторое время Той Лори Каар Цу Мальян Тай размышлял, допустимо ли исполнять столь необычную просьбу. И решил, что стоит рискнуть. Очень уж понравилась ему находчивость младшего брата, столь быстро пришедшая на смену великой печали. Действительно, почему бы не попробовать помочь славному юному дракону? Никогда прежде не слышал о подобных поступках. И сам ни за что бы не взялся. Но дети на то и дети, чтобы совершать порой невозможное, просто не зная, что оно невозможно, не понимая до конца стоящий за этим словом смысл.

– Нарекаю тебя именем Тай на все времена, что понадобятся для успешного завершения задуманного тобой дела, – решительно сказал он.

И потом уже ни во что не вмешивался, только смотрел, замерев, как будто сам стал единогождырожденным, туманным младенцем, не сбывшимся еще существом, которому все в новинку, и даже каждодневное приготовление завтрака – величайшее чудо из чудес.

Поздно вечером, в половине одиннадцатого, когда пили на кухне чай, закусывая темным, вязким яблочным сыром, из коридора раздался топот босых ног, и на пороге возникла Нийоле, растрепанная и хмурая, сна – ни в одном глазу, как будто не она так сладко зевала еще два часа назад, утомившись не

столько строительством дома для кошки, сколько собственными восторгами по поводу его удобства и красоты.

– Надо прямо сейчас отнести в парк кошечкин домик, – сказала она.

– Обязательно именно сейчас? – изумился отец.

А Вера растерянно добавила:

– На улице дождь.

– Правильно, дождь, – кивнула Нийоле. – Вот поэтому! Кошечка там промокнет и простудится. А ее некому лечить. Пожалуйста, давайте отнесем домик сейчас!

Кястас открыл было рот с твердым намерением объяснить дочери, что ночью детям положено спать. А играть с кошкой и ее домом, тем более, в парке надо с утра. Которое, между прочим, скоро наступит, стоит только закрыть глаза, и сразу – оп! Пора подниматься. Причем на работу. Мне.

Но так ничего и не сказал.

– И еще сейчас никто не станет за нами подглядывать, – добавила Нийоле. – Злые мальчишки и уличные собаки спят. Они не увидят, где стоит кошечкин дом. А потом заработает шляпа-невидимка, и тогда его уже точно никто не найдет.

– Вопрос, найдет ли свой дом сама кошка, – заметила Вера.

Дочкино волнение незаметно передалось и ей. Но очень уж не хотелось одеваться и идти под дождь.

– Кошка пойдет за нами и все увидит, – заверила ее дочка. – Она уже сидит на нашем заборе и ждет.

– Сидит на заборе? – удивился отец. – Да ну. А почему Рукас не лает?

– Так она с другой стороны сидит. Из моей комнаты видно. Идем, покажу.

Ничего не подделаешь, пошли посмотреть на кошку. Которая и правда сидела на заборе, под проливным дождем. И представляла собой настолько душераздирающее зрелище, что Кястас сказал:

– Ладно. Сейчас оденусь и вынесу ей табу... в смысле, домик. И покормлю заодно. А вы оставайтесь тут, незачем всем мокнуть.

– Но кошечка пойдет только со мной! – воскликнула Нийоле.

– Ладно, – согласился отец. – Но чур ты наденешь резиновые сапоги и дождевик. А потом выпьешь на ночь столько горячего молока, сколько в тебя поместится. То есть, самую большую кружку. Если согласна на мои условия, марш одеваться. Быстро!

– Тогда и я с вами, – решила Вера. – В конце концов, мы уже сто лет не гуляли по парку всей семьей. Хоть и живем почти на его краю. Лучше дождливой ночью, чем совсем никогда.

– Будем считать, это у нас утренняя прогулка дружной семейки вампиров, – проворчал Кястас, натягивая свитер. – Где мой любимый черный-пречерный крылатый плащ?

– Ты не вампир, – строго сказала Нийоле. – Ты хороший. И мы с мамой не вампиры, а волшебные феи. Просто даже самым добрым феям иногда приходится колдовать по ночам.

Той Лори Каар Цу Мальян, четырехдырожденный демон ночной глубины, так увлекся происходящим, что даже не сразу почувствовал нежное прикосновение своего последнего имени, одолженного братишке, а теперь вернувшегося назад.

Конечно, быстроспохватился, принял имя, преобразился и снова начал зваться Той Лори Каар Цу Мальян Тай. Как будто вернулся сам к себе из далекого путешествия. Подумал, что такое событие, пожалуй, не грех и отпраздновать. Не прямо сейчас, конечно, немного позже, ибо долг прежде всего.

– Не то удивительно, что ты справился с поставленной задачей, – сказал он снова ставшему безмянным, счастливому и ослабшему от давешней пляски малышу. – В нашей семье никто не умеет терпеть поражений, и тебе неоткуда унаследовать сей скорбный дар. Удивительно то, как ловко ты взялся за дело. Решил брать не силой, а хитроумием и мастерством. Хотел бы я знать, где мы с тобой могли научиться вплетать в вечность своих сновидений чужую скоротечную жизнь, разбавленную прошедшим мимо нас временем и холодной небесной водой? Я и правда не припоминаю.

– Мы с тобой научились этому только что, за работой, – сонно пропел малыш. – Кто-то должен быть самым первым во всяком искусстве, если некому начинать, то и нет ничего. Я сейчас исчезаю, а когда, отдохнув, появлюсь на ближней границе твоего бытия, попробуем снова. Ты согласен? Не хочу, заигравшись, забыть это умение, оно нам еще не раз пригодится, правда?

– Правда, – ответил Той Лори Каар Цу Мальян Тай.

И, воспользовавшись тем, что братишка ушел на обычную для его возраста и совершенно недостижимую для старших двадцать седьмую глубину полного сновидения, поспешно улетел во все стороны сразу. У Той Лори Каар Цу Мальян Тая было очень много дел: выпить, отпраздновав собственное возвращение, развлечься медленным танцем, неоднократно вывернуться наизнанку на любовном свидании, написать бело-радужной молнией по далеким чужим берегам добрую дюжину давно обещанных писем, немного побыть океаном во время прилива – словом, как следует отдохнуть.

Возвращались из приозерного парка домой по улице Уосю к себе на Нумерю, где за невысоким зеленым забором ждал их возвращения верный Рукас. Почуял своих издалека, не удержался, восторженногавкнул на весь Шяуляй, но тут же смущенно умолк, вспомнив, что шуметь по ночам без нужды ему не велят.

Шли в клеенчатых дождевиках под мелким дождем, сквозь разведенную жидким фонарным светом тьму, и Кястас думал: «Ни дать ни взять семейка привидений, даже жаль, что некому нас сфотографировать. Впрочем, ладно, я просто запомню, и так хорошо». А Вера думала: «Какая умная кошечка, сразу пошла за нами, не пришлось тащить на руках. И даже в эту дурацкую Нийолькину халабуду добровольно полезла, а я-то планировала заманивать ее туда едой, да и то совсем не была уверена в успехе. Такая покладистая, даже жалко, что мы не можем ее к себе взять». А Нийоле держала за руки обоих родителей и сонно думала: «Здорово у нас получилось! И кошечке теперь хорошо, сухо, тепло и совсем не страшно. В моем волшебном доме, под папиной шляпой-невидимкой точно не пропадет».

Юный дракон закрыл глаза и какое-то время лежал, наслаждаясь полной неподвижностью. Он пока понятия не имел, что это за место, и почти не помнил, как тут очутился. Решил: главное, что здесь можно отдохнуть. С

остальным будем разбираться потом. Все-таки очень устал. Как никогда в жизни. Прежде даже вообразить не мог, что так бывает!

Это одна из самых серьезных опасностей для маленьких драконов, оставшихся без присмотра: порой они так увлекаются полетом, что потом уже просто не могут остановиться без посторонней помощи. И черт знает куда способны залететь, включая такие удивительные пространства, в пределы которых взрослому дракону ни за что не попасть. И летают там, опьяненные новыми впечатлениями, пока не развоплотятся от усталости. Никто не знает наверняка, что случается с драконами, утратившими телесность; ясно однако, что превратиться они после этого могут во что угодно. И даже забыть, кем были прежде. Очень грустно!

Однако если юному дракону каким-то чудом удастся остановиться и как следует выспаться, дела его потом идут на лад. И дорога домой отыскивается как миленькая, и родные так радуются встрече, что забывают навешать подзатыльников за легкомыслие, и новые приключения сулят гораздо меньше опасностей, потому что опыт – великое дело, а теперь он у нас есть.

Дракон начал было засыпать, как вдруг его отвлек тихий, но очень странный звук – впрочем, скорее приятный, чем наоборот. Но все равно любопытно, что там такое творится.

Лениво приоткрыв один глаз, дракон огляделся и увидел, что лежит на красивом клетчатом полу, здорово напоминающем поле для игры в шахматы, которым обучают драконьих младенцев, как только те вылупятся из яйца – чтобы были при деле и заодно постигали азы элементарной логики, благо она как молоко и огонь – всем нужна и никому не повредит. Поэтому драконам очень нравится разглядывать шахматную клетку: этот узор возвращает их к первым блаженным неделям младенческого бытия.

Однако от созерцания пола дракона снова отвлекли. Звук стал немного громче и как бы настойчивей, хотя трудно было вот так сразу сформулировать, в чем именно эта настойчивость выражается. Впрочем, юный дракон довольно быстро смекнул, что звук – просто речь на незнакомом ему языке. Но совсем необязательно учить язык, чтобы понять смысл столь простого и внятного высказывания. Рядом было какое-то живое существо, и оно требовало внимания.

К этому дракон уже успел привыкнуть, хоть и жил на свете совсем недолго. Внимание драконов столь сладостно, что его домогаются все подряд. Даже те, кто боится, что за внимание дракона придется заплатить жизнью. И даже те, чьи опасения, скажем так, не совсем напрасны.

Но еще никто и никогда не требовал драконьего внимания столь настойчиво. Словно бы от рождения знал, что имеет на него полное право. И, более того, не сомневался, что самому дракону тоже очень понравится, и можно будет сразу стать друзьями навек, и ни о чем больше не беспокоиться.

Приглядевшись повнимательней, дракон увидел, что к его животу прижимается крошечный зверек. Зверек был серый, полосатый и очень теплый. И смутно похож на что-то знакомое. А, точно, – вспомнил дракон, – на картинку из любимой детской книжки «Самые удивительные существа Вселенной, подлинные и не совсем». Зверек назывался «кошка»; в книге говорилось, что с такими легко поладить, потому что за драконье внимание кошки платят звонкой монетой – счастьем, которое бывает столь велико, что его легко ощутить даже на расстоянии.

Но сейчас ни о каком расстоянии и речи не шло: маленькая полосатая кошка прижималась к драконьему животу, мяла его мягкими лапками, громко мурлыча, и действительно была так счастлива, что с юного дракона даже сон сперва слетел – от остроты переживаний. Но потом, конечно, вернулся. И уже несколько минут спустя дракон и кошка, крепко спали, свернувшись клубками на полу своего нового дома, прижавшись друг к другу горячими ласковыми телами, огненным и меховым.

Одно пальто на двоих

Вечно ты назначаешь встречи в таких местах, что еще поди туда доберись.

В детстве надо было сперва выйти из дома во двор, где нам разрешали гулять без взрослых, практически бесконтрольно, только изредка мамы и бабушки поглядывали в окна, но даже если не видели, не волновались: двор у нас очень большой, и всегда можно потом объяснить, что играли с ребятами в прятки в другом конце, между густыми кустами жасмина и кирпичной стеной старой заброшенной гауптвахты, перелезть которую нам, конечно же, не позволялось, но, честно говоря, нарушителей почти никогда не ловили и не карали, мамам было не до того, а отцы, возвращаясь со службы, деликатно отворачивались, случайно заприметив кого-нибудь на гребне этой запретной, почти Великой Китайской стены, потому что каждый из них твердо знал: будь я сейчас мальчишкой, лазал бы на эту чертову стенку с утра до вечера, и делайте со мной что хотите – потом. И втайне ликовали, что дети, родные и соседские, дочери и сыновья, полностью солидарны с ними в этом важном вопросе, с такими наследниками вполне можно жить.

В общем, залезть на кирпичную стену – это был вовсе не подвиг, обычный каждодневный поступок, хотя голова у меня всегда почему-то кружилась от высоты. Не то чтобы по-настоящему страшно, просто довольно неудобно лезть вверх, когда колени дрожат как кисель, ступни теряют чувствительность, а перед глазами плывет разноцветный туман. Но плевать на туман тому, кто уже успел прочесть столько волшебных сказок о чужих подвигах, что считает храбрость нормой, обычным качеством, свойственным не только принцам и дуракам, а вообще всем живым существам, включая сказочных ежей и поросят – ну не могу же я оказаться трусливей какого-то поросенка?! Вот и лезешь вверх как миленький, а потом, повиснув на руках, прыгаешь вниз, озаряя мир победоносной щербатой улыбкой.

И если бы ты поджидал меня сразу за этой кирпичной стеной, все было бы очень просто. Слишком просто для нас.

Однако стена – это только первый этап, способ покинуть двор незамеченным, потому что все остальные выходы отлично просматриваются из окон, кто-нибудь да увидит, будет потом скандал, еще и запрут на весь день за нарушение договора – справедливо, а все равно обидно. И ты тогда, получается, будешь ждать напрасно, обидишься и в следующий раз, чего доброго, не придешь. И это пугало меня куда больше, чем все наказания в мире.

Поэтому покидать двор следовало осторожно. Даже на воле, там, за кирпичной стеной, в любой момент можно было нарваться на кого-то из взрослых, не на мать, развешивающую белье, так на одну из соседок, которые все как одна, к сожалению, в курсе, что тебе нельзя болтаться на улице. Тут, по идее, ничего не поделаешь, но мне всегда помогало представлять, будто я иду – даже не в сказочной шапке, а в длинном плаще-невидимке до пят. И если удавалось как следует сосредоточиться, соседки меня не замечали, по крайней мере, издалека. А близко к ним подходить, проверять: видит, не видит, – кто же рискнет, когда уже назначена очередная самая важная в мире встреча – в четыре, на пустыре.

Чтобы попасть на пустырь, надо было дойти до конца квартала и перейти дорогу, то есть, проезжую часть, а это уже считалось нешуточным преступлением, если бы дома узнали, не выпустили бы во двор, как мне в ту пору казалось, вообще никогда; на самом же деле, думаю, где-то с неделю, не больше. Но когда тебе всего пять с половиной лет, «через неделю» – это и есть «никогда», или «почти никогда» – примерно как школа и старость, которые случаются очень, очень нескоро, гораздо позже, чем даже, например, Новый год, в который пока совершенно невозможно поверить, хотя точно помнишь, что пару раз он уже наступал.

А все-таки у меня хватало смелости перейти на другую сторону, дождавшись, пока на проезжей части не будет вообще никаких машин. Ясно, что ни один водитель не смог бы меня заметить, я же по-прежнему в плащевидимке, куда без него – через дорогу почта, за ней магазин, и соседи ходят туда-обратно так часто, что если сидеть, притаившись, в засаде, ждать, пока они все наконец уйдут, я совершенно точно опоздаю к тебе на пустырь, половина четвертого была давно, еще во дворе, мне дядя Женья сказал. Хорошо что все взрослые носят часы и всегда готовы ответить на вопрос: «Сколько время?» – в смысле, «который час?»

Пустырь начинался почти сразу за почтой, и он был огромный, как море, совершенно бескрайний, или мне просто тогда так казалось? Я до сих пор помню, что даже на горизонте не виднелось ни домов, ни деревьев – хотя это, конечно, неправда, не мог наш пустырь быть таким бесконечным. Когда ходили с мамой в рощу за щавелем или с папой в лес за грибами, пересекали его буквально за пять минут. Но с тобой мы так ни разу и не добрались до края, хотя, вроде, старались. Я – так точно старался, потому что ну ясно же, что именно там, за пустырем, начинается самое интересное. До сих пор, кстати, не представляю, «самое интересное» – это что? Какое? О чем?

Но однажды, конечно, увижу своими глазами.

А пока я вижу только тебя – издалека. Ты обычно приходишь на встречу первым, и надо мчаться к тебе бегом, размахивая руками, орать во всю глотку: «Привееееет!» И ты, конечно, сразу заметишь меня, но не слезешь с дерева, не поднимешься с камня, не спрыгнешь с подоконника очень старого дома, от которого осталось всего две стены, а дождешься, пока подойду поближе, и спросишь: «Ну и чего ты так орешь?» «Чтобы не взорваться от радости», – объясняю тебе я взрослыйотсюда, из настоящего времени, из своего «вот прямо сейчас». А я пятилетний в далеком «тогда» просто подпрыгну несколько раз от избытка чувств, переведу дух и спрошу: «Пойдем сегодня искать сокровища?»

И мы, конечно, пойдем.

И найдем ровно столько, сколько я смогу унести в карманах и в сердце, маленьком, еще не привыкшем получать на вечное хранение наш смех, кувырки в траве, бледно-розовые цветы и сладкую землянику, в которую они превратятся чуть позже, белый хвост самого настоящего зайца, пробежавшего всего в нескольких метрах от нас, и твои невероятные истории о людях, живших когда-то давно в домах, на месте которых теперь морем разлился пустырь, необитаемый, бесконечный как море, наш с тобой навсегда, и от этого слова голова снова кружится, как на гребне высокой кирпичной стены, но я все равно не боюсь.

С карманами проще, их можно до отказа набить кусками гибкой проволоки, крапчатыми камнями, разноцветными стекляшками, черными, морщинистыми

как изюм, прошлогодними ягодами шиповника, и что там еще я всегда волоку домой с пустыря и аккуратно складываю в коробку, надписанную красным фломастером: «Сокровища» – криво, буква «к» смотрит в другую сторону и «щ» без хвостика, но так даже лучше, никому не понятно, почти тайный шпионский шифр.

А немецкую монетку с удивительной надписью «1/2 марки», отчеканенную в, страшно подумать, тысяча девятьсот пятом году, я храню до сих пор, хоть и трудно в это поверить, я же все на свете теряю, у меня даже часы подолгу не живут, куда-то деваются, исчезают прямо с руки. А тут – крошечная монетка, найденная на пустыре тридцать с лишним лет назад, куда угодно могла успеть закатиться за эти – одиннадцать? двенадцать? тринадцать тысяч дней. Но нет, ничего, цела, висит на цепочке, которую я, конечно, не ношу наяву и почти никогда не снимаю во сне.

Будь моя воля, остался бы на том пустыре навсегда, или хотя бы до ужина, на который хочешь, не хочешь, а позовут, высунувшись из окна, и в это время лучше оказаться где-нибудь на виду – если, конечно, хочешь, чтобы завтра опять выпустили во двор.

Но пока мы с тобой бродили с полными карманами новых сокровищ, почти по пояс в траве, мне было плевать на все, поэтому ты всегда спохватывался первым, говорил: «Пошли, я тебя провожу, переведу на ту сторону, я же все-таки старше», – вот только бы лишний раз похвастаться!

Впрочем, мы оба знали, дело вовсе не в том, кто старше, просто тебе очень нравился мой придуманный плащ-невидимка, он у нас один на двоих, и так здорово было идти в нем вдвоем мимо взрослых, застывших у здания почты, тихонько хихикать от радости, убеждаясь, что они нас не видят, крепко держась за руки, перебегать дорогу, в обнимку нестись по улице до самой кирпичной стены, которую я перелезу и окажусь во дворе, где мама и тетя Валя не обратят никакого внимания на мое внезапное появление, они сейчас, ругаясь, собирают белье, сорванное с веревки внезапным порывом ветра, а тебе еще возвращаться обратно, поэтому плащ-невидимку можешь оставить, мне не жалко, в следующий раз представлю, что у меня есть новый, это очень легко.

А сколько раз мне приходилось прогуливать школу – конечно, из-за тебя. Даже в самые первые годы, когда учеба еще не успела мне надоесть, и оставалась надежда, что на одном из уроков нам все-таки начнут объяснять нечто по-настоящему важное и интересное, откроют один за другим сто невероятных секретов про жизнь, ради которых, собственно, и придумали школы. А зачем бы еще?

Но когда ты говорил: «Встречаемся в пятницу, прямо с утра», – я, не раздумывая, сворачивал в соседний подъезд, перекладывал в карманы яблоко и бутерброды, прятал ранец с учебниками на тетисашином чердаке, где под сваленными в кучу пустыми коробками у меня был надежный тайник, шел на бульвар, на трамвайную остановку и ехал туда, где ты меня ждешь.

Всякий раз это оказывалось какое-нибудь новое место, поди его отыщи, когда еще ни разу там не был, и вообще очень плохо пока знаешь город, толком освоил всего два маршрута: в школу и в библиотеку, куда можно ходить одному, без родителей. И конечно только пешком, какие трамваи-троллейбусы, даже думать не смей! Ездить без взрослых, самостоятельно пробивая выданный на дорогу талон, мне разрешат только летом после четвертого класса, да и то

неохотно, потому что некому будет сопровождать меня трижды в неделю после уроков в строго рекомендованный врачами бассейн, а потом, два часа спустя, встречать и везти обратно.

Но к тому времени я уже стану опытным путешественником, которому однажды удалось добраться с тремя пересадками аж до Селекционного института, а это уже совсем окраина, дальше только аэропорт. Однако выбора не было, ты ждал меня именно там, хотел показать, как живут неизвестные нам, скорее всего, марсианские растения под прозрачным пластиком парников, как юные лаборантки в белых халатах вынесли погулять по траве черепашку, чей панцирь то ли помечен, то ли случайно заляпан оранжевой краской, как строгие дяденьки в костюмах и галстуках рисуют шпионские знаки на глиняных горшках с рассадой, как институтский парк незаметно превращается в лесопосадку, за которой внезапно обнаруживаются железнодорожные рельсы, за ними глубокий овраг, а за оврагом начинаются заброшенные сады, где на деревьях уже переспела айва, душистая и очень терпкая, ни за что не стал бы есть ее дома, даже в компоте, но когда мы вместе лезем на дерево, чтобы собрать урожай, можно слопать целых шесть штук, не поморщившись. А потом, закутавшись в теплую куртку, одну на двоих, мою, сидеть рядом на толстой ветке, ежась на первом холодном осеннем ветру, метрах в пяти, наверное, от земли, но мне тогда, конечно, казалось – почти в километре, от такой невероятной высоты кружилась голова, и в глазах плясал разноцветный туман. Это было скорее здорово, чем страшно, отличное приключение, чем бы оно ни закончилось, хотя лучше бы не заканчивалось – вообще, никогда.

И я, честно говоря, до сих пор не понимаю, почему в какой-то момент всегда приходилось спускаться с этих айвовых небес на землю и возвращаться домой, нетерпеливо гадая, где встретимся в следующий раз: в закрытом на зиму парке аттракционов? на опустевшем пляже? на утреннем сеансе в кино? Заранее ясно одно: добраться туда будет непросто.

Но я доберусь.

В юности мы наконец-то стали соседями, жили на одной улице, и это были хорошие времена, хотя мне в ту пору часто казалось – плохие. Но только в те дни, когда тебя не пойми где носило, и ты не влетал в мою комнату без предупреждения по несколько раз на дню – спросить, как дела, не дослушав ответ, залпом допить мой кофе, нечаянно смахнуть со стола стопку книг, локтем пихнуть: «Ух ты, смотри, на каком интересном месте открылась», – и убежать, крикнув уже снизу, в окно: «Вечером, как договорились!»

«Как договорились» – это почти всегда означало «на крыше», потому что ты их в ту пору коллекционировал, всякий раз назначал встречу на какой-нибудь новой, щедро делился своими сокровищами, и моя дурацкая голова кружилась практически каждый день, но только после того, как мне удавалось найти нужный подъезд, тайную дверь на черную лестницу, выход с технического этажа, или просто отверстие в потолке, за края которого приходилось цепляться, подпрыгнув, а потом подтягиваться на руках, натренированных не в спортзале, а годами такой вот прекрасной практики – невозможно не подтянуться, когда точно знаешь, что ты уже сидишь наверху с биноклем, или бутылкой вина, или банкой мыльной воды и газетой, свернув которую в трубку, можно пускать такие огромные пузыри, каких мир доселе не видывал – пусть плывут над городом на радость редким прохожим, которым посчастливится

вовремя посмотреть вверх и увидеть в предвечернем синеющем небе наши с тобой осторожные выдохи во всем их блеске и радужном великолепии, диаметром – ну, не два метра, конечно, но иногда, сам знаешь, так охота приврать.

В ту пору у нас было одно пальто на двоих, даже не пальто, а черный бушлат, мне его подарил приятель, поступивший после школы в мореходное училище, чтобы своими глазами увидеть дальние страны и города, Сингапур и Лас Пальмас, Сциллу с Харибдой, Йокогаму, Варну и Гамбург, джиннов, сотворенных из бездымного пламени, Гуанчжоу, Ливорно, чончонов, пингвинов, Бомбей, песьглазцев и лотофагов, Антверпен, Южно-Китайское море, страну Пасиай, что к югу от Баласиана, в десяти днях пути, Балтимор, где все ходят в фирменных джинсах и пьют кока-колу – словом, все разнообразие мира, но, проучившись полгода, не вынес муштры и сбежал, а его казенный бушлат, осиротевший сосуд для хранения будущих мореходов, достался, в итоге, нам. То есть, сначала мне, и это оказалось чертовски кстати, потому что с деньгами в ту пору было хуже, чем просто никак. Ботинки, практически новые, в точности моего размера мы с тобой еще в ноябре случайно нашли в одном из чужих подъездов, по дороге на крышу, с которой, я помню, открылся потом лучший в городе вид на закат. Но без пальто зимой даже на юге не сахар, три старых свитера, один на другой, хороши только для коротких, как на войне, перебежек между домами, а для долгих спокойных прогулок уже немного не то.

На мне этот черный бурсацкий бушлат висел как на вешалке, рукава приходилось подворачивать, и выглядел я в нем, как сирота, хоть спичками под Рождество торгуй, все добрые сказочники мои. Зато на тебе он сидел как влитой, смотрелся как дорогое пальто, грех было не одолжить, когда ты в очередной раз объявлял, что собираешься на самое важное в жизни свидание – до сих пор интересно, с кем, но тогда я стеснялся спросить, а теперь, наверное, ты и не вспомнишь. Или отшутиться: «Конечно, с тобой», – и это отчасти правда, потому что ты никогда не приносил пальто мне домой, обязательно находил причину отдать его где-нибудь в городе, на площади у выключенного фонтана, в телефонной будке, на автобусной остановке, в полуподвальной кофейне, на балконе единственного в городе кинотеатра, где не то чтобы открыто разрешали курить, но почему-то не запрещали, вернее, демонстративно не замечали дымной завесы над залом, или на приморском бульваре, где ветер всегда так свеж и силен, что даже летом прохожие нет-нет да поежятся, а уж зимой там вообще немыслимо находиться, тем более, без пальто, в трех свитерах, надетых один на другой.

Но когда ты зовешь: «Приходи», – совершенно невозможно остаться дома, что бы ни творилось с погодой, вернее, что бы она ни творила с нами. Тем более, что после всякой пробежки по тонкому слою мокрого, обреченного на скорую гибель снега мне на плечи ложился тяжелый черный бушлат и оказывался обескураживающе теплым, как три десятка детских цигейковых шуб, одновременно накрывших меня с головой. И потом уже можно было гулять расслабленно, нараспашку и удивляться, как всякий раз в сумерках изменяется город, вот и теперь стал красивым, как на иностранных открытках, почти невозможно узнать. И, кажется, даже таблички с названиями улиц выглядят, как заграничные, и буквы там, боже мой, буквы! Это же лат... – но на этом месте ты решительно отмахивался от окончания «-инница», тащил меня в подворотню, подмигивал: «Что у меня есть!» – и доставал из кармана старую

флягу, наполненную не то бальзамом, не то просто каким-то странным ликером, никогда толком не разбирался в крепких напитках, да и пью их, кажется, только с тобой, чтобы согреться в сквозных, всеми ветрами продуваемых переулках, куда мы почему-то вечно заходим, на снежных вершинах крыш, которые заменяли нам горы, на взрезающих море пирсах и еще на мостах.

На мостах мы с тобой в последнее время встречаемся часто. Ну как – часто, пару раз в год, но и это совсем неплохо. В смысле, лучше, чем никогда, гораздо лучше, я знаю, мне есть с чем сравнивать, «никогда» у нас уже было, целая вечность протяженностью в восемь долгих, но, к счастью, конечных лет, когда тебя вдруг не стало ни на соседней улице, ни на одной из дальних окраин, ни...

Ай, неважно. Все в жизни бывает. Будем считать, потерялись. Теперь нашлись.

И когда мне снова приходит твоя телеграмма, срочная, как молния синей зимней грозы, я подскакиваю среди ночи и уже потом до утра не ложусь. Не потому что надо вот прямо сейчас паковать чемоданы, просто невыносимо спать, когда смысла вдруг стало настолько больше – сразу во всем, включая меня самого – что невозможно сладить с этим новым собой, который весь, целиком, сделался смыслом, от пяток до самой макушки, и еще на несколько метров вверх, вниз, в разные стороны, иначе просто не уместить.

И чтобы хоть как-то отвлечься, не взорваться, не лопнуть, не утратить телесность, не стать невесомым облаком, которое вылетит сейчас в окно, и привет, поминайте как звали, я включаю компьютер и начинаю искать билеты. Оно и неплохо, чем быстрее закажу их, тем лучше, потому что времени на сборы ты обычно даешь мне неделю, реже месяц – но слушай, на самом деле спасибо, что не всего двадцать четыре часа. С тебя бы случилось, расстояния давно перестали казаться тебе заслуживающей внимания преградой, а все-таки ты делаешь поправку на мою неповоротливость, иногда даже вспоминаешь, что у билетов на самолет бывает цена, и спрашиваешь: «Подкинуть тебе на дорогу?» И учти, вот прямо сейчас я тоже не откажусь. Но если нет, как-нибудь выкручусь, ты меня знаешь. И опоздаю максимум на полчаса.

Тебе, похоже, даже нравятся мои опоздания, потому что, дожидаясь меня, можно не спешить, не лететь, не мчаться, просто спокойно стоять на мосту, которые ты сейчас коллекционируешь, как когда-то крыши, куда мне приходилось лезть за тобой, проклиная дурацкую голову, взявшую моду кружиться, и благословляя все остальное – сразу, одновременно, всякий раз почти напоследок, потому что, ты знаешь, я все-таки ужасно боюсь высоты, гораздо больше, чем можно подумать, глядя со стороны, как я резво лезу на кирпичную стену, на айвовое дерево, на конек островерхой крыши, где замру, вцепившись в печную трубу всей сотней невидимых рук, хохоча от нечаянного открытия: так вот зачем индуистским и разным другим божествам столько лишних конечностей! Просто им тоже время от времени приходится лазать с тобой по скользким черепичным крышам. И головы их божественные кружатся как глупая человеческая моя, когда я смотрю вниз, к примеру, с моста Короля Георга, что в Колорадо над Королевским ущельем, или с белого моста Субисури, моста Палача через Пегниц, моста Дьявола в Мартореле, моста Мирабо, Небесного моста Лангкави, сквозь заграждения Нусельского моста, с Магдебургского акведука, или с подвесного моста на Фемарн, маленький остров в Балтийском море – даже трудно поверить, что все они действительно

существуют, но если бы эти мосты были выдумкой, где бы, интересно, ты меня дожидался тогда и вот прямо сейчас?

Я думаю об этом, стоя рядом с тобой на Аспаруховом мосту, над каналом, соединяющим озеро с морем – Черным по имени, сине-зеленым по сути, по крайней мере, вот прямо сейчас, в лучах заходящего солнца – кутаясь в одно на двоих пальто, в кои-то веки – твое. Мне-то казалось, на юге, в самом начале ноября оно не понадобится, но нынче в Варне на редкость холодная осень, так уж нам повезло. И ты говоришь: «Я сегодня с подарком, держи. Да не прячь, надевай прямо сейчас, пригодятся. Как стемнеет, помянешь меня добрым словом не раз».

Ничего не поделаешь, придется разуваться прямо здесь, на мосту, натягивать обновку, балансируя на одной ноге, потому что в некоторых случаях приходится слушаться беспрекословно. Например, когда северный ветер принес тебе шерстяные носки и рекомендует немедленно их надеть.

Идеальная одежда для разных времен года

Весной

Почти все равно, что носить весной, главное почаще менять одежду на все менее и менее зимнюю, чтобы поверить наконец календарю, согласно которому весна началась целых два... семь... двенадцать... двадцать три дня назад. Еще немного, и станет совсем тепло, не может быть, чтобы не стало, так положено, сказано же: «весна». И не просто сказано, а написано на всех языках, миллионы раз, по числу совокупного тиража дурацких календарей, которые – ну не могут же лгать хором, все как один, во всем мире, правда?

Толстый свитер заменим на тонкий – ладно, на два тонких, надев их один на другой, пусть зеленые края рукавов торчат из-под лиловых, красиво же, нет? Вместо шерстяных штанов, неоднократно спасавших нас в феврале, наденем другие, весенние, яркие, например, оранжевые, или вообще полосатые, ладно, ладно, тоже шерстяные, но тоньше. Честное слово, они гораздо тоньше зимних, а если и нет, сделаем вид, что да.

И, слушайте, что может быть хуже, чем весной продолжать ходить в зимней куртке? Ради такого дела не грех завести еще одну, такую же теплую, но условно весеннюю и специальный набор весенних шарфов – длинных, чтобы развевались на веселом мартовском ветру, который, в отличие от вечно запаздывающего тепла, придет в свой срок, принесет запах мокрой земли, даже если еще стоят морозы, и запах моря, даже если до него сотни километров, волевым решением объявит начало ледохода, не обманет, не подведет, ради него имеет смысл прогнозировать до самых костей, прыгая ранним утром по нарастающему еще гололеду в желтых, как солнце резиновых сапогах, которые непременно пригодятся в начале великого весеннего потопа – нынче же вечером, или послезавтра, или в апреле, как повезет.

Какое нам дело весной до собственных отражений в витринах, до взглядов прохожих, до манекенов, оптимистически демонстрирующих футболки с короткими рукавами, шелковые юбки и узкие, хоть с мылом их надевай, штаны. Единственный, кому сейчас необходимо нравиться – это весенний ветер, поэтому шапки долой, он здесь полновластный хозяин, строгий начальник, взбалмошный, но милосердный принц, специально явившийся в наши северные края из далекой волшебной страны, чтобы перевернуть с ног на голову все, что сочтет легким, а прочее – отменить навек.

И какая разница, как был с утра одет счастливый дурак, если сейчас он с головы до пят закутан в весенний ветер, лучшую одежду для ранней весны.

Летом

В южном городе, где прошло мое детство, люди на улицах выглядели много хуже, чем в прочие времена года, и это легко объяснимо – летом слишком жарко, пыльно, лениво, и солнце лежит на беззащитной макушке, как тяжелый горячий шар. Но с утра надо успеть на рынок, и работу никто не отменял, а в раскаленных трамваях битком, ночью от духоты невозможно уснуть даже с открытым балконом, поэтому всем решительно все равно, что надеть, не голым из дома вышел, и ладно, сойдет, все равно никто не смотрит, кроме приезжей фифы-курортницы, вырядилась как на парад, а нос облезает, волосы слиплись, через блузку, ставшую прозрачной от пота, просвечивает розовый бюстгальтер, такая смешная чудачка, ты глянь.

Застиранные ситцевые халаты, линялые сарафаны, посеревшие от скверного мыла майки заправлены в заляпанные квасом и пивом штаны, полотняные кепки, блестящие пляжные шляпы из пластиковой соломы, негнувшиеся новенькие джинсы редких счастливчиков, удачно отоварившихся под торгсином – джинсы, господи боже ты мой, в ту пору они казались роскошью, но так редко хорошо сидели на своих обладателях, покупали их без примерки, на глаз, какая, к черту, примерка в подворотне, где покупатель и продавец боятся друг друга до звона в ушах, первый – обмана, второй – статьи за спекуляцию; случалось и то, и другое, но нечасто, обычно желающим прибрахлиться все же везло.

Кстати, мои лучшие джинсы пришли ко мне сами. Первые привез из рейса брат, и они оказались на два размера больше, чем надо, пришлось продавать, вторые подарила сестра, эти были поменьше, но все равно висели мешком, топорщились, где не следует, превращая и без того нелепое подростковое тело в натуральный балаган, хорошо хоть не в экспонат кунсткамеры, но к тому шло. Зато однажды ночью мы с другом гуляли по городу, свернули в парк, и там на ветвях большого куста цветущего жасмина висели штаны – фирменные, wrangler, изрядно потертые, но целые, сели на меня как влитые – потом, когда мы несколько раз прогулявшись по аллее, убедились, что хозяин джинсов не объявился, схватили добычу и рванули домой.

Но джинсы – одежда для других времен года, летом штаны должны быть льняные, еще лучше – шелковые, чтобы каждый шаг становился наслаждением, а не досадной необходимостью; и кстати о наслаждениях, летняя обувь должна быть удобна, как крылатые сандалии Гермеса – тряпичные тапки, невесомые кеды, лоуферы из тончайшей кожи, мокасины ручной работы, да все что угодно, лишь бы не натирали, не жали, не соскальзывали с потной ноги, лишь бы не надо было в муках разношивать, потому что лето – время бесконечной ходьбы по кругу земному, прельстительная задача о пешеходе, который вышел из пункта А, на ходу уплетая черешню, или крыжовник, и забыл, куда шел, не на шутку увлекшись процессом, нюхая шиповник и маргаритки со скоростью пять километров в час.

Однако за всеми этими наслаждениями не следует забывать, что именно летом одежда становится приятным излишеством, роскошью, а значит, настоящим искусством – просто потому что больше не нужна для спасения от холода, особого практического смысла в ней нет. И относиться к летней одежде следует соответственно – если она не будет красива, скажите на милость, зачем тогда вообще мы нужны на этой прекрасной земле, которая, по правде сказать, и без нас отлично справляется с созданием красоты в промышленных масштабах, достаточно посмотреть на бабочек и луговые цветы, какие же мы будем дураки, если все это испортим.

Летом, когда красота – священная обязанность каждого честного горожанина, поневоле начинаешь приглядываться к прохожим, выбирая самые совершенные тела, словно всерьез вознамерившись пополнить ими свой гардероб. Стать бы на пару часов вон той загорелой блондинкой в сером шелковом сарафане, или тонким наголо бритым мальчиком в рваных шортах, ухоженным пожилым господином с ястребиным профилем и седыми висками, зеленоглазой женщиной с сотней разноцветных косичек, собранных на затылке тяжелым узлом, рыжим подростком в лазурных индийских штанах... господи, да это же мое отражение, значит, рыжего отменяем, кто там у нас еще?

Осенью

Мир становится так пронзительно прекрасен, гулок, звонок и полон собой, что наша внешность и даже сам факт нашего присутствия здесь окончательно утрачивает значение для всех – кроме, разве что, нас самих, да и то вопрос остается открытым.

Осень – отличное время, чтобы донашивать любимые старые вещи – вытертый джинсовый плащ, дурацкий пестрый берет, вельветовый пиджак цвета мокрого песка, серую куртку «кенгуру» с клетчатым капюшоном, черные башмаки с красной подметкой, словно бы ухмыляющиеся при ходьбе.

Осенью нужно ходить не спеша, жадно вдыхая влагу и свет, подбирать с травы поздние яблоки, грызть, протерев рукавом, подолгу сидеть на открытых верандах кафе или просто на бульварах, бросив на мокрую скамью тряпичную сумку, с которой вышли за хлебом час, день, вечность назад. Осенью нужно покупать побольше обновок на зиму и даже на весну, хотя именно осенью возня с одеждой кажется глупой, осенью каждый день как последний, или даже не «как» – вот именно поэтому.

Осень преподносит человеку щедрый дар – науку умирать, мы все знаем об этом, только мало кто признается себе, чему учится каждую осень, пока золото всех небес изливается к нашим ногам, и лишь коснувшись земли превращается в сухую листву. Покупать обновки следует просто для равновесия, настойчиво напоминать себе, что будущее, которого нет, хотя бы теоретически возможно, изобретать нелепые гарантии, брать заложников – белый свитер специально для января, алый шарф станем носить в феврале, когда все прочие устанут нас согревать, а самые лучшие в мире ботинки изумрудного цвета, на тонкой подошве можно будет надеть лишь в апреле, не раньше, и каким надо быть идиотом, чтобы теперь не дожить до весны.

Лучшая одежда для осени – та, что мы наденем когда-нибудь позже. Например, грядущей весной.

Зимой

В детстве выскакивали из дома в куртках, тонких и легких, в теплых трикотажных штанах, которых не жалко, в купленных на вырост условно непромокаемых башмаках, у меня были ярко-красные, и с тех пор я знаю, как важно носить зимой яркую разноцветную обувь, смотришь под ноги, чтобы не споткнуться, а там – клубничные кляксы на белом снегу или сером асфальте, торжество чистого цвета, праздник, который идет с тобой в ногу, почти карнавал.

Куртки, которые родители почему-то называли «анораками», тоже были разноцветные, красная и голубая, их купили почти одновременно, но голубая официально считалась новой и хранилась «на выход», а красную можно было таскать в хвост и в гриву – в школу, в парк, кататься на санках в те редкие дни, когда выпадал снег, с папой в лес, с мамой по магазинам, залезать на крышу заброшенной гауптвахты, сбегать на дальний пустырь, сползать на пузе в овраг, карабкаться через заборы в запертые дворы, проникать в пустующие дома, неугомонным красным шаром катиться через серую теплую темную зиму – вперед, куда же еще.

В юности мне, конечно, казалось, что лучшая зимняя одежда – черное пальто до пят; полы его будут развеиваться на ходу, демонстрируя оцепеневшему от восхищения миру непроглядную тьму подкладки и тяжкую мощь башмаков

на платформе, каждый шаг – суровый приговор реальности, которая недостаточно хороша, чтобы получить меня в свое полное распоряжение, а потому у нас война, не на жизнь, а на смерть, ясно вам всем? Огонь, пли!

Это вполне закономерная позиция, когда вам, скажем, четырнадцать лет, и вы бредете по пустынному зимнему пляжу, не разбирая дороги, зябко ежась в куцей, из комиссионки, с чужого плеча, курточке цвета ночного неба, все равно куда, хотя лучше бы сразу в рай, который снится каждую ночь и исчезает каждое утро, даже вспомнить ни черта невозможно, кроме того, что он был, а теперь утрачен навек, по крайней мере, до следующей ночи Мирадж, или как там она называется – когда с неба спускают пожарную лестницу для желающих срочно эвакуироваться из этого здешнего ледяного адского пламени, но поди до нее теперь доживи.

Самое смешное, что пальто до пят мне примерно тогда же и сшили, только не черное, серое, как отражение декабрьского неба в булыжных зеркалах тротуаров, из отреза ткани, выданной папе для парадной шинели; мастер выслушал мои пожелания и сделал по-своему, то есть, гораздо лучше, чем замышлялось, бывает и так. Красивей этого серого пальто на жемчужно-маренговой подкладке мне до сих пор мало что попадалось, пишу и себе не верю, однако же – вот. Интересно, куда оно потом делось? Не помню. Не удивлюсь, если осталось лежать на траве в очередном райском саду, куда меня занесло во сне, и до сих пор там лежит, ждет, когда я за ним вернусь, благо размер все тот же, и я бы, честное слово, с радостью, хотя теперь у меня есть черное пальто, длинное, до земли – то самое, вымечтанное тридцать с лишним лет назад. Честно говоря, целых два длинных зимних черных пальто есть у меня, простое и на меху, полы обоих при ходьбе развеваются так, словно я – Властелин Тьмы, хотя я, конечно, определенно не он. И, вероятно, поэтому оба пальто скучают в шкафу, пока я ношусь по зимнему городу в очередной куцей куртке цвета ночного неба и самых крутых в мире штанах – красных, синих, зеленых, у меня ими шкаф натурально забит, какие под руку с утра подвернутся, в таких и ношусь, замотавшись до кончика носа очередным пестрым шарфом, в дурацкой шапке с помпоном, в коротких бирюзовых, или рыжих сапожках, таков – не то чтобы мой экзотический вкус, скорее мой долг перед обществом и природой, принудительная цветотерапия для горожан, заранее ссутулившихся под тяжестью грядущих зимних дней, коротких, холодных и темных.

Но если говорить об идеальном зимнем образе, он, на мой взгляд, выглядит так: вместо куртки – тонкий суконный жакетик, длинная, теплая пестрая кашемировая шаль несколько раз обмотана вокруг шеи, вязаная шапка, чем ярче, тем лучше, башмаки ей в тон, или просто любого попугайского цвета, черные, коричневые, серые – запретить особым указом мэрии, провинившихся штрафовать и поить крепким сладким глинтвейном на всю сумму штрафа и сверх, за счет городской казны.

Своим произведением автор вышеупомянутого идеального образа хотел внятно, во всеуслышание сказать, что зима – не вправду, мы просто играем в нее ради смены надоевшего осеннего гардероба на щегольской зимний, а когда надоест, мы тут же ее отменим, в парке зацветет миндаль, и начнется весна.

Поэтому идеальный зимний образ достигим только в теплых краях, в южном приморском городе, который сам по себе – лучшая одежда для всякой зимы – легкая, теплая, яркая, экстравагантная, полы его развеваются на ветру,

демонстрируя темное море подкладки и босые ноги приезжих студентов, бегущих по пустому пляжу наперегонки.

Самый красивый в мире консул

Усевшись в кресло, вдруг понял, как сильно хочется спать после дурацкого ночного перелета и еще более дурацкой бесцельной прогулки по пустому предзасветному городу в ожидании назначенного часа. Вместо того чтобы собраться и приступить к разговору, ради которого прилетел, молча разглядывал собственные руки, предоставляя Марьяне отдуваться за двоих. Впрочем, она отлично справлялась, необязательный светский щебет, щедро приправленный неодобрительными суждениями обо всем вокруг – жанр, в котором Марьяна чувствовала себя как рыба в воде.

– Надеюсь, тебе нравится это кафе, – говорила она. – Я выбрала его, во-первых, потому что теперь живу совсем рядом. Со спальными районами покончено навсегда, можешь меня поздравить, это выход на совершенно новый уровень качества жизни. А во-вторых, они заваривают чай как положено, в чайниках, а не просто кидают в кипятик дешевую дрянь в бумажных пакетиках. Я же не просто так включила в свой рацион травяные чаи, а исключительно ради их пользы, поэтому приходится быть очень избирательной... Ну и публика здесь обычно собирается довольно забавная, лично я хожу сюда, как в кино. Правда, по утрам почти никого интересного нет, городские сумасшедшие, в отличие от нормальных людей, могут позволить себе спать до полудня. Разве что, этот красавчик у окна. Видишь?

Слово «красавчик» сопровождалось такой саркастической ухмылкой, словно оно было очевидной всем ложью, нехитрым художественным приемом, призванным подчеркнуть уродство описываемого объекта или хотя бы его убийственную заурядность.

Но человек, на которого указала Марьяна, действительно был очень красив – той отчаянной, против всех правил красотой, на которую готовы молиться уставшие от обыденной миловидности портретисты, а некоторые фотографы годами выискивают на улицах городов в надежде прославиться, показав миру правду, ничего кроме правды – и все равно гораздо больше, чем только ее. Одно из тех редких неординарных фактурных породистых лиц, которые содержат больше смыслов, чем полуторачасовая лекция по философии. И столько там сокрыто прельстительных бездн, что голова начинает кружиться заранее, при одном только мимолетном взгляде на профиль, далеко, кстати, не идеальный. Слишком тяжелый высокий лоб, слишком крупный нос, слишком упрямый подбородок, а все равно абсолютное совершенство, хоть на колени вались перед таким чудом посреди полупустого кафе, на потеху заспанной утренней публике.

– Так вот, – торжествующе прошептала Марьяна, наклоняясь к самому его уху. – Этот красавчик – баба!

– А?

Даже вздрогнул от столь грубого возвращения к так называемой действительности, где зачем-то существуют простодушные самодовольные ухмылки и язвительный шепоток, и у собеседницы в рукаве всегда припасен козырный туз, обидное слово, лишнее всякого смысла. «Баба» – ну ладно, договорились, и что?

– А ты тоже сперва подумал, что мужик? – прошептала Марьяна. – Почти лысая, без косметики, ногти под корень. И этот ужасный, совершенно не женственный костюм. Такое страшилище! Не удивлюсь, если лесбиянка. И вот

она, представь себе, не просто так тетка, не художница какая-нибудь авангардная, а консул! Лицо, так сказать, целой страны.

Вдохнул, выдохнул. Напомнил себе: «Марьяна – просто бывшая жена мертвого друга, и я приехал к ней по делу. Нет смысла спорить, нет смысла ее воспитывать, а если уж начну, не остановлюсь, дурное дело нехитрое, и плакала тогда моя миссия, что буду делать? Не посылать же на новый раунд переговоров Мэй, которая, надо отдать ей должное, куда менее толерантна, чем злой и невыспавшийся я.

Ради поддержания ровного хода беседы, спросил:

– И какой же страны это лицо?

– А черт ее знает, – отмахнулась Марьяна. – По-моему, какой-то южноамериканской. Консульство тут совсем рядом в переулке, каждый день мимо хожу, но всегда забываю прочитать, чье.

– А флаг там какой?

– Вроде какой-то зеленый, с шахматными квадратами по углам. Точно не помню.

– Зеленый с шахматными квадратами?

Хоть убей, не мог припомнить такого государственного флага. Впрочем, скорее всего, Марьяна перепутала. Она, в общем, довольно бестолковая. Мягко говоря. И поговорить хотела не про флаг, а про консула. То есть, консульшу – тьфу, ну и словечко получилось. В русском языке с большинством профессий так, в женском роде они вдруг начинают звучать оскорбительно: «врачиха», «кондукторша», «профессорша», теперь вот «консульша» еще. Нет уж, лучше оставить как есть. Консул.

– Она здесь каждый день сидит, – торопливо рассказывала Марьяна. – Часами! Хорошая работа: приехал за границу и сиди себе в кафе. И зарплата идет, и командировочные, и представительские расходы...

Спросил:

– А откуда ты знаешь, что она именно консул?

Не то чтобы это действительно важно. Но надо же о чем-то говорить с Марьяной сейчас, в ожидании второй чашки кофе, пока нет сил приступить к делу.

– Во-первых, я пару раз видела, как она оттуда выходит. В смысле, из консульских ворот. А однажды утром я зашла сюда выпить чаю, и этот красавчик... красотка тоже тут была. Говорю же, каждый день часаами за этим столом штаны протирает. И тут заходит мужчина, такой интересный, подтянутый, сразу видно, что военный, хоть и в штатском. Подходит к ней и говорит: «Госпожа консул, вас ждут...» – и еще что-то там, неразборчиво. И они ушли вместе. А я потом до вечера думала: «Ну ничего себе, она еще и консул! Офигеть. Кого только не назначают. Наверное, дочка чья-нибудь, пристроили деточку, услали к нам, от греха подальше, решили, для Восточной Европы и не такое сойдет...»

Слушал Марьяну краем уха, исподтишка разглядывал красивую госпожу консула. Женщина, значит. Так, пожалуй, еще интересней. Теперь ясно, что мужчиной счел ее только из-за одежды: белоснежная сорочка, темный брючный костюм, серый шелковый шейный платок, как ни крути, а женщины действительно редко так одеваются. И волосы совсем коротко острижены, не под машинку, однако довольно близко к тому. Но будь она в платье, сразу, ни на секунду не усомнившись, решил бы, что перед ним очень красивая женщина. Настолько андрогинная внешность, что одежда – единственная подсказка.

Никаких других четких ориентиров. Крупные кисти рук уравновешены тонкими запястьями, очень короткая стрижка – безупречной формой бровей, тяжелый лоб – нежным разрезом глаз, бескомпромиссный бойцовский подбородок – маленьким, откровенно чувственным ртом. Вот и поди пойми, кто перед тобой. Впрочем, какая разница. Когда человеческое существо так красиво, все что можно с ним сделать – только смотреть, затаив дыхание, как на редкую бабочку, которую боишься спугнуть. И, кстати, в голову не придет задуматься, какого бабочка пола – если, конечно, ты не начинающий энтомолог при исполнении. Да и то...

– Ваш кофе готов, – помахала рукой из-за стойки юная кудрявая барриста.

Ну наконец-то. Какой-то несчастный эспрессо с шоколадом, а возились с ним так долго, словно ездили за зернами на их далекую родину, на другой континент. Или хотя бы ходили одалживаться к соседям, в консульство неведомой, условно латиноамериканской страны с шахматным флагом, у тех-то наверняка всегда есть запас.

Но вслух, конечно, только вежливо поблагодарил.

– Это уже вторая чашка кофе, – скривилась Марьяна. – Кофеин очень вреден, ты знаешь? Марик тоже пил слишком много кофе...

Громко, почти по слогам отчеканил:

– И безусловно именно поэтому утонул в волнах Индийского океана. Таково воздействие кофеина на хрупкий человеческий организм.

Вот ведь. Сто раз по дороге давал себе слово не ссориться с Марьяной. Но всякому терпению есть предел.

Ай, да пошла она.

Специально, чтобы еще больше ей досадить, достал сигарету, демонстративно сунул в рот, взял свою чашку и пошел на улицу, хотя курить пока не очень хотел. Ну и черт с ним, чем хуже, тем лучше.

Вышел, и правильно сделал. Там, на улице, стоял такой сладкий теплый октябрь, как будто Рига внезапно сделалась южным городом, чем-то вроде Одессы, куда они с Мариком и Мэй ездили втроем каждую осень – очень давно, страшные, невообразимые тысячи световых лет назад, когда были молоды и думали, что неприкайны, а на самом деле, просто свободны как ветер, который с явным удовольствием влетал сейчас в его левое ухо, но из правого не вылетал, предпочитал задерживаться в голове и, будем надеяться, там постепенно накапливаться. Спасибо ему за это, давно пора.

На несколько шагов отошел от входа, закурил, внезапно обнаружил, что отсюда, с улицы, красивую госпожу консула неведомой шахматной державы видно даже лучше, чем с прежней позиции в кафе. Она сидела вполоборота к окну, и ровный утренний свет падал на смуглые щеки, смягчал резкие черты, отражался в неожиданно светлых, серых как Балтийское море глазах.

Откровенно пялиться, конечно, не стал, разглядывал исподтишка, как первоклашка с лакированным ранцем за спиной глазееет на красивую старшеклассницу, которая вряд ли обрадуется его вниманию, засмеет, если заметит, и хорошо еще, если уши не надерет.

От созерцания его отвлекла вышедшая из кафе Марьяна. Сперва подумал, обиделась и решила демонстративно, не дожидаясь, пока он докурит, уйти. Приготовился останавливать – любой ценой, да хоть с разбегу на колени в ближайшую лужу, если уж сам виноват, вспылит из-за сущего пустяка. Но потом увидел, что Марьяна выскочила без пальто, в одном тонком трикотажном

платье. Остановилась на пороге, не приближаясь, чтобы не стать жертвой пассивного курения, спросила:

– Ты же потом вернешься? Я чай уже допила, есть смысл еще заказывать?

А на лице ее было написано: «Прости меня пожалуйста, я жуткая зануда, знаю сама, но это только потому, что ужасно стесняюсь. И всегда стеснялась – тебя, Мэй, вообще всех на свете, к кому не успела привыкнуть, но вы с этой чертовой черной всклокоченной бабой, конечно, хуже всех, никогда не знала, о чем с вами говорить, и куда девать руки, поэтому при вас вела себя гораздо глупее, чем обычно. И вот сегодня опять. Стеснительность, к сожалению, не лечится ни временем, ни даже смертью того, кто нас познакомил – совершенно напрасно, кстати. Умный мальчик, мог бы сообразить... Я бы, конечно, попросила прощения за глупую лекцию про кофеин, если бы мне хоть на миг пришло в голову, что в подобных случаях следует извиняться, я так не привыкла, не умею, не знаю, с чего начать, поэтому могу только виновато смотреть».

Вздохнул, подумав: «Ладно, зато извиняться отлично умею я».

Сказал преувеличенно ласково, как говорят с чужими детьми, желая понравиться их родителям:

– Прости меня, пожалуйста, Марьянка. Думал, и так понятно, куда и зачем я пошел, а со стороны, наверное, выглядело, как хамство. Совершенно не хотел тебя обижать. Просто не сообразил. Конечно, я сейчас вернусь. Иди в тепло, пока не замерзла. И чай обязательно закажи. Надо поговорить, а мы еще и не начали.

Марьяна встрепенулась, кивнула и пошла обратно в кафе. Последовал за ней буквально три минуты спустя, и был вознагражден за такую поспешность, столкнувшись на пороге с госпожой консулом. Теперь, в роскошном белом пальто поверх строгого костюма, она казалась не просто элегантной женщиной, а, как минимум, Снежной Королевой в изгнании. И даже смуглое лицо не помеха образу, на горнолыжных курортах еще и не так загорают, а заснеженные вершины, безусловно, проходят по ее монаршему ведомству.

От полноты чувств замешкался, загородив проход, и консулу пришлось его обходить. Маневрируя, слегка коснулась плеча, покровительственно улыбнулась, шепнула: «Простите мою неловкость», – и пока пытался сообразить, на каком языке она это сказала, скрылась за углом.

Марьяна ждала его, запивая ромашковым чаем кусок черничного пирога. Стоило сесть рядом, смущенно зашебетала, что от углеводов в первой половине дня вреда не очень много, особенно если в расписании значится спортзал, уже много лет для нее совершенно обязательный.

Был настолько великодушен, что не стал говорить: «Да какая мне разница». Кажется даже нашел в себе силы кивнуть. И сразу перешел к делу. Так, мол, и так, мы с Мэй потрясены твоим поступком, ясно же, что ты вовсе не обязана была ехать на край света и хлопотать там с кремацией бывшего мужа, не твоя вина, что он за столько лет так и не выбрал времени официально оформить развод. По уму, похоронами должны были заниматься мы, как ближайшие друзья, но мы, сама понимаешь, не знали, что с ним случилось, даже вообразить не могли, а что писать и звонить перестал – так это же Марик, сколько раз уже пропадал на месяц и даже больше, и ничего. Если бы ты сразу мне позвонила, как только узнала, мы бы, конечно... но ладно, проехали, что теперь говорить.

Марьяна слушала его, потупившись, в нужных местах вежливо бормотала: «Ну что ты» и «я понимаю», – отыгрывала свою партию скромной великодушной вдовы на пятерку с плюсом, ничего не скажешь, молодец.

Наконец перешел к сути дела, то есть, к деньгам, которыми они с Мэй решили компенсировать внезапно свалившиеся на Марьяну дорожные и похоронные расходы – как бы по справедливости, хотя сами прекрасно понимали, что просто из ревности, не желая смириться с тем, что в последний путь Марика провожала совершенно чужая женщина, бывшая жена, а не они сами. И одновременно в знак благодарности за то, что все-таки позвонила, уже из Пури, спросила о самом важном: «Вдруг ты знаешь, как Марик хотел бы быть похоронен?» – и слова поперек не сказала, услышав, что тело следует сжечь, а прах развеять над океаном, только пробормотала сердито: «Какой романтический бред», – и была по-своему права. Но сделала все как надо, пока лучшие друзья тщетно бились за срочные визы с индийскими консульствами, он в Восточном полушарии, Мэй в Западном; обе битвы были позорно проиграны, без справки о близком родстве с покойным к бюрократам с подобными просьбами лучше не подступаться. Пришлось Марьяне справляться самой. И теперь надо вернуть ей деньги. Они с Мэй так решили. По многим причинам. Такие дела.

На этом месте Марьяна подняла глаза и твердо сказала:

– Спасибо. Я очень тронута. И с радостью возьму деньги, потому что до сих пор по уши в долгах из-за этой истории. Но давай ты отдашь мне не все, а только две трети. Будем считать, что мы похоронили Марика втроем. В складчину. Это честно. Кроме нас у него больше никого нет... не было. Не было никого. Я его когда-то любила. Вы его всегда понимали – Марик так говорил, а я очень сердилась. И до сих пор, наверное, сержусь, хотя столько лет прошло. И Марика больше нет, не на кого сердиться. Не на вас же. Понимали – вот и хорошо. Хоть кто-то его понимал.

Даже опешил сперва. Как будто стал свидетелем чуда, как будто вдруг заговорил неодушевленный предмет – например, табуретка. Всегда относился к Марьяне как к бессмысленной кукле, набитой нехитрыми житейскими истинами, страхами и предрассудками, как Винни-Пух опилками. Не любить такую Марьяну было легко и приятно, а любить ее после первого знакомства в день свадьбы им с Мэй совершенно не захотелось, говорили мрачно: «Ну, будем считать, наш Марочкин просто слегка приболел, жена – это что-то вроде опухоли, причем доброкачественной, в смысле, совсем не смертельной и, скажем так, операбельной, за это и выпьем, ура! А уже пару лет спустя пили в гораздо более узком кругу за окончательное и бесповоротное исцеление друга, который наигрался в семейную жизнь, затосковал по прежнему статусу психа-одиночки, вечного перекаати-поля, героя своего внутреннего космоса и благополучно сбежал от жены, закрыв таким образом вопрос.

Кто же знал, что снова придется встречаться с Марьяной – вот так, месяц с лишним спустя со дня его смерти, поверить в которую до сих пор толком не получается. Мало ли что Марьяна сказала, с этой точки зрения ей тоже лучше бы оставаться бессмысленной куклой, которая сама не ведает, что несет, просто от бесконечных диет и спортзалов с массажами произошел сбой программы, спятила, вообразила себя несчастной вдовой, пока Марик застрял на какой-нибудь очередной випассане, или вовсе на послушании в буддийском монастыре, отключив телефон, как положено по тамошнему уставу, и в ус не

дует... Нет, стоп. Так не годится. «Сбой программы» у «куклы», ага. На себя посмотри.

Но смотрел все-таки не на себя, а на Марьяну. Впервые в жизни смотрел на нее без снисходительной неприязни, просто как на еще одного человека – живого, а значит, слабого, глупого, заблуждающегося, ничего не поделав, мы все таковы.

Сказал:

– Ты, конечно, абсолютно права. Такие расходы должны быть поделены на троих. Прости, что я сам не подумал. Мы с Мэй не подумали. Как-то не сообразили, что ты – очень важный человек в Маркиной жизни. Обычное дело. Ближайшие друзья часто враждуют с любимыми. И наоборот. Даже когда это уже неважно, потому что все кончено. Или в особенности когда все кончено, такие уж мы дураки.

– Ничего, – бесцветным голосом сказала Марьяна. – Я и сама такая. Даже не хотела тебе звонить, говорить, что Марик погиб. Накручивала себя – мол, не твое это дело, ты нам совсем чужой. И только в самый последний момент спохватилась, что завещания он не оставил, и теперь я не знаю, как надо его хоронить. Не знаю, что следует сделать, чтобы не вышло, как будто я настояла на своем напоследок, дождавшись момента, когда Марик не сможет меня переспорить. Я сердилась на него, когда он ушел. А когда умер, и стало понятно, что уж теперь-то точно никогда ничего не исправить, рассердилась еще больше. Но все-таки не настолько, чтобы хоронить его так, как он сам бы не захотел.

– Спасибо тебе, Марьянка.

Накрыл ее руку своей и чуть не заплакал. Но, конечно, сдержался. Плакать по Маркину в первом попавшемся рижском кафе, вцепившись в наманикюренную лапку его вдовы, это не просто пошлятина, это уже водевиль. Ирыжий дружище Марко, знаю я этого типа, первым меня засмеет, гибель ему не помеха. Специально дождется где-нибудь в Бардо, на пороге между смертью и окончательной смертью, и поднимет там на смех, вконец задразнит, навек опозорит перед сонмом Милосердных и Гневных Божеств.

Поэтому предпочел как можно скорее отдать Марьяне деньги, демонстративно отделив треть (на самом деле, гораздо меньше, словчил, а она не заметила, или просто сделала вид; впрочем, что-что, а уж это точно совершенно неважно), и распрощаться.

– Ты когда улетаешь? – внезапно спросила Марьяна, надевая пальто.

– Около часа ночи, а что?

– Ничего, – она отвернулась к окну. Помолчав, неохотно добавила: – Просто рада, что больше никогда тебя не увижу. Мне это тяжело. Очень тебя не люблю.

Промолчал – а что тут ответишь? Пусть говорит, что хочет, имеет полное право, выслушаю, утрю и забуду. Забыть – вообще не проблема, если хорошенько надраться в баре аэропорта, а потом уснуть, не дождавшись взлета, проснуться в момент посадки, на автопилоте добраться домой и там, не раздеваясь, упасть на диван лицом вниз. К завтрашнему утру из головы вылетит не только Марьянино «не люблю», а вообще все, что было сегодня. Или почти все – тоже ничего себе результат. Хорошо, когда заранее точно знаешь, как его добиться.

Марьяна ушла, звонко цокая каблучками. Поглядев ей вслед, решил, что третья чашка кофе не повредит. Заказал, получил. Не удержавшись от

искушения, пересел за стол у окна, который совсем недавно занимала смуглая сероглазая женщина, консул неведомой страны. Самый красивый в мире консул.

Подумал: «Черт, надо же было спросить Марьяну, в каком из окрестных переулков находится консульство с зеленым шахматным флагом, который, заранее готов спорить, вовсе не шахматный. Вот интересно, какой? Обязательно надо узнать, что за страна – вдруг они все там такие красивые? Буду знать, куда переезжать, если захочу каждый день в кого-нибудь влюбляться, тайно, безнадежно и оттого особенно счастливо, без риска увязнуть надолго, потому что вокруг столько объектов для легкой, приятной, ни к чему не обязывающей гибельной страсти, что глаза разбегаются. Отличная будет у меня жизнь, осталось выяснить, где».

Вышел наконец из кафе в таком нелепом приподнятом настроении, что подумал: «Да черт с ней, с Марьяной, не звонить же ей, в самом деле, хорошего понемножку. Сейчас обойду все ближайшие переулки, вряд ли тут так уж много консульств. Короче, найду!»

Но, как ни странно, не нашел ни одного консульства – ни латиноамериканского, ни африканского, вообще никакого – ни в окрестных переулках, ни на самой улице Барона, где сидели в кафе. В конце концов, плюнул и пошел через парк в Старый город, как самый настоящий беззаботный праздный турист. Кого хотел обмануть?

Накрыло уже на мосту через реку, вернее, канал – ай, неважно, пусть рижане сами разбираются, где у них какой водоем. Вдруг как-то сразу и одновременно тягуче, как в замедленной съемке, если предположить, что возможна замедленная, да хоть какая-то съемка мыслей и чувств, дошло то, чего не хотел понимать с той, будь она проклята, гадской минуты, когда Марьяна растерянно и сердито сказала по телефону: «Я звоню, потому что подумала, вдруг ты знаешь, как Марик хотел бы быть похоронен? Я сижу сейчас в городе Пури, штат Орисса, даже краем уха не слышала раньше, что такие названия есть, а это, оказывается, в Индии, где Бенгальский залив, звучит романтично, совершенно в вашем с Мариком вкусе, а на самом деле, невероятная вонь, грязные улицы, женщины как цыганки, в тридцать уже старухи, голые наглые дети ползают по земле и вопят, все по горло в коровьем дерьме. И Марик погиб, утонул почему-то именно тут, не мог выбрать место поближе и хоть немного почище, я всегда говорила... ладно, важно другое: я уже в Пури. Считается, что жена – это самый ближайший родственник, меня вызвали, я прилетела, хожу уже сутки по этому жуткому грязному городу, и не понимаю, как Марика хоронить, подскажи, если знаешь».

И теперь, когда больше не надо было расспрашивать Марьяну, бессильно кричать на нее за то, что не сообщила раньше, бросать трубку, тут же перезванивать, извиняться, многословно отвечать на заданный ею конкретный вопрос; не надо глотать коньяк прямо из горла бутылки, запивать его собственной кровью, вытекающей из порезанной в спешке руки, не пьянея, а только слабея с каждым глотком, бесконечно звонить Мэй, перекладывать на ее могучие хрупкие плечи все новые и новые порции невыносимого, хотя толком не осознанного пока горя, не надо ни сражаться с индийскими бюрократами за срочную, молниеносную, хорошо бы вообще позавчерашним числом выданную визу, ни проклинять их и все остальное на свете, в сотый раз выслушав, что минимальный срок ожидания пять рабочих дней, ни выбирать на всех

мыслимых сайтах совершенно бесполезные без визы билеты, ни бомбардировать Марьяну письмами и эсэмэсками, умоляя выйти на связь, ни расспрашивать, как прошли похороны, ни собирать для нее эти чертовы деньги, ни лететь в Ригу, ни раздражаться от глупой болтовни в кафе, ни умиляться, ни чувствовать себя одновременно виноватым и чертовски благородным героем – словом, когда вообще ничего больше не надо, потому что все мыслимые дела переделаны, ему пришлось прямо здесь, на дурацком мосту через дурацкий канал признать, что Маркин действительно умер. И нет, к сожалению, это не самый нелепый из великого множества обожаемых этим балбесом розыгрышей, за который прибить бы, да некого, виновник ловко ускользнул.

Тупо повторял про себя раз за разом: «И вот, получается, все. Получается, все». Невидящими глазами смотрел на мутную серую воду и, кажется, даже улыбался, просто чтобы не обращали внимания, не беспокоили, не расспрашивали, не предлагали помощь, шли себе мимо. Сердобольные прохожие, которым нечем заняться – серьезнейшая из опасностей, подстерегающих скорбящего странника в подавляющем большинстве современных городов.

Долго стоял на мосту, не в силах сдвинуться с места, думал устало: «Ладно, вот и останусь тут навсегда, будем считать, я только что оглянулся полюбоваться, как уютно пылает в Господнем камине Содом, и в награду меня сделали соляным столбом, неподвижным и, что особенно приятно, почти бесчувственным, так уж мне повезло».

Так и стоял бы там, если не вечно, то хотя бы до позднего вечера, до самого самолета, но тут кто-то из прохожих, споткнувшись, налетел на него, прошептал виновато почти в самое ухо: «Простите мою неловкость, Мишенька», – по-английски? По-русски? По-латышски, на котором не знаю ни слова? Поди теперь, задним числом, разбери, пока извинившийся незнакомец, почти перейдя на бег, стремительно удаляется в сторону Старого города, и длинные полы белого пальто развеваются на стылом речном ветру, как мантия Снежной Королевы... Нет, погодите, стоп. Это, что же, получается, снова госпожа консул? Самая красивая в мире, смуглая и сероглазая, неуклюжая, как целое стадо священных коров. Второе столкновение за утро – какая немыслимая удача, почти счастливый роман.

Побежал за белым пальто, как старый служивый пес за брошенной палкой, с трудом волоча онемевшие от долгой неподвижности ноги, спотыкаясь на каждом шагу. Но когда оказался на другом берегу, госпожа консул, если это, конечно, была она, уже куда-то благополучно свернула, скрылась из виду, и вместе с нею исчезло свинцовое, тяжелое, невыносимое горе, как будто расплескал его, пока гнался невеста за чем. Кое-что все же осталось – ровно столько, сколько можно терпеть, не теряя вкуса к жизни, которую теперь, хочешь, не хочешь, а придется жить за двоих; надеюсь, Мэй нас поддержит, возьмет часть обязанностей на себя, но пока ее нет рядом с нами – ладно, дружище Маркин, я как-нибудь справлюсь сам. И для начала просто покурю за тебя, ты уже давно хочешь, я знаю, хоть и хвастал недавно, что бросил; ничего, смерть – веский повод опять развязать, я тебе помогу.

И только после того как закурил, осторожно присев на самый край первой попавшейся лавки, сырой от обещанного синоптиками, но так и не пролившегося дождя, понял: меня же называли по имени, да еще так ласково, как давно никто не зовет. «Простите мою неловкость, Мишенька», – в совершенно

чужом городе, где знакомых раз, два и обчелся, Марьяна – и кто там еще? Теперь уже и не вспомню. Марик прожил в Риге всего несколько лет и в гости особо не звал, разве только однажды – на свадьбу. Предпочитал приезжать сам, а еще лучше – назначать встречу в каком-нибудь новом месте: «Хочешь, выпьем кофе в Кракове послезавтра, или пива в Берлине в субботу, соглашайся, это же выходной!» Больше всего он любил мотаться по свету, пользовался любым пустяковым предлогом, а если причин путешествовать долго не находилось, обходился вовсе без них; впрочем, теперь это уже совершенно неважно. Важно, что Икс, неизвестная переменная, Снежная Королева, консул загадочной шахматной страны, или просто прохожий в таком же белом пальто, извинившись, назвал по имени, и теперь оно у меня снова есть. А ведь с утра куда-то пропало, обычное следствие бессонной ночи – живешь потом целый день, не помня себя, а это, будем честны, никуда не годится.

Достал телефон, хотел позвонить Мэй, отчитаться, что отдал деньги Марьяне, рассказать, какая она, оказывается, молодец, все правильно поняла, а мы, дураки, не надеялись, и совершенно зря. Совсем уж на ком попало наш Марко не стал бы жениться, сколько бы там вожжей ни попало ему под хвост, мало ли что нам она не понравилась, надо было больше ему доверять. Теперь уже поздно, ничего не исправишь, но наверное на этом месте все же стоит поставить зарубку на будущее. Например, если завтра кто-то из нас, ты или я, предъявит другому очередную любовь своей жизни, следует немедленно выключить голову, осиное гнездо критических мнений, и включить сердце, которое, оставшись в одиночестве, без обычной поддержки язвительного ума, растерянно скажет: «Все, что хорошо для тебя, по определению хорошо», – вот сразу бы, сразу бы так!

Но телефон Мэй был отключен, что само по себе довольно странно. Разница с Ванкувером, кажется, целых десять часов, следовательно, у нее там только час ночи, так рано Мэй не ложится. Впрочем, ладно, пусть дрыхнет, имеет полное право, разговор подождет до вечера, мне правда не позарез, просто хотел отвлечься от всего, что со мной тут вот прямо сейчас происходит, от этих диких скачков между сокрушительной скорбью и дурацкой эйфорией первой невинной влюбленности, от морского ветра, вот прямо сейчас утихшего, но вряд ли надолго, от голосов в голове. Не вышло. Досадно, но может быть все равно к лучшему, это пойму потом.

В Старом городе совершенно неожиданно для себя заблудился – насколько может заблудиться человек, которому не надо к определенному сроку попасть в какую-то конкретную точку. Просто довольно странно себя чувствовал, узнавая все улицы и переулки, все разноцветные домики – с каждым мог бы сейчас поздороваться по имени, если бы у зданий были имена – и при этом постоянно путаясь в направлениях, совершенно не понимая, каким образом знакомые фрагменты связаны между собой, тщетно пытаюсь хоть немного удалиться от Домской площади и возвращаясь на нее снова и снова, в какой бы переулок ни свернул.

Старый город в Риге и так-то невелик, а когда не можешь вырваться за пределы нескольких словно бы заколдованных кварталов, начинает казаться, что тебя заперли в очень симпатичной тюрьме, где к твоим услугам нарядные фасады, кафе и сувенирные лавки, чайки, цветы, пивные, гладкие уличные коты и подкармливающие их нарядные старушки с фарфоровыми лицами, но все это только иллюзия гостеприимства, выйти на волю тебе не дадут.

Глупость, конечно, кому ты тут нужен – тебя запереть. Просто острый приступ топографического кретинизма на почве бессонной ночи и стресса, то есть, горя, огромного облегчения, любви и тоски, твою кровь наверняка можно продавать в златых местах как легкий наркотик, столько в ней сейчас содержится разных удивительных веществ, старательно выработанных организмом просто для того, чтобы пережить этот день, который – внимание, сюрприз! – строго говоря, только начинается. До обратного самолета еще столько времени, что проще сказать себе, будто ни самолета, ни дома, куда, теоретически, можно будет вернуться уже нынешней ночью, на самом деле, нет. И оставить надежду.

Вдруг сообразил, что выбраться из воображаемой темницы совсем просто, достаточно купить карту города, найти на ней свое текущее местоположение и следовать в любом направлении, куда душа пожелает, четко придерживаясь указаний, всем местным лешим назло.

Сунулся в ближайшую сувенирную лавку и застыл на пороге, увидев у прилавка покупательницу в белом пальто, большие смуглые руки осторожно крутят деревце из янтаря, коротко стриженная голова наклонена чуть набок, внимательно прислушивается к пояснениям продавца. Она, теперь-то уж несомненно она, женщина из кафе на улице Барона, объект Марьяниной неприязни, самый красивый в мире консул неизвестной страны. Надо же, гуляет по городу, как обычный турист, без сопровождения и охраны; впрочем, консулу, наверное, и не положено, все-таки не посол.

Забыл, что пришел за картой, стоял у входа, глаза на красивую госпожу консула, но все-таки сделал шаг в сторону, когда она, прижимая к груди тщательно упакованную покупку, проследовала к выходу. Впрочем, такая предусмотрительность совершенно не помешала женщине в белом пальто задеть его локтем, проходя мимо, улыбнуться, как старому знакомому, прошептать: «Простите, я сегодня как-то фатально неосторожна, такой уж выдался день».

Снова так и не смог осознать, на каком языке она это сказала, но понял все до единого слова, или только подумал, что понял? Ладно, будем считать, что она говорила по-испански, благо я его хоть немного да знаю, и Марьяна почти уверена, что консульство принадлежит какой-то из множества стран Латинской Америки. И внешность женщины в белом пальто полностью подтверждает эту версию: смуглая оливковая кожа, холодные глаза пра-пра-прадеда-конкистадора, резкий профиль другого пра-прадеда, проигравшего свою войну так давно, что уже нет смысла скорбеть о его поражении, тем более, от навязанного судьбой союза родились такие красивые внуки и внучки, что даже древние боги той далекой земли наверняка не гнушаются время от времени заимствовать их тела для краткого земного воплощения – если, к примеру, захочется выпить кофе, или пройти по пасмурным улицам, пересечь мост через холодную сизую реку, отправиться в Старый город, купить янтарное дерево в подарок коллеге на день рождения, пять миллионов лет со дня пришествия в этот дурацкий, смешной и жестокий, но местами очень трогательный мир.

Не раздумывая, вышел из лавки обратно на улицу, сам толком не зная, зачем. Ну просто интересно проследить путь красивой госпожи консула: куда пойдет, с кем встретится, где остановится, задумчиво глядя вдаль, что съест или выпьет, куда пойдет, нагулявшись? Где ее дом? Не худшая программа дня,

который все равно надо убить, принести в жертву безымянным хтоническим божествам, с наслаждением пожирающим время нашей жизни, особенно потраченное без пользы и удовольствия – в ожидании самолета, поезда, автобуса, свидания, назначенного на вечер, желанного путешествия в декабре, начала следующего года, когда все обязательно станет иначе, окончания неприятной работы, операции, свадьбы, рождения сына – любого события, ради приближения которого мы отказываемся от «здесь и сейчас», единственного настоящего, данного нам в ощущениях, с возрастом изрядно притупившихся, конечно, но уж какие есть.

Однако на улице, почти совершенно пустой, не было ни одного прохожего в белом пальто. Интересно, куда она подевалась? Впрочем, вот и ответ: отъезжающий от соседнего здания темно-синий автомобиль, слишком скромный, пожалуй, для консула; с другой стороны, что я понимаю в обычаях, приоритетах и экономических возможностях стран, где никогда в жизни не был, таких далеких, что проще считать их вымышленными, как, например, Бан-Буроган, Шарав, Лейн, Маньяр, Гарадан, Айсана, Ори-Туу и еще несколько десятков волшебных городов-государств, прилежно выдуманных нами, не в меру начитанными мечтательными детьми, в возрасте от шести примерно до двадцати – а когда мы, собственно, остановились? И почему? Будем считать, не помню. Потому что не хочу вспоминать.

В любом случае, выследить красивую госпожу консула не получится. Ладно, не очень-то и хотелось, идем дальше, тем более, что давно пора снова выпить кофе, взбодриться, согреться, посидеть, вытянув ноги, перевести дух, а заодно убить еще как минимум час – один из множества, приговоренных сегодня к медленной смерти, надеюсь, не очень мучительной, даже приятной, это в моих интересах, поэтому – кофе. Вперед, решено!

Хотел было вернуться в лавку за картой Риги, но передумал, сообразив, что кафе вокруг видимо-невидимо, карта прямо сейчас не нужна, скорее уж интуиция, умение выбрать что-то стоящее, не опираясь на опыт и рекомендации, которых все равно нет. А отыскать кафе под названием «Черная магия» – единственное, которое понравилось и запомнилось, потому что сидели там с Мэй и Мариком на следующий день после его свадьбы, оставив дома Марьяну, впервые за долгое время только вдвоем, без посторонних, как встарь – никакая карта не поможет. Черт ее знает, ту улицу, как она называлась. И что было рядом? Впрочем, ответ на последний вопрос известен: рядом было решительно все, в Риге очень маленький Старый город, здесь все в двух шагах отовсюду. Это, кстати, обнадеживает, потому что вероятность случайно попасть в нужное место довольно велика. И почему бы, раз так, не развлечься поисками кафе, которое, скорее всего, давным-давно закрыто, время безжалостно к заведениям общепита даже больше, чем к людям, сколько раз убеждался в ходе ностальгических прогулок по когда-то любимым местам. Впрочем, какая разница дело же вовсе не в том, чтобы действительно найти то кафе, просто у совершенно бессмысленной прогулки наконец появилась определенная цель, и сразу стало гораздо интересней. С этой точки зрения не отыскать «Черную магию» до самого вечера – даже больший успех, чем найти ее быстро; главное, конечно, не утратить интереса к поискам, но уж это всегда совершенно непредсказуемо, и нынче – как повезет.

Подошел к задаче ответственно. То есть, сперва все-таки выпил двойную порцию эспresso в первом попавшемся баре, чтобы насущная потребность

усталого организма в кофеине не понукала к немедленному достижению результата, не портила удовольствие от погони за тенью приглянувшегося когда-то кафе. И только после этого отправился искать.

Два с лишним часа блуждал без толку – как, в общем, и предвидел с самого начала. За это время магнит, все утро настойчиво притягивавший к Домскому собору, явно ослаб, у его стен обнаружил себя всего дважды; впрочем, оба раза совершенно внезапно, в полной уверенности, что удалился от собора на максимально возможное расстояние. Зато целых восемь раз вышел к Ратушной площади, своего рода рекорд.

Оказавшись там в девятый раз, рассмеялся вслух, махнул рукой – ладно, черт с ним, возьму тайм-аут. Зашел в очередную сувенирную лавку, привлеченный, как в детстве, красотой витрины, а не практическими соображениями. Надолго завис над прилавком, выбирая подарки вымышленным друзьям – немногочисленные реальные в них, увы, не нуждались. Мэй вообще не любит вещи и старается держать их в доме как можно меньше, делая исключение только для обуви, которую скупает со страстью коллекционера, а Марик, единственный из троих обожавший всякую ненужную чепуху, умер, как последний дурак, вот и пусть сидит теперь без подарков, сам виноват.

Подумал: «Прости, дружище, но я пока не готов собирать за тебя твои дурацкие сувениры», – и почти услышал ответ: «Да ладно, забей».

Конечно, ничего не купил. Даже карту Риги, которая, теоретически, могла бы пригодиться сегодня, почти целый день еще впереди. Вспомнил о ней, только покинув лавку, а возвращаться поленился, вместо этого свернул в ближайший переулок, сперва показавшийся тупиком – вот, интересно, зачем? Но все равно пошел вперед и вскоре увидел узкий проход, ведущий на какую-то людную и, кажется, совершенно незнакомую улицу, по которой еще не ходил, по крайней мере, сегодня. Поспешил туда и на радостях чуть не проскочил распахнутые настежь ворота с потемневшей от времени вывеской «Black magic Caffee» – похоже, и правда то самое, что затеял искать, не особо рассчитывая на успех. Подумал: «Ну надо же! Оно еще и открыто. Вот это да. Вот это я молодец».

Некоторое время разглядывал мощный булыжником внутренний двор, выставленные туда ветхие столы и лавки, древний буфет, загроможденный горшками с геранью и пустыми бутылками из-под Рижского бальзама, гигантскую деревянную бочку как бы из-под вина – все совпадает, именно тут мы сидели втроем, страшно подумать, сколько лет назад. С тех пор ничего не изменилось, только в лужах плавают красные виноградные листья, а тогда была ранняя, удивительно теплая для этих краев весна, и всюду стояли горшки с гиацинтами, а больше никаких различий; впрочем моя память – та еще лотерея, что вытащит, с тем и живи, а правда это или нет – дело десятое. Но всегда можно попробовать угадать.

Махнул рукой на бессмысленные попытки разобраться с воспоминаниями и вошел в кафе. Пересек совершенно пустой полутемный зал и попал в следующий, тоже пустой, но светлый, с огромными окнами, выходящими на довольно широкую оживленную улицу – ту самую, что виднелась в проходе, ведущем из тупика. Туда же вела большая парадная дверь; поглядев на нее, вспомнил, что в прошлый раз, и правда, заходили в «Черную магию» с улицы, а во двор отправились уже потом, выяснив, что в помещении нельзя курить.

За стойкой хлопотала миловидная женщина средних лет с белокурой косой, уложенной вокруг головы, собирала в большую коробку шоколадные конфеты, явно ручной работы, все хоть немного да разные, невиданное многообразие форм. Приветливо поздоровалась, легко перешла на русский, хоть и чувствовалось, что язык для нее не родной. Оторвалась от возни с конфетами, чтобы приготовить ему капучино, обрадовалась, узнав, что побывал тут много лет назад, а теперь нарочно вернулся; впрочем, она, кажется, так поняла, что приехал в Ригу специально и исключительно ради ее кафе.

Разубеждать не стал, спросил, можно ли отправиться с чашкой во двор, чтобы там покурить, получил разрешение и уже было пошел обратно, но застыл, прислонившись к ближайшей стене, потому что дверь кафе распахнулась, и вошла все та же смуглая госпожа консул в белом пальто – ничего себе совпадение! Слишком много счастливых совпадений для одного бестолкового дня, хоть правда бери и влюбляйся в нее навек, не зря же им пропадать.

Хотя, конечно, поди влюбись в существо, которое слишком прекрасно, чтобы быть просто человеческой женщиной, да и должность ее вряд ли располагает к внезапным страстным романам со случайными незнакомцами, приехавшими в Ригу всего на один день, будем считать, по делам.

Она его тоже узнала, усмехнулась, кивнула, как старинному приятелю, скорее даже соседу, встреча с которым почти неизбежна дома, вечером, на общей веранде, или в саду, поэтому сейчас можно не подходить с разговорами, достаточно подать знак – дескать, я тебе рада, позже увидимся, еще поболтаем, привет.

Взяла коробку с конфетами, что-то негромко сказала, протянула деньги, дождалась сдачи и вышла, взмахнув на прощание по-мужски большой, по-женски хрупкой рукой.

– А вы, получается, знакомы с госпожой консулом? – с любопытством спросила белокурая барриста.

Честно сказал:

– Да не то чтобы так уж знаком. Просто сегодня весь день сталкиваемся в самых разных местах: здесь, в сувенирной лавке, перед этим на каком-то мосту, а утром в другом кафе, на Барона. Череда удивительных совпадений, ей, вижу, уже немного смешно, а я просто в растерянности. Город, конечно, довольно маленький, но не настолько же он мал, чтобы четырежды на дню встречаться с каждым из его жителей, правда?.. Кстати, а какой страны она консул? Ну вдруг вы знаете, если она, к примеру, постоянный клиент.

– Страну не знаю, – вздохнула блондинка. – Самой интересно, но как-то неловко выспрашивать. Я и должность узнала совершенно случайно, кто-то из спутников ее при мне так однажды назвал, а я, конечно, запомнила, не каждый день выясняется, что тебя посещает настолько важная персона. Клиентка она действительно постоянная, почти каждый день заходит к нам в середине дня – выпить кофе, купить конфет. Обычно задерживается подольше, говорит, она только тут по-настоящему отдыхает от дел и забот. Немудрено, потому что без черной магии в наше время не расслабишься толком – это ее слова. Постоянно смеется над нашим названием, советует добавить в меню соответствующие предложения: «сглаз», «отворот», «приворот», «чтение мыслей», «исполнение давней мечты», «вещий сон», «исцеление», «избавление от проклятий», «дежурное чудо дня», и прочее в этом духе. Лично мне очень нравится, но, увы,

не у всех клиентов есть чувство юмора. Одни испугаются, а другие, чего доброго, станут требовать, чтобы их обслужили по всем указанным пунктам. И как я, скажите на милость, устрою им самый простой приворот?

Кивнул, прикончив залпом стремительно остывающий кофе.

– Я бы, пожалуй, тоже потребовал. Чувство юмора – дело хорошее, но глупо из-за него упускать даже самый мизерный шанс, что шутка в меню окажется правдой. И каким дураком я стану, если даже не попытаюсь цапнуть с прилавка причитающуюся мне долю чудес, особенно если они будут продаваться по цене ваших конфет, такие расходы я вполне потяну.

– И что бы вы тогда заказали? – рассмеялась блондинка.

– Даже не знаю толком. На самом деле, что приворот, что отворот мне вряд ли вот прямо сейчас пригодятся, исцеляться особо не от чего, исполнений давней мечты, честно говоря, опасаясь, просто не помню, чего успел наметать в течение жизни, но зная себя, подозреваю ужасные вещи; сглазов я точно не ем, да и проклятий на меня пока никто не накладывал – бывает, просто не повезло. Пожалуй, возьму «дежурное чудо дня», по крайней мере, всяко выйдет сюрприз. И еще одну чашку капучино, потому что это я уже выпил, сам не заметил, когда.

– За капучино дело не станет, – кивнула барриста. – А «чудо дня» у нас нынче совсем простое: одна конфета, зато целиком на ваш выбор. Госпожа консул ее оплатила заранее, велела вас угостить. Я, собственно, поэтому и спросила, знакомы ли вы. Такое поведение совсем на нее не похоже, обычно она на других посетителей не обращает внимания, причем до такой степени, что может случайно бросить пальто на занятый кем-то стул.

Ушам своим не поверил. Переспросил недоверчиво:

– Велела меня угостить? Конфетой? С ума сойти можно. Вот это, я понимаю, действительно «чудо дня», полная неожиданность. По этому поводу придется, пожалуй, забыть, что я не люблю шоколад.

– Считайте, я этого не слышала, – строго сказала блондинка. – В моем присутствии говорить такие ужасные вещи клиентам запрещено.

Улыбнулся:

– Простите, исправлюсь. Уже, считайте, исправился. Смотрю на ваши конфеты и начинаю думать, что до сих пор – это просто был не тот шоколад.

– Что, кстати, чистая правда. Попробуете – удивитесь. Сами выберете, или помочь?

– А я вот так поступлю.

Зажмурился и наугад цапнул одну из конфет. Открыв глаза, обнаружил, что его добыча выглядит как маленький метеорит, долго пролежавший на дне океана – темный бугристый шар, облепленный крупными белыми кристаллами, похожими на морскую соль.

– Это и есть морская соль, – подтвердила блондинка, на миг отвлекшись от гудящей и урчащей кофейной машины. – Сочетание многим кажется неожиданным, а как по мне – одно из лучших; впрочем, окончательное суждение за вами.

Развел руками:

– Во всяком случае, шоколад с солью – это, на мой консервативный взгляд, тоже своего рода чудо. Чего еще и желать.

Положил конфету на кофейное блюдце, поблагодарил и пошел во двор. Только сегодня утром твердо обещал мертвому другу: «Буду теперь курить за

двоих», – а сам затянул паузу черт знает на сколько, мало ли что с недосыпа совершенно не хочется, слово-то надо держать.

Сел на лавку, поставил чашку на усыпанный красными виноградными листьями стол. Честно выкурил горькую от сырости сигарету, сделал глоток горького кофе, самое время грызть шоколад, тоже черный и горький; впрочем, соль, вероятно, внесет некоторое разнообразие в жизнь языка, нёба, гортани, и чем там еще ощущают вкус.

Она и внесла. Рот мгновенно наполнился густой, горячей от кофе, холодной от ветра слюной, слишком соленой, чтобы вот так сразу распознать скрывающуюся в ней сладость, но потом-то все снова становится на места, от этого победительно сладкого вкуса захочешь не отмахнешься. Вспомнил – не разумом, телом – на что это похоже. Когда купаешься в море, и большая волна, которую заприметил издалека, но не стал уклоняться от встречи, стоял по горло в воде, ждал, заранее зная, что будет – и вот она здесь, накрывает тебя с головой, тащит силком за собой, опрокидывает на колени, выбрасывает на берег живого, почти невредимого, только слегка исцарапавшегося об острые донные камни, с полным ртом вот этой невыносимой, прельстительной соленой сладости, и потом сидишь на песке молча, почти без мыслей, навсегда потрясенный открытием: «Смерть – это, наверное, тоже примерно так».

Подумал – не мог не подумать – что Марик, дружище наш Марочкин, храбрый путешественник Марко, наверное именно так и умер – в море, захлебнувшись сладкой соленой волной, до сих пор небось отплеивается, сидя где-нибудь на неведомом берегу, куда нас всех рано или поздно выбросит, мертвых, но все равно невредимых, скорее удивленных, чем перепуганных, готовых снова нырять. Такая версия загробного существования слишком нелепа, чтобы быть просто утешительной выдумкой, поэтому пусть станет правдой, хотя бы для нас троих, ладно, Господи?

Возвел глаза к низкому серому небу, словно бы ожидая ответа, но вместо грома небесного в кармане задребезжал телефон.

– Ладно, – сказал оттуда покладистый Господи, почему-то голосом Мэй. – Ладно, – повторила она, начав, как всегда, с середины, словно болтали уже, как минимум, полчаса. – Ладно, теперь предположим, ты все еще в Риге. Только не говори, что уже улетел. И без того чувствую себя полной дурой, запутавшись в этих безумных часовых поясах.

Ответил:

– Наверное, в Риге. Ну или просто сон о ней вижу. Трудно вот так сразу сказать наверняка.

– Тогда будь любезен увидеть во сне, что я прилетела в Ригу, звоню тебе, сидя в маршрутке, следующей из аэропорта в центр, и очень прошу, объясни мне человеческим голосом, где тебя тут искать?

Ну ничего себе. Прилетела без предупреждения, звонит теперь как ни в чем не бывало, уже из маршрутки, словно семь или восемь тысяч километров – сущий пустяк, вообще не расстояние, не о чем говорить, а билеты на самолет раздают бесплатно всем желающим, или, к примеру, дарят победителям конкурсов рисунка на асфальте, сам однажды подобный выиграл, в четвертом, кажется, классе, сперва школьный, а потом и районный, это было совсем несложно – в отличие, скажем, от внезапного марш-броска из Ванкувера в Ригу. Надо же, сколько лет знаю Мэй, а все равно сумела меня удивить.

Но вслух причитать не стал, Мэй этого не любит. Только и сказал:

– Круто, что ты прилетела. Что касается меня, я, уж так получилось, сделался адептом черной магии. В смысле, сижу в одноименном кафе. Заказал «дежурное чудо дня» и только что его слопал. И, кстати, сразу же ты позвонила. Чудо дня, надо понимать, удалось. Осталось понять, как сообщить тебе адрес, которого я не знаю. Впрочем, могу просто дать трубку хозяйке притона, пусть сама тебе объяснит.

– «Black Magic Caffee» в Старом городе? – деловито уточнила Мэй.

– Да.

– Тогда не надо хозяйку. Я помню, где это. Буду, самое позднее, через двадцать минут.

Удивился: мы же тут сто лет назад сидели, а она, оказывается, помнит адрес. Но вслух ничего не сказал, кроме короткого: «Жду».

Курил потом торопливо и жадно, дрожащими руками придерживал взбесившееся, сорвавшееся с цепи сердце, уговаривал его: «Ну что ты, глупая мышца, это, конечно, совершенно неожиданная новость, что к нам с тобой приближается Мэй, но зачем так скакать? Тебе не надо наружу, тебе там совсем не понравится, поверь».

Вынужден был запоздало признаться себе, что на самом деле не столько ждет появления Мэй, сколько боится этого момента. Звучит совершенно дико, но только на первый взгляд. Понятно же, почему: это будет первая встреча после гибели Маркина – вот так, живьем, с глазу на глаз. Телефоны и скайп не в счет, они хороши, чтобы говорить слова и слышать тоже только слова; ладно, согласен, по скайпу можно увидеть мимику, жесты, выражение лиц, но это все равно что смотреть любительское кино с участием старого друга, кто бы спорил, интересное и приятное переживание, но правды таким образом не узнать.

Думал: «Еще бы, конечно, мне страшно. Потому что если сейчас увижу ее глаза, коснусь руки и пойму, что никакого «мы» больше нет, есть только «Миша» и «Мэй», каждый сам по себе, я, в общем, переживу, не вопрос, но только потому, что я, как показывает практика, чрезвычайно живучая тварь, сносу мне нет, и спасу от меня – тоже. Но, господи, как же не хочется это переживать. Хватит с меня похорон».

Думал: «Конечно, мне страшно. Потому что до сих пор, будем честны, все держалось на Марко. Он нас выбрал, он первым сказал: «Теперь будем всегда дружить». Он любил нас обоих, мы были нужны ему позарез, потому что наш Маркин с детства откуда-то знал, что треножник – самая устойчивая в мире конструкция. Вот и ухватился за нас, чтобы твердо стоять на ногах, когда под ними совсем не станет земли, которую этот до дурости храбрый балбес был готов отменять бесконечно, раз за разом, с утра до ночи, сколько хватало сил».

Думал: «И как мы будем тогда дышать, в какую сторону продолжаться? Конечно, мне страшно, Марко, дружище, что ты вообще устроил, свинья конопатая, на кого нас оставил?» И почти услышал ответ: «Друг на друга, не бзди». И сам же продолжил: «Не бзди, все будет отлично. Если Мэй прилетела в Ригу вот прямо сейчас, значит, и правда, пора повстречаться. Она всегда хорошо понимает что делает, а значит наша общая жизнь в надежных руках».

И когда Мэй наконец вышла во двор из полутемного зала, с купленной по пути чашкой кофе в руке и легкой дорожной сумкой через плечо, высокая, тонкая, темная, с копной густых, кудрявых, пепельно-серых волос, выдохнула с непередаваемым облегчением: «Мишкин, дружище, ты действительно тут», – не

стал сверлить испытующим взглядом, просто поднялся навстречу, аккуратно поставил на стол ее чашку, обнял, уткнулся носом в горячую шею и не заплакал от облегчения только потому, что это было бы слишком просто, да и Марко, пожалуй, засмеял бы обоих, глядя на них с небес.

Мэй была дочкой Нины, актрисы кукольного театра, крупной краснолицей блондинки, такой сладкоголосой, что ей доставались роли всех добрых фей, всех обиженных падчериц и самых умильных котят, такой отчаянно некрасивой, что отказывалась выходить на поклонны, говорила: «Чтобы детей не пугать», – конечно, преувеличивала, но назвать ее слова совсем уж беспочвенным кокетством язык не поворачивался.

Отцом Мэй стал какой-то неизвестный африканский студент, имя его Нина сперва скрывала от всех, а когда решила все-таки сообщить повзрослевшей дочери, поняла, что забыла, и обе так громко смеялись в ту ночь на балконе, что перебудили соседей. На них, конечно, не рассердились, смех – не скандал, от такого шума даже проснуться приятно.

Дом у них вообще был дружный, большая часть жильцов – актеры, музыканты и прочий условно богемный народ. Отец Марика, к примеру, был цирковым клоуном, а мать работала помощником режиссера на киностудии и появлялась дома так редко и ненадолго, что вежливый Марик то и дело обращался к ней на «вы» – не нарочно, а просто с непривычки. Присматривала за ним тетка, незамужняя сестра отца, переводчица, вечно заваленная работой. Она покидала свою комнату только когда приходило время разогреть нехитрый обед и на все детские вопросы, начинавшиеся с «а можно?», неизменно отвечала: «Да», – просто чтобы отвязались. Поэтому в гостях у Марика разрешалось сидеть хоть сутками напролет, безвылазно, пока собственные родители не начинали стучать в ярко-синюю фанерную дверь на последнем, четвертом этаже, чтобы сообщить блудным чадам: «Московское время двадцать три часа», – и сдержанно осведомиться, не желают ли упомянутые чада в связи с этим прискорбным фактом немедленно отправиться в постель. Шли, конечно, куда деваться, спускались по лестнице, едва передвигая ноги от внезапно обрушившейся усталости, но все равно неохотно, бормоча: «Мы только разыгрались!» Впрочем, потом наступал новый день, ничуть не хуже прежнего, можно было снова бежать к Марику, вместе сочинять новые слова тайного языка и рисовать на старых обоях в гостиной незаконченную вчера карту страны Гарадан, где живут слоны-лилипуты, а люди умеют летать, меняют цвет кожи в зависимости от настроения и всегда рождаются только по двое, трое, а то и по шестеро, но никогда в одиночку – чтобы сразу, с самого первого дня было с кем дружить так же крепко, как дружим мы.

Это называется «счастливое детство», но подобные формулировки возникают гораздо позже, когда, вырастая, сближаешься с некоторыми ровесниками и сперва с недоверчивым удивлением, а позже с горечью обнаруживаешь, что так привольно, полно и весело, как нам троим, похоже, вообще никому не жилось. И это, как ни смешно, не дает теперь никаких видимых преимуществ, скорее наоборот, обрекает на одиночество. Тебе, по большому счету, просто не о чем говорить с другими людьми – кроме, конечно, Марки и Майки, двух голов непобедимого сказочного дракона, чья третья голова – это ты.

На дружбу втроем Миша, Марик и Майя, она же Мэйбыли, можно сказать, обречены с самого начала, просто потому что в доме не оказалось других детей соответствующего возраста, а соваться в поисках компании в чужие дворы не позволяли родители. А к тому времени, как стало плевать на запреты, они уже успели найти друг друга и утратить интерес к новым знакомствам. Вот исследование неизвестных территорий – совсем другое дело, свой район они успели изучить еще до того, как пошли в школу, а классу к третьему уже неплохо знали весь город, который регулярно объезжали из конца в конец на автобусах и трамваях. И какое же счастье, что вечно занятые мамы ни о чем не догадывались, а то засадили бы нарушителей под строжайший домашний арест, наплевав на собственные либеральные принципы. И как тогда писать мелом на стенах чужих сараев, на самой дальней окраине, добравшись туда с тремя пересадками, за два с половиной часа: «Граница с вольным городом Клукотан, без попугая не входить», или: «Здесь начинаются владения великого короля Ори-ёри, победившего злых обезьян». А на крышке канализационного люка: «До подземной страны Ар-Нуяк отсюда ровно 100 километров вниз», – и убежать, хохоча, чтобы завтра снова вернуться и продолжить переделывать окружающий мир в соответствии с собственными предпочтениями, изменять его день за днем, насколько хватает сил, тайком добытых трамвайных билетов, храбрости и разноцветных мелков.

Но все это было потом, а сперва совсем еще маленькие Миша и Майя играли в песочнице, каждый в своем углу и совершенно не стремились завязать знакомство, несмотря на дипломатические усилия успевших сдружиться мам. Миша тогда с откровенным недоверием косился на странную темнокожую девочку, в полной уверенности, что она не настоящая. Просто, например, картинка выскочила из книжки и ожила. Или не из книжки, а из телевизора, из какого-нибудь мультфильма про Африку. Настоящие дети такого цвета не бывают, это он знал твердо. А Мэй в ту пору вообще не обращала внимания ни на кого, включая собственную мать. Сосредоточенно строила очередной домик из песка, шевелила пухлыми губами, рассказывая себе бесконечную сказку о волшебных невидимых феях-принцессах, живших в ее песочном замке когда-то очень давно, сто миллиардов миллионов лет назад, или даже в прошлую среду, все равно что вообще никогда.

Это продолжалось до тех пор, пока в дом не въехала семья Марика, и он не вышел гулять. Во дворе огляделся по сторонам, деловито затопал к песочнице, ухватил обоих за руки, сказал серьезно, как взрослый: «Я к вам специально приехал по небу на лодке из города Бан-Буроган, где на деревьях цветут большие собаки, теперь будем всегда дружить», – и они не нашли, что противопоставить обаянию его уверенности, да и не захотели – зачем?

Марику тогда было четыре года, а им – по пять, но он всегда вел себя, как старший. Не то чтобы командовал, просто то и дело принимал решения, которые настолько нравились остальным, что спорить не было смысла, какой же дурак откажется от новой интересной игры?

А теперь Марика, неугомонного Маркина, храброго рыжего Марко больше нет на этой прекрасной земле, а связанные его давним решением Мишкин и Майкин, лучшие в мире друзья, обнимают друг друга на заднем дворе «Black Magic Caffee», в старом городе Риге, выдуманном, разнообразия ради, не ими самими, а кем-то другим, в пасмурный ветреный октябрьский день – вот как точно все рассчитал, не ошибся, такой молодец.

– А как ты думаешь, конечно, я тоже боялась, что теперь все пойдет не так, – наконец сказала Мэй, неохотно размыкая объятия и усаживаясь за стол, где уже почти успел остыть ее кофе.

Снова начала разговор откуда-то с середины, как будто все, что обдумывал в ее отсутствие, на самом деле было сказано вслух.

– Помнишь, как говорил Борьматвейч: «Одни люди, испугавшись чего-то, инстинктивно делают шаг назад, а другие – вперед. Оба способа по-своему хороши, главное – понять, который из них твой, чтобы не тратить зря время, обучаясь чужим, ненужным приемам». И поскольку со мной-то все давным-давно ясно, я поступила как должно: сделала шаг вперед.

Борьматвейч, то есть, конечно, Борис Матвеевич, инструктор по самбо, дзюдо и еще целому букету боевых единоборств, как он сам любил говорить, «крупный специалист по разумной драке», бритый наголо великан с лицом людоеда и самой теплой в мире улыбкой, был отчимом Мэй. Появился в их доме на правах случайного – у нее в ту пору других не водилось – хахаля Нины, а в итоге задержался на много лет; так и живут до сих пор вместе, летом катаются на роликах как подростки, зимой купаются в проруби, ходят в горы и ездят с палаткой в лес, а в прошлом году Мэй подарила им путешествие в Гималаи, мечтают теперь повторить. Удивительно дружная вышла пара, но в ту пору никто и помыслить не мог о подобном исходе, кроме Мэй. Она-то, впервые увидев Борьматвейча, крепко обхватила его огромную ногу и сказала: «Ты самый хороший!» – чем поразила в самое сердце не только его, но и собственную мать, которая к тому моменту начала опасаться, что у дочки имеется изъян похуже, чем шокирующая всех вокруг шоколадная кожа – полная неспособность любить, или хотя бы просто замечать других людей. Однако с появлением Борьматвейча выяснилось, что Мэй просто была чрезвычайно требовательна и строга в выборе симпатий. Такой, собственно, и осталась. А как еще?

А в ту пору Борьматвейч был совершенно сражен и ответил Мэй полной взаимностью. И дело, конечно, не только в том, что стал заходить все чаще, приносить в подарок игрушки и покупать мороженое. Главное, он разговаривал с Мэй, как со взрослой, серьезно отвечал на бесчисленные вопросы, охотно учил новым играм – и уж тут повезло всем троим. Например, нарды они именно тогда и освоили всей компанией, и «морской бой» на который извели тонну тетрадок в клеточку, и даже покер – правда, не карточный, а с кубиками, но тоже неплохо. А самой любимой стала почему-то игра «уголки» – шашками на шахматной доске; кстати, никогда с тех пор не встречал людей, которые бы ее знали. И Марик часто досадовал после того, как разъехались по разным городам, что больше не с кем всласть поиграть.

А еще Борьматвейч учил их драться. Повозившись какое-то время с дружной троицей, сказал: «Хорошие вы ребята, но в школе вам придется нелегко, всем троим, хоть и по разным причинам. Надо бы заранее подготовиться». Конечно, был совершенно прав – теперь-то, задним числом, это ясно. А тогда совместные походы в спортзал, прыжки и кувырки в нарядных, на скорую руку сшитых мамами кимоно – это было просто ужасно весело и интересно. Хоть и трудно, конечно, иногда – больно, изредка – невыносимо, до слез. Но – интересно. В детстве это единственный неотразимый аргумент.

Вот именно тогда, на одном из первых уроков, Борьматвейч заговорил о людях, которые, испугавшись делают шаг вперед или назад – инстинктивно, так уж они устроены. И надо не думать о том, кто лучше, а просто понять, каков ты

есть, и учитывать эту свою особенность, так будет проще выбрать тактику боя и даже стратегию собственной жизни; впрочем, это слишком сложно даже для взрослых. Простите, граждане дети, опять меня занесло.

Но они, кстати, все равно его поняли. Поскольку то, что слишком сложно для взрослых, для детей иногда – в самый раз.

Сказал, доставая новую сигарету:

– Меня до сих пор выручало, что я уродился довольно храбрым, а то бы только и делал, что пятился, весь мир, небось, задом наперед успел бы уже обойти. А тут – о да, действительно стало страшно. Очень боялся, что ты не захочешь со мной дружить.

– Совсем потому что дурак, – проворчала Мэй, сердито отмахиваясь от облака дыма. – И я у нас примерно такая же дура, счет ноль-ноль, начинаем новую партию, и это гораздо лучше, чем ничего.

Опустил голову на ее руки, сложенные на столе. Прошептал:

– Я бы так хотел жить с тобой в одном городе, Майкин. Дураки мы не столько сейчас, сколько были, когда разбежались в разные стороны после... Ладно, неважно.

– Конечно, неважно, – невозмутимо подтвердила Мэй. – Я тоже помню, после чего. А ты правда готов все бросить и переехать, к примеру, в Ванкувер?

– Да, нет, не знаю. Каждый ответ по отдельности ложь, правдой они могут быть только в сумме.

– Но в сумме они – вообще не ответ.

– Тоже верно. Ну, скажем так: мне все равно, в каком городе жить, или почти все равно. А с другой стороны, кому я нужен в этой вашей Канаде со своими мультфильмами и без денег, которые могу заработать, сидя в Москве? А с третьей, рисовальщик вроде меня, наверное, везде приживется, просто надо оторвать задницу от прилипшего к ней образа жизни и оглядеться по сторонам. Но самое главное, Майкин, что все эти рассуждения становятся лишними на фоне простого вопроса: чего хочешь ты?

– Не знаю, – вздохнула Мэй. – Тут нужно крепко подумать. Или вовсе не думать, а просто бросить монетку? Отличная мысль. Я уже, считай, начала ее подкидывать. По крайней мере, прилетела сюда почти без вещей, словно бы на пол-дня. Но при этом без обратного билета, заранее договорившись об отпуске, потому что, будем честны, просто не знала, куда меня потом понесет. И до сих пор не знаю.

Присвистнул:

– Ого! Может быть для начала просто ко мне в гости?

– Да, такой вариант лежит на поверхности. Даже «спасибо» за приглашение можно не говорить, оно само собой разумеется, нельзя было не озвучить вслух, и мы оба это хорошо понимаем. Но как тебе другой вариант, еще более очевидный?..

– Стоп. Я понял. Можешь не продолжать.

Почему-то очень не хотел, чтобы Мэй произносила вслух: «Полетим в Одессу, а там сядем на электричку...» – после этого станет некуда отступать. При том, что отступить, собственно, не собирался – вот ведь парадокс.

В Одессу они впервые попали еще подростками, Мишке и Мэй было по четырнадцать лет, а Марику, соответственно, тринадцать. Его мать в тот год почти безвылазно сидела со своей съемочной группой на Одесской киностудии

и решила на лето забрать к себе сына, чего морю и фруктам зря пропадать. И даже сама предложила пригласить друзей, зная по опыту, что один собственный сын – обуза, почти непосильная для круглосуточно занятого человека, зато трое подростков – вполне самодостаточная система, способная развлекать себя с утра до ночи, кормить по мере необходимости и даже более-менее вовремя, в смысле, хоть когда-нибудь доставлять на ночевку домой.

Марик к тому времени окончательно вжился в роль безумного гения и, оставшись в одиночестве, пожалуй так и просидел бы все лето в пустых полутемных съемных комнатах, уткнувшись носом в тетрадки – двадцать девять штук, по числу вымышленных и хотя бы отчасти описанных ими на тот момент стран и городов. Или, напротив, в первый же день отправился бы куда глаза глядят, заблудился бы в незнакомом городе, полез бы ночевать в чужой подвал, а там, чего доброго, отыскал бы какой-нибудь тайный лаз в катакомбы, и привет. Что-что, а находить приключения на свою задницу Маркин умел и любил всегда.

Миша и Мэй, уж на что сами были охотники сунуть нос незнамо куда в надежде, что там с ними случится неведомо что, а все равно состояли при вдохновенном Марике чем-то вроде охраны. Рано или поздно кто-нибудь из них обязательно вспоминал, что пора возвращаться домой. Да и жрать, честно говоря, хочется, поэтому надо бы купить по дороге мороженое и, например, помидоры. И еще обтрясти один абрикос, примеченный утром, растет между двумя участками, явно ничей. А нынче же ночью попробовать добраться до соседской черешни... «А? Это как? Вы о чем?» – удивленно переспрашивал Марик, словно впервые в жизни услышал слова «жрать», «помидоры», «черешня», «соседский», «домой». Но быстро возвращался к действительности и с энтузиазмом поддерживал новый план, потому что добыча ужина – развлечение ничем не хуже прочих.

Это было их самое счастливое лето – при том что и на другие грех жаловаться, они всегда отлично проводили школьные каникулы, главное, что вместе, а обстоятельства места и времени – какая, в сущности, ерунда. Но в Одессе обстоятельства сумели стать еще одним главным действующим лицом. Море, бесконечные пляжи и зеленые склоны, фруктовые сады и мороженое, иностранные фильмы в летнем кинотеатре, которые можно было смотреть бесплатно, просто вскарабкавшись на высокое дерево за стеной, а самое главное – большой, красивый, совершенно незнакомый город и полная свобода передвижения, чего еще желать. Даже местные хулиганы, остерегаться которых им хором советовали все соседи и работники киностудии, стали не проблемой, способной испортить вольную летнюю жизнь, а просто дополнительным развлечением, спасибо Борьматвеичу за науку. Очень уж приятно оказалось ходить по темным улицам, оглядываясь по сторонам, как хищники в лесу – в поисках не опасности, но потенциальной жертвы. Впрочем, до серьезной драки так ни разу и не дошло.

Именно в Одессе они заново воскресили свою старую детскую игру, на время позабывшую за школьными делами и развлечениями. Бродили по городу с мелками в карманах, украдкой, когда никто не видел, оставляли на тротуарах, стенах домов, киосках, автоматах с газировкой и телефонных будках загадочные, дразнящие воображение надписи: «Айсана становится ближе», «Пейте воду из источников Ори-Туу», «Здесь с 1849 по 1978 год проживал экс-император Пакопаны в изгнании», «Если пойдешь отсюда на север, достигнешь Маньяра через пять дней пути», «Пение диких пней на радио Карандора,

слушайте на средних волнах», «Резиденция файонского Штарха – за углом, вход по шестому паролю», «Слава борцам за свободу Блискатти!»

Любил эти надписи больше всего на свете – бездумно, не анализируя, не пытаясь объяснить себе, в чем их смысл. Точно так же всегда относился к музыке, а, повзрослев, к хорошим стихам, требуя от них только одного: чтобы пьянили, как газированное вино, сразу шибали в голову и отключали ее – если не навсегда, то хотя бы на время, достаточное, чтобы умереть и снова воскреснуть, и долго потом собирать себя по старым чертежам, но из новых деталей, как шаман, вернувшийся из Нижнего Мира, с полными карманами сияющей, теплой невыразимой сути вещей, выменянной на собственные потроха.

Мэй эта затея, в первую очередь, веселила. Признавалась порой: «Больше всего на свете люблю представлять, как какая-нибудь тетка, бегущая с рынка, вдруг упирается глазами в надпись: «Проход в Эрихор в конце двора». Стоит такая и думает: «Что за Эрихор? Интересно, почему? А вдруг мне это надо?» И действительно прется во двор, ищет проход. И может быть даже находит! И вламывается в священный город царя Тартарана – как есть, в халате, с говядиной, луком и баклажанами в сетке. И тут же, конечно, сходит с ума. И подданные царя, кстати, тоже наверное сходят с ума, или думают, будто сошли, потому что такая бредовая галлюцинация среди бела дня – как ее себе объяснить?

«Ну уж нет, подданные царя Тартарана не могут сойти с ума от такой ерунды, – строго поправлял ее Марик. – Потому что с детства приучены выходить по утрам в окружающую город сизую Шариheyскую пустыню, где обитают самые ужасающие миражи на свете. И разглядывать их, пока не станет совсем безразлично, как выглядит то, на что смотришь. Какой-то теткой с авоськой ты их не проймешь!»

Марик вообще относился к надписям чрезвычайно серьезно, никогда не выходил из дома без тетрадок, с которыми постоянно сверялся, чтобы не вышло путаницы, и однажды чуть не набросился с кулаками на Мэй, которая, не посоветовавшись с ним, написала на стене знаменитого одесского дома с атлантами: «Консульство Лейна». Кричал: «Его здесь не может быть, оно в другом месте!» – и не успокоился, пока надпись не была стерта, а потом долго чертил на ее месте замысловатые узоры, чтобы уж точно никаких следов. Но это было единственное неприятное происшествие за все лето, да и то, условно неприятное – до ссоры-то так и не дошло.

С того лета они рвались в Одессу всегда. Перерыв затянулся на целых два года, потому что мама Марика закончила свои дела на тамошней киностудии, а совсем без взрослых их так далеко не отпускали. Следующую поездку Мэй выпросила в подарок на свое шестнадцатилетие. В Одессу их тогда повез Борьматвейч – всего на три дня. Но это было настолько лучше, чем ничего, что счастья хватило на весь оставшийся год – последний школьный для всех, включая Марика, который, не желая расставаться с друзьями на время уроков, каким-то образом добился разрешения пойти в первый класс в шесть лет.

А после окончания школы наконец-то наступила желанная свобода. В том смысле, что ехать они теперь могли на все четыре стороны – честно заслужили, выросли, получили паспорта, и даже в институты каким-то чудом поступили, все трое, с первой же попытки, такой прыти от них никто не ожидал. С тех пор ездили в Одессу при всякой возможности, снова и снова, в плацкартных вагонах, тряских междугородних автобусах и просто автостопом, благо Мэй, к

тому времени уже сносно болтавшая по-английски и научившаяся ловко изображать совершенно чудовищный, небывалый акцент, стала выдавать себя за иностранную студентку, и ее шоколадная кожа из фатального недостатка мгновенно превратилась в неоспоримое преимущество: подвезти иностранку, даже обремененную сразу двумя спутниками, водители почитали за честь, а по дороге кормили всю троицу как на убой и домашним вином угощали, не скупясь, причем совершенно бескорыстно, просто ради удовольствия продемонстрировать красивой долговязой мулатке местное гостеприимство.

Именно в Одессе Миша впервые обнаружил у себя талант нравиться женщинам – и ровесницам, и тем, что постарше, не то чтобы вообще всем без исключения, но очень многим. Это было неожиданное и чертовски приятное открытие, которое, кроме всего, позволило ему быстро обзавестись достаточным числом веселых подружек, всегда готовых приютить его и друзей и, таким образом, раз и навсегда решить проблему со съемом жилья, на которое вечно не было денег.

А следующим летом они открыли для себя Каролино-Бугаз¹³, куда можно всего за полтора часа доехать на электричке с центрального Одесского вокзала, поставить палатку на одном из пустынных пляжей и жить там, сколько душа пожелает – летом, конечно. Потому что Одесская область – это, теоретически, юг. Но очень суровый. Зимой по тамошним пляжам и не погуляешь-то особенно. Холодно, сыро и всегда дует ветер, да такой, что даже здешнему, балтийскому, рижскому, вовек не добиться столь блестящих успехов в деле заморозки незваных гостей. Хотя он, конечно, старается как может, впору в помещение дезертировать. Давно, кстати, пора.

Но вместо этого достал очередную сигарету и снова закурил. Пропадать – так здесь и сейчас, во дворе кафе «Черная магия», где так сладко сидится на ветхой деревянной скамье, и теплая, шоколадная, как конфеты местного производства, рука Мэй лежит на плече, и еще не прозвучали слова, после которых отступление станет невозможно: «Ладно, пошли за билетами, чего тянуть».

Но вместо этого Мэй сказала:

– В гости к тебе – это, на самом деле, отличный вариант. Особенно если только «для начала». Как ты думаешь, мы сможем добыть еще один билет на твой самолет?

– Наверняка. Во всяком случае, сюда я прилетел в полупустом.

И, помолчав, добавил:

– Спасибо, дружище. Мне просто нужно время, чтобы привыкнуть к этой идее. Ну и на работе договориться. Я хоть и числюсь чем-то вроде мелкого начальства, которому время от времени можно гулять по коридору без кандалов и прочие милые богемные вольности в таком духе, а все равно не получится вот так, не подтянув все хвосты, бросить ребят и надолго свалить. И не сомневайся во мне, пожалуйста. Я тебя не подведу.

– А я и не сомневаюсь, – сказала Мэй. – Никогда в жизни ни единой минуты не сомневалась в тебе. Просто не умею этого делать, а теперь уже поздно учиться. И ни к чему.

Эхом повторил:

¹³Каролино-Бугаз — село в Овидиопольском районе Одесской области; название распространилось на всю курортную зону, расположению между Чёрным Морем и Днестровским Лиманом, где находится множество дач, пансионатов и баз отдыха.

– Ни к чему.

– На этой оптимистической ноте, – усмехнулась Мэй, – предлагаю нам обоим заткнуться и пойти жрать. А потом за моим билетом. А потом – ну, посмотрим, как сложится. Если не накормить меня немедленно, вообще не будет никакого «потом». Мы с тобой – люди без будущего, трепещи, мой бедный бледнолицый друг!

– Потому что ты проглотить меня целиком, не снимая ботинок, а потом зачухнешь от тоски по родной душе?

– Ты всегда понимаешь меня с полуслова. Вот уж правда родная душа. В награду отведу тебя в один отличный кабак; впрочем, скорее всего, в неизвестное заведение, которое давным-давно открылось на его месте. Все-таки столько лет прошло! Но попробовать стоит.

Мэй вела его по Старому городу так уверенно, словно прожила в Риге, как минимум, несколько лет. Не выдержал, сказал:

– Ну и память у тебя! «Черную магию» мгновенно нашла, а я ничего кроме названия так и не вспомнил, случайно туда забрел, повезло. А теперь ведешь в какой-то загадочный кабак, о котором я вообще забыл – разве мы в тот день еще где-то кроме кафе сидели? Доктор, у меня провалы в памяти...

– Нет у тебя никаких провалов, – без тени улыбки ответила Мэй. – Просто ты, как я понимаю, был в Риге всего один раз, на Марочкиной свадьбе, когда мы даже погулять толком не успели. А я приезжала еще трижды. То есть, прилетала; ну, неважно. Марко просил. Хреново ему тут было, прямо скажем. Особенно временами. Он не хотел тебе говорить. Не хотел, чтобы ты знал.

– Господи, но почему?

Даже в глазах потемнело. Маркин не хотел, чтобы я знал, как ему хреново. Приехали. Интересно, а зачем я тогда вообще?

– Просто он слишком сильно тебя любил, – сказала Мэй. – То есть, нет, не в «любил» дело. Меня он тоже любил, не вопрос. А тобой Маричек восхищался – ну, знаешь, как некоторые мальчишки восхищаются старшими братьями? И ужасно хотел быть в твоих глазах таким же, каким казался ему ты: сильным, храбрым, совершенно неотразимым. Таким, понимаешь, сверхчеловеком, которому плевать на все, кроме самого-самого главного. И уж это самое главное у него не отнимешь, потому что оно – чистый свет. И по сравнению с ним все остальное не имеет значения.

Сказал растерянно:

– Но таким был он сам, а не я. Куда мне!

И осекся, почувствовав, как по щеке катится очень горячая, постыдно мокрая капля. Самая настоящая слеза, ничего не попишешь, придется признать: я все-таки реву, как дурак. Что, честно говоря, даже к лучшему, сколько можно терпеть.

– Значит, у нашего Марко все получилось, – примирительно сказала Мэй. – Он и правда казался тебе ровно таким, как хотел. Я всегда говорила ему, что это ужасная дурость, но теперь все равно очень рада. Одной победой, стало быть, больше. И если продолжать придерживаться версии о бессмертии душ – а в рамках иной парадигмы лично я сейчас просто не выживу – наши аплодисменты ему совсем не повредят.

И действительно несколько раз хлопнула в ладоши, молитвенно воздев к небу темное, сияющее лицо.

Буркнул сердито:

– Хрен ему, а не аплодисменты. Хватит с него и того, что довел меня все-таки до слез. Сверх-человека-то, заплевавшего все вокруг, кроме чистого света! Не каждому такое по силам.

– Не каждому, – серьезно согласилась Мэй. – Наш Марочкин – молодчина. Великий мастер доведения до ручки старых друзей, уникальный талант. И, кстати, вот ресторан, о котором я говорила. Стоит где стоял, и даже название прежнее. Не ожидала! Будем надеяться, старый шеф-повар тоже на месте, здоров и благополучен, тогда мы можем рассчитывать на лучший в мире стейк, нежный, как вождделение, влажный, как страсть, кровавый, как сама жизнь, по цене, умеренной, как нравы местной мелкой буржуазии. То есть, почти никакой.

Невольно усмехнулся:

– Всегда говорил: хочешь пробудить в Мэй поэта, просто дожись, пока проголодается, а потом покажи ей кусок мяса. Слушай, что она скажет, чавкая и урча, а потом представь, что все это было, к примеру, о Боге. И записывай скорописью, быстро-быстро, пока не забыл.

– Отличный метод, – согласилась Мэй. – На таких условиях я согласна быть поэтом практически круглосуточно. Даже с работы готова уйти, чтобы не отвлекаться на пустяки – при условии, что мясо будет за счет клуба любителей духовной поэзии.

– Это справедливо.

Так заболтались, стоя на пороге, что не заметили приближающегося неприятеля, твердо намеренного сокрушить их стройные ряды. Неприятеля можно было понять: так загородили проход, что даже призраку не протиснуться. А уж живому человеку из плоти и крови – подавно.

– И снова простите мою неловкость, – ласково сказал неприятель, вернее неприятельница, приобняв за плечи обоих друзей и раздвинув их легко, как гардины. Вышла на улицу и направилась к темно-синему автомобилю, ожидавшему ее на углу. Полы распахнутого белого пальто трепетали на ветру, как победоносное знамя.

Хотел вежливо ответить: «Ну что вы, на этот раз вина целиком наша», – или еще что-нибудь в таком роде. Но не смог произнести ни слова. Стоял и смотрел вслед красивой госпоже консулу, думал: «Боже мой, это который уже раз мы случайно столкнулись? Четвертый? Нет, пятый. Уже почти анекдот»

– Господи, какая невероятная женщина, – выдохнула Мэй. – Просто невозможно красивая. Слишком. Таких не бывает. Человеческая плоть, при всем уважении, просто не тот материал, из которого можно лепить подобные штуки... погоди, а ты с ней, выходит, знаком? Она сказала «снова простите», и обращалась явно к тебе.

– Не знаком, к сожалению. Просто встречаю ее весь день абсолютно везде, начиная с кафе, где мы поутру говорили с Марьяной. Марьяна, кстати, утверждает, что эта женщина – консул какой-то неведомой страны. То есть, со страной все наверняка в полном порядке, просто Марьяна до сих пор не прочитала табличку у входа в консульство, хотя ходит мимо каждый день – оно где-то в том районе, возле ее новой квартиры. И, между прочим, в «Black Magic Caffee», где наша красотка в белом пальто при мне покупала конфеты, тоже знают, что она консул. И тоже не в курсе, какой страны... Слушай, а кстати, на каком языке она говорила? Ты разобрала? У меня на этом месте весь день происходит короткое замыкание: смысл ее слов, вроде бы, понимаю, а язык определить не могу.

– погоди, – удивилась Мэй, – а разве не просто по-русски?

– Да вроде бы, нет. Или... А знаешь, может, ты и права. Но откуда иностранный консул в Латвии знает русский язык? Ей, по идее, было положено вы зубрить латышский.

– Ну мало ли. Бывают всякие полиглоты. Особенно среди ангелов, на которых твоя новая подружка похожа куда больше, чем на нормального человеческого человека. Что, впрочем, ей только в плюс... Пошли лучше жрать, сколько можно торчать на пороге? На нас уже смотрят с некоторым недоумением, и этих добрых людей можно понять. Еще немного, и нам попросту наваляют за то, что устроили тут сквозняк.

Позже, уже за столом, разрезая стейк, вспомнил:

– А, вот же. Марьяна еще говорила про флаг...

– Что за флаг? – промычала Мэй, о чьих отношениях с хорошо приготовленным мясом следовало слагать если не легенды, то хотя бы баллады. Вот героические или любовные – это, конечно, вопрос.

– Флаг над входом в консульство неопознанной летающей... в смысле, неизвестной, но скорее всего латиноамериканской страны, которую представляет наша Снежная королева в белом пальто.

– Для Снежной королевы у нее слишком теплые руки. Лично я ставлю на ангела. Ну и что там за флаг?

– В Марьяниной версии – какой-то диковинный. Зеленый с шахматными полями по углам. Ясно, что она перепутала, а все равно забав...

– Зеленый, с шахматами?!

Случилось небывалое. Мэй отложила в сторону вилку и нож, даже не подобравшись к середине сочного стейка.

– Послушай, – строго сказала она. – Ты придуриваешься, чтобы меня разыграть, или действительно не помнишь?

– Не помню – что?

– Доктор, у меня и правда провалы в памяти. То есть, у тебя. Это же флаг из Марочкиной тетрадки! Помнишь, был у него такой период, когда он забросил писанину и целыми днями рисовал? Флаги, гербы и прочую геральдику, потому что архитектура ему никак не давалась, пейзажи, люди и звери – тем более. Это у нас только ты и умел, но тебя еще надо было уговорить.

– Да не «уговорить»! Просто дожидаться, пока я хоть что-то увижу.

Бросился в спор яростно, как в детстве, когда друзья приставали к нему с просьбой нарисовать очередную порцию картинок про волшебные страны и города. Сам хотел этого больше всего на свете, но мог далеко не всегда, потому что...

– Потому что если просто придумывать из головы, опираясь, скажем, на любимые иллюстрации к сказкам, выйдет вранье. Кому оно интересно.

– Да, конечно, ты прав. Извини. Ты еще тогда пытался нам объяснить, что не в твоём желании дело. А мы упорно не понимали, что «увидеть» нельзя по заказу, надо ждать, пока оно само случится. Но речь сейчас не о тебе, а о Маркине, который, помнишь, решил: раз так, буду сам рисовать. И быстро-быстро, буквально за несколько вечеров начертил и раскрасил полсотни флагов. Зеленый с шахматной клеткой – это, собственно, Лейн.

– Господи, надо же. Именно Лейн? Ты точно помнишь? Не перепутала?

– Точно. Ты еще смеялся, что шахматные поля явно для игры в «уголки» – надо же, это в Лейне, оказывается, национальный спорт! А Маркин страшно обиделся, спорил: «Это случайно совпало, я ничего не выдумал, просто точно

знаю, что их флаг – такой». И не успокоился, пока ты не сказал, что веришь... Просто, так получилось, я помню все ваши ссоры. Очень тяжело их переносила. Боялась, что сейчас – хлоп! – и все рассыплется. А потом всякий раз выяснялось, вы просто орете, без намерения разругаться навек, не от злости, а потому что – ну, сил, что ли, слишком много? Некуда их девать? Этого я никогда не понимала, поскольку если уж я начинаю кричать...

– О да. Если уж ты начинаешь кричать – считай, апокалипсис на пороге, эвакуироваться не успеем, разве что завещание написать. Потому что ты – самый честный в мире стойкий оловянный солдатик, Майкин. Ничего не делаешь наполовину.

– Это правда, – кивнула Мэй. – Но речь сейчас не обо мне, а о чертовом флаге. Я вот чем больше думаю, тем меньше понимаю – как могло случиться, что Марьяна так точно описала тебе флаг Лейна? Может быть, Маричек ей все рассказывал? И даже давал полистать тетрадки?

– Которые давным-давно сжег? И Марьяна все эти годы хранила информацию, чтобы столь изысканно подшутить надо мной напоследок? Непросто такое вообразить. Но все равно я тоже об этом подумал. И знаешь, все-таки нет. Не может такого быть. Дело даже не в том, что Марко не стал бы ей рассказывать – поначалу он был влюблен по уши и способен на любую дурость. Просто Марьяна не стала бы слушать. Ей неинтересно – про Лейн, флаги и прочее. Более того, она все это ненавидела. И нас с тобой – не только в рамках обычной ревности молодой жены к старым друзьям. А как своего рода мост к «нездоровым фантазиям». Ты знаешь, что она одно время считала нас наркоманами?

– Ага, слышана. Остроумная версия. Вот уж правда, нашелся наконец главный наркоман всех времен и народов. Наш Маричек, который не пил ничего крепче сидра и с таким трудом заставил себя научиться курить, когда вдруг вообразил, будто без трубки или хотя бы сигары образ настоящего взрослого мужчины будет неубедителен. И с облегчением бросил, как только нашелся подходящий предлог: дайвингом занялся, мешает.

– И так боялся уколов, что всегда первым влетал в медицинский кабинет, расталкивая локтями всех, кому не повезло оказаться в начале очереди. Вот уж кто, испугавшись, делал не просто шаг, а прыжок вперед. Длинный, как у кенгуру.

– И поэтому всегда оказывался впереди.

– Даже умер первым из нас.

– Да, тут он перестарался. Смерть – не тот страх, на встречу с которым надо спешить. Хорошо, что я, кажется, не очень ее боюсь. Иногда нехватка воображения – огромное благо.

– С другой стороны, откуда мы знаем? Может, Марко все правильно сделал. Просто пока не смог прислать нам телеграмму: «Я на месте, тут охренительно, wish you were here, впрочем, можно не очень спешить, я подожду, привет».

– А может он и прислал, да мы не умеем ее прочитать. Взять хотя бы этот зеленый флаг с шахматной клеткой в углах – чем не телеграмма?

– Знаешь, что касается флага, я бы сперва на него все-таки посмотрел. Разговоры – дело хорошее, но я, ты знаешь, зануда и реалист.

– Ну так пошли, поищем это дурацкое консульство, – предложила Мэй. – Ты, если я правильно поняла, знаешь, в каком оно примерно районе. Купим карту – и полный вперед. Прочешем все по квадратам. А потом поедем

добывать мне билет. Думаю, пара часов тут ничего не решит, билет или есть, или нет.

– Я бы даже не так ставил вопрос. Билет, в любом случае, есть, потому что он нам очень нужен. Впрочем, если вдруг что, поезда пока тоже не отменили. Не пропадем. Доедай свой стейк. А я пока покурю.

Пошел на улицу без пальто, по дороге подумал: «Дурак, замерзну», – а все равно поленился лишний раз заходить в гардероб. Но когда закрыл за собой тяжелую дубовую дверь, обнаружил, что снаружи совсем не холодно. То есть, и раньше было вполне ничего, но сейчас явно стало гораздо теплей.

Понял: все дело в ветре. Ветер переменился. Теперь он не с северо-запада, не с Балтийского моря, а, похоже, откуда-то с юга. Или даже с юго-востока, с черноморского побережья, где точно такой же ветер, влажный и почти полетному теплый дует всегда в октябре. Ради него, забив на лекции и все остальные дела, ездили в Одессу каждую осень, когда купаться и загорать было уже поздновато, жить на пляже в палатке – тем более, зато гулять – в самый раз. Останавливались у какой-нибудь из его гостеприимных подружек, Марик и Мэй старательно, но неумело изображали влюбленную пару, просто чтобы не было лишних вопросов, кто кому кто – такое поди объясни. Иногда, возвращаясь вечером к месту очередного ночлега, строго им говорил: «Хотя бы сегодня не забудьте попрыгать на этом гнусном скрипучем диване прежде, чем завалитесь спать, а то как-то неприлично выходит, никакого от вас беспокойства уже которую ночь», – и потом хохотали втроем, до слез, до бессильного пороссячьего хрюка, представив себе, как их разговор звучит со стороны.

Каждое утро шли на вокзал, садились там в электричку до Белгорода-Днестровского, выходили чаще всего на Студенческой, но иногда на Нагорной или даже на Солнечной и долго бесцельно бродили по опустевшим пляжам, пили прихваченное с собой сухое вино, причем не ради опьянения, а наоборот, чтобы сохранить хоть какие-то остатки трезвости, вино – простая, понятная штука, быстро возвращает на землю. Впрочем, сигареты в этом смысле еще эффективней, ради этого когда-то и начал курить. И до сих пор не бросил, потому что – а как еще возвращаться на землю из, скажем так, внутреннего космоса, звенящей живой пустоты, из которой берется все, в которую все уходит, которая чистый свет, как сегодня сказала Мэй. Знает, о чем говорит.

Там, на этих песчаных пляжах, порой достаточно было закрыть на секунду глаза, сделать шаг в сторону моря, или обратно, не имеет значения, как вдруг обнаруживалось, что уже прошло, например, три с половиной часа, и мы каким-то образом дошли от Студенческой чуть ли не до Шабо, вот так вот, просто по берегу, миновав все препятствия, включая заборы закрытых на зиму пансионатов, лодочные сараи и необозримую, возвышающуюся до самого неба, свалку автомобильных шин. И только потом, закулив, отхлебнув кислого как уксус вина, вспоминаешь подробности этой прогулки, долгий сладостный сон наяву, в котором, вроде бы, совершенно ничего не происходило кроме ходьбы по берегу, а на самом деле, в теле звучала музыка, сами собой выпевались немыслимые, непроизносимые слова, из теплого ветра, соленой воды и солнечного огня лепились причудливые фрагменты каких-то смутно знакомых вселенных, сами собой, как в детстве песочные замки: набираешь полную горсть мокрого настоящего совершенного времени и смотришь, как оно течет из твоей руки сверху вниз, как твердеет и обретает форму, а потом...

Да хрен его разберет, что там было потом. Но что-то да было, не зря же они каждое утро снова и снова спешили на электричку, ехали на Каролино-Бугаз, не в силах объяснить даже себе, зачем; впрочем, в объяснениях никто не нуждался, пока не приходило время возвращаться домой – вот это уж «зачем» так «зачем», вечный вопрос, ответ на который звучит почти как собачья команда: «Надо!» И даже: «Назад! К ноге!» Но почему-то этого оказывалось достаточно, чтобы вернуться. Какие мы были тогда дураки.

Какие мы были тогда дураки, нельзя описать словами, но дуракам везет, вот и нам необычайно везло каждую осень, и деньги на дорогу откуда-нибудь, да появлялись, и жилье находилось, и погоды всегда стояли такие, что нам только однажды понадобился черный Марочкин зонт, очень тяжелый, такой огромный, что под ним легко было поместиться втроем, с картой чужого звездного неба, вымышленного, конечно, как все, что мы так самозабвенно любили. В этом небе соседствовали созвездия Зеркала, Крепкого Сна, Приоткрытой Калитки, Большого Окна и Трех Небесных Друзей – мой подарок на его пятнадцатый день рождения, сам старательно разрисовывал внутреннюю поверхность этой громадины смешанной с лаком бронзовой краской, практически в бреду, потому что как раз тогда заболел каким-то пакостным гриппом, температура подскочила чуть ли не до сорока, но откладывать было нельзя, и так затянул, день рождения завтра. И не зря так старался, Марик был счастлив, будто ему подарили сразу весь мир, и с тех пор всегда таскал зонт за собой, даже в солнечную погоду, разве только в школу не брал, чтобы не сперли в общей раздевалке, зато ни в одну из поездок без зонта ни ногой – и сколько же раз он нас выручал!

Вот и в тот день на Каролино-Бугазе, когда по-летнему синее небо потемнело буквально минуты за полторы, и хлынул ливень такой убийственной силы, хоть в море ныряй, чтобы промокнуть поменьше, до нитки, но не насквозь, не до самого сердца – еще неизвестно, как оно переносит сырость – просто забились под зонт втроем, обнялись, чтобы стоять поплотней, и почти не промокли. Сперва разглядывали звездное небо над головой, и Мэй еще говорила: «Все понимаю, но как может быть созвездие Крепкого Сна? Как по его очертаниям тамошние астрономы решили, будто сон именно крепкий, а не абы какой?» Пришлось объяснять: «Всякий раз, когда астрономы принимались разглядывать это созвездие, они засыпали прямо у телескопов, так крепко, что их никто не мог разбудить», – а Марик молчал, улыбался и глядел снизу вверх на созвездия и на обоих друзей, длинных, как жерди, каждый выше его на добрых полголовы. А потом вдруг сказал: «Похоже на правду, я вот смотрю на картинку и уже зеваю, чего доброго, тоже засну, прямо как те астрономы, только стоя», – и действительно тут же закрыл глаза. Думали, это он шутит, но вскоре и сами почувствовали, что веки наливаются тяжестью. Сопротивляться не стали, потому что стоять на мокром песке под зонтом, слушать грохот обрушившегося на землю ливня, обнявшись и крепко зажмурившись – отличное приключение, новая игра на троих.

Так и стояли, прижавшись друг к другу, в успокоительной темноте. И, кажется, правда заснули, все трое. Я-то, по крайней мере, точно пришел в себя только после того как Маркин толкнул острым локтем и гаркнул в ключицу, чтобы не прыгать до уха: «Доброе утро, подъем!» И Мэй сладко зевая, попросила его: «Не ори, пожалуйста, мы же – вот они, рядом, не где-то на другом берегу».

Дождя уже не было, поэтому выбрались из-под зонта, поставили его на песок сушиться, сами уселись рядом на Марикову брезентовую куртку, обычно заменявшую им плед. Говорили, возбужденно перебивая друг друга, просто от избытка чувств: «Ну ничего себе ливень!» «Классно было!» «Вот это у нас зонт так зонт!»

Никогда не мог вспомнить, кто тогда первым посмотрел на небо. И только сейчас дошло: да я же сам и взглянул. И сперва спросил очень спокойно и сдержанно, как всегда в ситуациях, которые казались опасными, или просто непонятными: «Это только мне кажется, будто с небом что-то немножко не так?» – а уже потом понял, что когда небо стало огромным зеркалом, в котором отражается море и узкая песчаная полоса, и даже четыре маленькие темные точки – мы и наш зонт – это уже не «немножко не так». Это одно из двух: или галлюцинация, или катастрофа мирового масштаба. Причем выбирать между этими вариантами придется не самому, рядом сидят два свидетеля, сейчас огласят приговор.

Мэй только ахнула: «Ух ты!» Катастрофа там или нет, а она была в полном восторге. Подумал: «Ладно, если ей нравится, уже хорошо». А Марик тогда ничего не сказал. Но смотрел на зеркальное небо с таким невыразимым ужасом, какого они никогда прежде не видели в его глазах. Да и откуда бы взяться ужасу в глазах нашего Маркина, который храбрее всех на свете, ни черта не боится и заранее готов защитить всех от всего, на любых условиях, лишь бы позвали.

Сам тогда твердо знал только одно: если сейчас не покурю, наверное, грохнусь в обморок. Вот будет веселье! Поэтому закурил. И полез в сумку за предусмотрительно прихваченным из дома вином – тоже не помешает. Сперва вернемся на землю, а уже потом будем думать, что с нею стряслось. Может быть, просто редкий оптический эффект – ну, как мираж, например, только вместо пустыни тут море. Скорее всего, кстати, так и есть, просто мы никогда о подобном не слышали и не читали. Ну так мы и не можем все на свете знать.

Отхлебнув вина, успокоился окончательно. И решил успокоить друзей. Но, открыв рот, почему-то не стал говорить о неизученных пока оптических эффектах, а брякнул ни с того, ни с сего:

– Зеркальное небо у нас, насколько я помню, только над Лейном. Получается, мы теперь там. В смысле, тут. Марко, дружище, ты у нас крупный специалист по подробностям, а у меня дырявая память. Напомни, что это за место? Какие тут нравы и обычаи? Надеюсь, здешние жители не пожирают пришельцев вместе с носками и прочим нижним бельем? Впрочем, об этом можно не волноваться, у нас нигде не живут людоеды, я вспомнил. Но все равно нужна твоя консультация. Хочу понять, понравится мне тут или нет.

Марик тогда промолчал, ответила Мэй:

– Лейн – это призрачный город у моря, который всякий раз сам решает, быть ему видимым или нет – просто под настроение. И у какого именно моря он расположен, это город тоже решает сам, то и дело выбирает что-нибудь новенькое, но у жителей еще не было случая пожалеть о его решении, у Лейна отличный вкус. Живут здесь рыбаки, земледельцы, пекари и поэты, всю остальную работу город делает сам, строит дома, ремонтирует улицы, придумывает одежду, следит за чистотой, но добывать еду и писать стихи приходится людям – все честно, каждый должен вносить свой вклад. Странников здесь принимают, всяких, живых и мертвых, всем позволяют

остаться, потому что каждый, кто хоть раз отразился в зеркальных небесах Лейна, становится его гражданином – раз и навсегда.

Улыбнулся:

– Отлично. Мы в них уже отразились, и до сих пор отражаемся, значит не надо париться с визой, лично мне это подходит. И стихи я когда-то писал, и рыбалку люблю, точно не пропадем!

И кажется, именно в этот момент Марик, до сих пор сидевший молча, закрывший лицо руками, жестом отказавшийся от вина, вскочил и побежал к морю, не разуваясь, влетел в него и, уже стоя по пояс в воде, закричал так громко, что задрожала земля: «Я так не хочу!»

Конечно, бросились следом, силой, вдвоем вытащили его из воды, да он и не сопротивлялся особо, обмяк, висел на руках как мешок. Промокли все трое насквозь, Мэй еще деловито сказала: «Ладно, чтобы не так обидно, будем считать, мы просто попали под давешний дождь без зонта».

Марика кое-как усадили, трясли, расспрашивали, успокаивали, заставили выпить остатки вина, в этих хлопотах как-то забыли про зеркальное небо, было не до него. И только потом, когда достав из кармана раскисшие от воды сигареты, с досадой подумал: «Хрен я теперь покурю. Ничего себе новости! Интересно, хоть один вольный огородник в этом прекрасном невидимом Лейне выращивает табак?» – вдруг заметил, что небо над головой уже не зеркальное, а самое обыкновенное, голубое, по-осеннему бледное, и клочок исчезающей радуги застрял в облаках.

И как-то сразу понял: ну да, все правильно, Маркин сказал: «Не хочу», – и стало по его воле, все-таки он у нас главный в такого рода делах. Всегда это знал и до сих пор думал, что все только к лучшему. Но оказалось не так.

А вслух произнес:

– Похоже, рыбалка и стихи отменяются. Поехали домой сушиться.

В электричке молчал, совершенно потрясенный силой собственного отчаяния. Прежде не представлял, что в одного человека может поместиться столько горя сразу. Да еще и практически без повода. Думал: «Ну ладно, предположим, с нами случилось что-то невероятное. То есть, не «что-то», а совершенно конкретные зеркальные небеса. Скорее всего, просто примерещились – всем троим сразу, ну да, с нами и раньше подобные штуки случались. А даже если не примерещились, если были на самом деле – о чем горевать человеку, чудом оказавшемуся в каком-то неведомом измерении и благополучно вернувшемуся оттуда домой? Наоборот, радоваться надо, что все так отлично закончилось, и теперь мы вместе едем в Одессу, где можно будет купить сигареты и сразу же к Галке – греться, сушиться, обедать, открыть пару бутылок вина, и продолжение вечера тебе, не сомневаюсь, понравится, нравилось же до сих пор...»

На этом месте чуть не заплакал: «Болван, кого ты решил обдурить? Твоя родина, подлинное бытие – там, под зеркальными небесами. А этот дурацкий поезд, рельсы, травы, деревья, дома за окнами, мокрые башмаки – просто наваждение, чей-то горячечный бред, разновидность небытия, и ты – его часть, такая же бессмысленная глупость, как все остальное, просто теперь ты это знаешь, а раньше не знал. Так было гораздо проще, не спорю».

Уже на подъезде к Одессе, когда электричка остановилась на станции Сухой Лиман, Марик, отвернувшись к окну, сказал:

– Оно же было... не настоящее! Мы же сами все это выдумали – Лейн, и много чего еще. Вы что, не помните? На самом деле никакого Лейна нет. И

никогда не было. Только слова в тетрадке, карты, картинки, надписи на стенах. Просто наша игра! Поэтому я не захотел там оставаться. Мы бы тогда... Нас бы тоже сразу не стало. Как будто мы выдумали сами себя. Я так не могу!

Не стал возражать, потому что если бы начал говорить, чего доброго, потерял бы контроль над собой, и тогда неизвестно, что стало бы с растерянным рыжим Марко, теплой и темной Мэй, теткой с лукошком, полным пищащих цыплят, седым стариком в дальнем конце вагона, поездом, который уже отъезжал от Сухого Лимана, и будкой смотрителя станции, оставшейся позади, ее интересы тоже надо принять во внимание – просто так, за компанию, «до кучи», как здесь говорят. А так сидел себе и сидел, молча разглядывал руки, никого не убил, и правильно сделал – мы все и так в одной лодке, уже почти мертвецы.

Поэтому Марику ответила только Мэй.

– Песок там был совершенно настоящий, – спокойно сказала она. – И вода в море настоящая, мокрая и соленая. А небо – оно, конечно, далеко, не пощупаешь. Но уверена, оно тоже было настоящее. И мы тоже. Я об ракушку поцарапалась, пока мы там сидели. Видишь, вот царапина, – и сунула Марику под нос тонкую шоколадную руку. – Настоящая, до сих пор саднит. Я бы, честно говоря, совсем не прочь там остаться, Лейн – мой самый любимый из всех наших городов. Я как-то даже привыкла думать, что на самом деле оттуда родом, просто меня, например, похитили в детстве цыгане. Или сама заблудилась... Короче, неважно. Нет, так нет. Значит, не получилось, идем дальше. Вернее, едем. Скоро уже приедем, будем сушиться и жрать. Не изводись, Маркин, все хорошо.

Больше на эту тему не говорили. Как будто не было ничего. Хотя все трое, конечно, знали, что было. И Марик знал, просто не мог не знать что все испортил, отменил невероятное чудо, единственное, ради которого они родились, впервые позволив страху взять над ним верх – в самый главный момент их общей, одной на троих жизни.

А потом началась совсем другая жизнь, у каждого – своя. Хотя друзьями, конечно, остались, не вопрос. И новыми не обзавелись, потому что все место в сердце по-прежнему было занято друг другом. И даже разъехавшись по разным городам – не то чтобы намеренно, просто повинуясь центробежной силе судьбы – чуть ли не каждый день выбирали время поговорить по телефону или хотя бы написать электронное письмо. А позже, когда появился скайп, могли болтать друг с другом часами, забив на все свои, теоретически, неотложные дела. И встречались, как минимум, несколько раз в год, мотались друг к другу в отпуск, а то и просто на выходные, благо заработков наконец-то стало хватать на путешествия самолетами, даже если покупать билет в самый последний момент, внезапно, за пару часов до вылета, по велению то ли сердца, то ли некоей потусторонней вожи, которая всегда рядом с нами, где-нибудь под хвостом.

– Я уже испугалась, что ты просто взял и исчез, – сказала Мэй, накидывая ему на плечи прихваченное из гардероба пальто. – Что, например, эта твоя красивая женщина-консул вопреки моим аргументам оказалась не ангелом, а все-таки Снежной королевой. Усадила тебя в свои белые сани, поцеловала – и все, привет, увезла. И ты никогда не вернешься. Правда, у меня в запасе есть целый отпуск, чтобы смотаться в Лапландию и организовать там поход к Северному полюсу на оленях, а по дороге заодно отыскать тебя, но это я только теперь сообразила, увидев, что ты на месте, и успокоившись. Но слушай,

сколько же ты успел выкурить за эту долгую вечность, пока я скучала над опустевшей тарелкой? Полпачки?

Молча показал ей так и не прикуренную сигарету. Потом подмигнул:

– Я же у нас все-таки безумный гений, а не просто так хрен с горы. Имею полное право в любой момент замечтаться и впасть в прострацию. Мне даже слюни пускать дозволено великодушной природой – если вдруг выяснится, что подобная неопрятность способствует вдохновению. Представляешь, как здорово будет тебе у меня в гостях?

Рассмеялась и обняла его крепко-крепко, даже ребра жалобно хрустнули. Сказала:

– Заранее предвкушаю. У меня в телефоне отличная камера, буду круглосуточно постить в инстаграм скандальный репортаж «Будни гения». Прославлюсь, возможно даже разбогатею – чем черт не шутит. И уж тогда заживем! Пошли?

Кивнул:

– Пошли, поищем консульство Лейна. Во сне не могло присниться, что однажды произнесу что-то подобное вслух. И при этом в моих словах будет хоть какой-нибудь смысл... Ладно, для начала нам предстоит переправиться через большую реку, то есть, пардон, канал. Но все равно по мосту. Хулы, я надеюсь, не будет. А ты, если знаешь город, возможно сообразишь, как попасть отсюда на улицу – как же ее? – а, точно! Какого-то там Барона. А то я нас, пожалуй, такими кругами стану водить – к ночи не доберемся.

– Знаю, конечно, – невозмутимо ответила Мэй.

Взяла под руку и повлекла за собой. Но буквально сто метров спустя резко остановилась, дернула за рукав:

– Это ты тут с утра развлекался?

– Чем именно?.. Мать моя, понял. Нет, милый Майкин, не я. Даже не знаю, к сожалению или к счастью. Ну и дела!

Прямо у них под ногами на тротуаре красовалась надпись, сделанная цветными мелками: «До Бан-Бурогана отсюда 70 километров на лодке, при юго-восточном ветре». А на стене соседнего дома пестрело объявление: «Гильдия поваров-изгнанников из Маньяра переехала на Амату 7, вход со двора».

Вздохнул:

– Как будто мы тут уже сегодня гуляли. Только, конечно, втроем. И нам было максимум по четырнадцать лет.

– А Маркину – только тринадцать, – педантично добавила Мэй. И потянула вперед: – Ладно, идем на Барона. По крайней мере, это отсюда гораздо ближе, чем Бан-Буроган.

– Откуда, кстати, Маркин когда-то приехал в наш дом. Не как-нибудь, а в лодке!

– Правда. Ты тоже помнишь?

– Еще бы. Главное, я не только тогда ему сразу поверил, но даже потом, уже после школы, когда Маркин показывал новенький паспорт, удивился: почему местом рождения значится какой-то дурацкий Киев, а не Бан-Буроган? Но тут же подумал, что его вполне могли увезти из Киева в Бан-Буроган в возрасте нескольких месяцев. А уже оттуда – к нам. Успокоился: все наконец понятно. И только вечером сообразил, что по-прежнему считаю детскую выдумку документальным фактом. Но мнения, кстати, не переменял. Я, знаешь ли, консерватор.

– От слова «сожрать консерву».

– Особенно если она – сгущенка. Которую можно, к примеру, сварить. В такие минуты мой консерватизм бывает неопишимо... Смотри-ка, еще объявление!

– «Проход на территорию Айсаны до двадцатого числа сего месяца осуществляется только в сопровождении белого бульдога», – вслух прочитала Мэй. – А что, ничего себе так. Хорошие мы были детки, умненькие и с фантазией.

– Еще бы, просто отличные. И в этом смысле до сих пор ни черта не изменилось, уверяю тебя... А это еще что такое?

– Кажется, просто снег, – меланхолично сказала Мэй, подставляя рукав под медленно падающие снежинки.

– Снег?! При температуре, как минимум, плюс десять? И таком теплом ветре? Слушай, он еще и не тает. Вообще чума! Смерть законам физики и прочей бедной природы.

– Будем считать, это просто мелко помолотые облака, – решила Мэй. – Кто-то там, наверху, печет праздничный торт. И огромной ладонью смахивает лишние крошки с доски. Например, в надежде, что их склюют птицы, еще на лету. Но птицы уже улетели на юг, а чайки, голуби и воробьи просто не справляются с таким объемом работы. Поможем им, Мишкин? – и ловко слизнула сразу целую сотню снежинок, собравшуюся к тому времени на ее рукаве.

– Поможем, конечно. Тем более, мы так и не заказали сладкое. И теперь ясно, что правильно сделали – если уж на небесах сегодня затеяли торт.

– Думаешь, нас угостят?

– Ну так уже угощают. Крошки небесного торта – просто отличный десерт.

– Да еще и радугой приправленный, – вздохнула Мэй, озадаченно уставившись в небо. – Совсем они там, на небесах, с ума посходили. Такие молодцы.

Когда, пересекая мост, увидели впереди знакомое белое пальто, даже не стали делать вид, будто удивились. Красивая госпожа консул была уже в самом конце моста, зато, кажется, никуда не торопилась. Прибавили шаг и довольно быстро сократили расстояние, но тут она неожиданно побежала – не всерьез, не как спортсменка или человек, удирающий от погони, а как бегают дети, вприпрыжку, просто от избытка сил. Догнать ее однако оказалось совершенно невозможно – а ведь оба были в сравнительно неплохой форме. Ну, по крайней мере, не тормозили после каждого десятка метров, схватившись за бок.

Думали, приткая госпожа консул сейчас скроется из виду, и привет, поминай как звали, однако возле одного из домов на улице Барона она резко остановилась и какое-то время топталась на месте.

– Ты видишь, что она делает? – взволнованно спросила Мэй?

– Конечно, нет. Слишком далеко.

– Она пишет! Ну, или рисует, неважно. Хулиганит. Портит стены домов, умница моя. Готова спорить, я знаю, что она там сейчас пишет. То есть, примерно знаю, не слово в слово. Ты тоже?

– И я.

– Смотри-ка, она уходит! – воскликнула Мэй. – Сворачивает, вот черт!

– Ничего не поделаешь, имеет полное право. По крайней мере, мы запомнили, в каком месте был этот поворот. И еще остается надпись. Вот, кстати, интересно, на каком она будет языке?

Вероятно специально, чтобы его подразнить, надпись была на четырех языках сразу: русском, испанском, каком-то незнакомом, скорее всего, латышском. И еще на йокки – «универсальном языке всех миров», как называл его Марик, внезапно решивший, что жителям выдуманных ими городов и стран наверняка найдется, о чем поговорить друг с другом, поэтому надо срочно изобрести для них какой-нибудь общий язык, который даже учить не надо, потому что всякий, кто отправляется в путь, сразу начинает его понимать. Этот принцип им, измученным к тому времени школьной зубрежкой, особенно нравился.

Над словарем йокки корпели все вместе на протяжении нескольких лет. Конечно, не изо дня в день, случались и перерывы, порой долгие, на месяц, или даже больше. Но неизменно возвращались к своему занятию – чуть ли не до самого окончания школы. Хотя, надо признать, были чертовски разочарованы тем фактом, что придумать язык – вовсе не означает его выучить. И разговаривать друг с другом на йокки, не заглядывая то и дело в словарь, конечно же, так и не смогли.

Ай, неважно. Важно, что теперь надпись на йокки прочитали даже прежде русского перевода: «Кой кибидор йо Лейн су айна Мартас, кок огойи» – «Вход в консульство Лейна с улицы Мартас, через двор», чего тут непонятного, вот уж действительно.

Спросил, растерянно оглядываясь по сторонам:

– И где она, эта улица Мартас? Карту-то мы так и не купили, балбесы.

– Ну, для начала надо просто проверить, как называется улица, на которую свернула твоя подружка в белом пальто, – рассудительно заметила Мэй.

– Конечно. Ты молодец.

Так увлекся событиями и действиями – надписями в городе, снегом и радугой, погоней за красивой госпожой консулом, чтением объявления на давно забытом, в детстве выдуманном языке, поисками улицы Мартас, а на ней – двора, где находился обещанный вход, что только стоя у металлической ограды, окружавшей здание консульства, глядя на невозможный изумрудно-зеленый флаг с черно-белыми шахматными клетками в левом нижнем и правом верхнем углах, начал понимать, что, собственно, происходит. Растерянно обернулся к Мэй:

– Слушай, а что теперь? В смысле, какие у нас с тобой были планы? Что собирались делать после того, как найдем? Я правда не помню.

– Мало ли, какие у нас были планы, – тихо сказала она. – Тут, видишь, у них табличка. И черным по белому написано: «Прием граждан Лейна по личным вопросам с наступления сумерек до полуночи». Видишь? «С наступления сумерек», никаких там, к примеру, «восемнадцать ноль-ноль». Такие прекрасные бюрократы. И, мне кажется, сумерки уже довольно скоро. Еще немного, и начнет синеть. Подождем?

Сказал, усаживаясь прямо на занесенную теплым, сухим, не тающим снегом землю:

– Ладно, почему бы не подождать. Только ноги меня что-то больше не держат. А тебя? Знаешь, иди-ка сюда. Глупо было бы прямо сейчас потеряться. Например, увидеть разные сны.

Сидели рядом, обнявшись, на занесенной красными виноградными листьями и белой облачной крошкой земле, смотрели прямо перед собой, в темноту под

опущенными веками, то ли ждали скорого наступления вечера, то ли просто слушали, как шумит далекое теплое море – здесь, у самых их ног. И если вот прямо сейчас открыть глаза, можно увидеть, как сумеречно-синие волны лижут носки твоих новых ботинок. А если не открывать, все равно можно это увидеть, особой разницы, честно говоря, нет.

Вариации на тему рая

Открыть простую, наполовину застекленную дверь. А за ней равнина, засаженная совсем молодыми ёлками, под ногами хрустят круглые влажные камешки, далеко впереди лес, позади городок, на окраине которого мы находимся. И стоит моя любимая зимняя погода. Очень теплая, примерно плюс 8, очень мокрая – не дождь, а такая мелкая морось, как сквозь облако идешь. И цветет под ногами какая-то непобедимая мелочь – что-то доцветает с осени, что-то лезет, не дождавшись весны.

Вспомнить, что ты теперь тут живешь.

Или ехать, предположим, в автомобиле по горным дорогам. Лучше, чтобы это был открытый внедорожник, и чтобы за рулем сидел водитель, которому полностью доверяешь, потому что доверчивому пассажиру проще не только смотреть по сторонам, постепенно превращаясь в сплошное сердце с вытаращенными от усердия глазами, но и постепенно, часу, скажем, на четвертом, забыть, откуда выехали, и куда держим путь сквозь разные погоды и климатические пояса, то заезжая в облака, то спускаясь в долины.

Приехать потом – все равно, куда, отчетливо, всем телом осознавая, что мир изменился для тебя навсегда, и поездка каким-то немыслимым образом никогда не закончится.

И она не закончится, конечно.

Или лютой южной зимой, когда термометр, к ужасу местного населения, опускается до отметки плюс 10, прийти в сумерках к морю и брести по самой кромке воды, пересекая опустевшие пляжи; где-нибудь свернуть на пирс, стоять на его краю, смотреть на темную зимнюю воду, смутно вспоминая те времена, когда сам был тьмой, ветром, морем и небом – всем.

И снова всем этим побыть – три минуты, вечность.

Или вернуться в город, где прошло детство, сесть в кабинку канатной дороги, построенной для удобства возвращающихся с пляжа курортников. Отметить, что страх высоты покидает привычное к нему тело, как покидал его тридцать лет тому назад. И где-нибудь на середине пути вспомнить, что не знаешь, куда тебя везут.

Ну и приехать потом соответственно – незнамо куда. Даже если просто на пляж.

Или выйти из дома летней ночью и не узнать город, где живешь уже много лет. Свернуть с привычного маршрута в какие-нибудь жасминовые заросли, продрасться сквозь них в невесть откуда взявшийся парк, увидеть вереницу детей с бумажными фонарями, осознать, что так уже было, почти вспомнить, где и когда, обнаружить в собственной руке оранжевый бумажный фонарь, стоять, смотреть.

Просто вернуться домой.

Другие книги Макса Фрая

Серия “Лабиринты Ехо”

1. Чужак
2. Волонтеры Вечности
3. Простые волшебные вещи
4. Темная сторона
5. Наваждения
6. Власть несбывшегося
7. Болтливый мертвец
8. Лабиринт Мёнина

Серия “Хроники Ехо”

1. Хроники Ехо I
Чуб земли. История, рассказанная сэром Максом из Ехо.
Туланский детектив. История, рассказанная леди Меламори Блимм.
2. Хроники Ехо II
Властелин Морморы. История, рассказанная сэром Джуффином Халли.
3. Хроники Ехо III
Неуловимый Хабба Хэн. История, рассказанная сэром Максом из Ехо.
4. Хроники Ехо IV
Ворона на мосту. История, рассказанная сэром Шурфом Лонли-Локли.
5. Хроники Ехо V
Горе господина Гро. История, рассказанная сэром Кофой Йохом.
6. Хроники Ехо VI
Обжора-хохотун. История, рассказанная сэром Мелифаро.
7. Хроники Ехо VII
Дар Шаванахолы. История, рассказанная сэром Максом из Ехо.
8. Хроники Ехо VIII
Тубурская игра. История, рассказанная сэром Нумминорихом Кутой.

Серия “Сказки старого Вильнюса”

1. Сказки старого Вильнюса, том 1
2. Сказки старого Вильнюса, том 2
3. Сказки старого Вильнюса, том 3

Вне серий

1. Энциклопедия мифов. Подлинная история Макса Фрая, автора и персонажа. Том первый, А-К.
2. Энциклопедия мифов. Подлинная история Макса Фрая, автора и персонажа. Том первый, К-Я.
3. Жалобная книга (маленький роман из жизни накхов)
4. Гнезда химер. Хроники Овётганны.
5. Мой Рагнарёк
6. Идеальный роман

7. Книга Одиночеств
 8. Ключ из желтого металла
 9. Большая Телега
 10. Книга для таких, как я
 11. Сказки и истории
 12. Одна и та же книга
 13. Первая линия: избранные рассказы
 14. Вторая линия: избранные рассказы
 15. Ветры, ангелы и люди
- *****

Уважаемые читатели, спасибо за интерес к книгам Макса Фрая.

Приобрести другие его книги (и тем самым напрямую поддержать вашего любимого автора) вы можете на следующих интернет-площадках:

1) Персональный онлайн-магазин книг Макса Фрая (форматы .mobi, .epub, .pdf, .txt).

[Max Frei Books](#)

2) Amazon (формат .mobi)

[Amazon US](#)

[Amazon UK](#)

[Amazon DE](#)

3) [Kobo](#) (формат .epub; задайте в поиске «макс фрай» или «max frei»)

4) [Xinxii](#) (форматы .epub и .mobi, задайте в поиске «макс фрай»).